

**ЗИНАИДА
СОКОЛОВА**

**ВСПОЛОХИ
НА КАМНЕ**

Она — нежная и беззащитная. Она — живое напоминание о предательстве и невозполнимой потере. Про Него говорят, что он сделан из камня и не имеет слабостей. И сердца. Его Он обменял на акции. К Его гневу и недовольству семейные узы и работа сводят их вместе. А к Её ужасу и страху сердце не может его ненавидеть...

Глава 1

Вой сирены безжалостно расколол ночную тишину. В маленьком городке людей меньше и трагедии происходят реже, поэтому каждая такая сирена «скорой помощи» была чем-то из ряда вон выходящим, и наутро все в городе старались обязательно узнать о том, что случилось и с кем.

Приёмный покой небольшой больницы выглядел также, как и лет сорок назад, когда его построили. Только в сто раз хуже. Ремонт был только в виде покраски стен, поэтому разруха была вопиющая. Но медикам было не привыкать к такому «дизайну», поэтому на него внимания никто не обращал.

А вот неместные пациенты бывали шокированы, особенно по приходе в сознание в реанимации. Там потолок был в таких жутких разводах, что открыв глаза, многие пугались и в ужасе хрипели «Где я?!».

«Вот и этот тоже, наверное, орать будет, — подумала Лия, моя пол под кроватью пациента. — Сразу видно, что не из нашего города.»

Девушка остановилась на минутку рядом с изголовьем и рассмотрела лежащего мужчину. Ещё ночью медсестры рассказали ей, что приняли пострадавших после аварии на трассе в десяти километрах от города.

Женщина была ранена легко и лежала в травме с переломом руки и сотрясением мозга, а мужчину пришлось отправить в реанимацию после операции на руке и ноге, да и крови много потерял.

Мужчина был необыкновенный, тут девчонки из приемного не приукрасили. Таких Лия в жизни в живую не встречала, только по телевизору видела, в кино может быть похожие были. Ростом, наверное, под два метра, широкие плечи с развитой мускулатурой просто кричали о немалой физической силе, а лицо... Холеная, аккуратно подстриженная темная борода, такие же темные брови под высоким лбом, волосы на голове чуть светлее, но выглядят густыми и ухоженными, несмотря на то, что взлохмачены.

Глаза, явно глубоко посаженные, длинные темные ресницы лежат неподвижно, а вот мелкие морщинки в уголках глаз дают понять, что это не юноша — мужчине лет тридцать пять или даже больше. Даже после тяжёлой операции мужчина выглядел привлекательно, бледность делала его красоту острее и аристократичнее.

Лия даже дыхание затаила, любуясь этим выдающимся экземпляром мужского рода. Приборы попискивали, грудь мужчины равномерно вздымалась и опадала. Вдруг простынь сбоку слегка дернулась и пациент вздохнул глубже и... открыл глаза.

Голубые, как небо в январе, с морозцем и острыми льдинками. Вот и последний штрих к этому мистеру Идеальный мужчина. И тут идеальность рухнула.

— Где я?! — мужчина повел головой по сторонам и увидел меня. — Ты кто такая, пугало?

Я онемела сначала от неожиданности, а потом от возмущения. Может это влияние наркоза? И он всё же не такой, как сейчас себя ведёт?

Больной же окончательно пришел в себя и приподнял голову, пытаясь увидеть больше, чем ему позволяла аппаратура вокруг и ширма на левой ноге.

Мне все не удавалось выдать хоть слово, чтобы прояснить ситуацию. Сглотнув сухой ком в горле, я все же просипела:

— Вы в реанимации...

— И где она? В аду?! — неожиданно громко гаркнул необычный больной. — Да и там, поди, лучше все организовано. Повторяю вопрос — кто ты такая? Что за палка у тебя в руках?

Я окончательно растерялась и смогла только односложно ответить:

— Швабра...

— Ясно, значит ты, всё-таки, пугало. — для только очнувшегося после операции он говорил очень бодро и громко. — Кроме пугала на швабре врачи здесь имеются?! Или ты единственный человек в этой богадельне?

Мужчина смотрел на меня и ждал ответа.

— Я позову врача, — наконец я отмерла и в испуге рванула в сторону двери, забыв, что в руках у меня швабра. А она, оставшись без моей поддержки, со страшным грохотом упала на плиточный пол палаты прямо у кровати тяжелобольного.

Выбегая в коридор, услышала позади громкое "Идиотка!!!"

Я выбежала в коридор и увидела, что к палате приближается группа из нескольких человек. Они шли ещё в начале прохода и мне не было понятно, сколько там их. Во главе шествовал седовласый высокий мужчина, за ним бежал наш заведующий отделением, его я и за десять километров узнаю.

Рядом с высоким господином гордо несла себя сухая дама неопределенного возраста — я бы могла дать ей и сорок и шестьдесят лет, смотря под каким углом посмотреть. Позади этой троицы шли два шкафа.

По-другому их назвать не могу, эти мужчины реально были похожи на два гардероба. И по параметрам и по отсутствию мимики на лице, мне кажется, у мебели мимика даже поживее будет.

Все посетители были без халатов, только заведующий наш на их фоне выделялся ярко-белым пятном. Судя по траектории, процессия шла в палату к мистеру Совершенный грубиян.

Поэтому я решила никак не сообщать о том, что больной очнулся и стал буйным больным. Мне хватило добрых слов от него, а эти гости сейчас и сами увидят, что мужчина жив-здоров и даже слишком.

Люди в реанимации обычно тихие, на обезболивающих, я спокойно могу убраться и никто грубого слова не скажет. А сегодня я даже свое орудие труда потеряла из-за этого переломанного хама. Теперь и не забереешь, пока эта толпа из палаты не уйдет.

А потом я подумала и поняла, что лучше за новой шваброй схожу, чем сегодня ещё раз зайду в ту палату. Спрошу у девчонок, когда они снотворное дадут этому чудо-пациенту, и, как уснет, домою полы и верну свою швабру.

Строя этот нехитрый план, я вжалась в выемку между двумя выступами в стене коридора, когда три человека и два шкафа проходили мимо меня. Пожилой мужчина низким голосом выговаривал нашему Олегу Павловичу нечто неприятное, поскольку заведующий морщился после каждого услышанного слова и пытался оправдываться.

Я расслышала только кусочек этого поразительного диалога.

— Тут скот держать нельзя, а вы людей оперируете! — вещал гость с седой головой.

— Нам приходится... — пытался объяснить заведующий.

— Завтра же к вам прибудет комиссия, чтобы выяснить, были ли основания для оперативного вмешательства. — продолжал басить гость.

— Была большая кровопотеря... — блеял Олег Павлович.

— За последствия вы ответите! — грозил неизвестный гость.

— Нельзя было медлить... — почти шептал заведующий.

Больше мне слышно не было — вся компания из пяти человек вошла в палату. И сначала раздались громкие восклицания больного, а потом женские рыдания и причитания.

Я тихонько вышла из укрытия и пошла за новой шваброй. Попадаться на глаза гостям, а тем более нашему заведующему, у меня не было никакого желания.

После такого обращения с собой Олег Павлович обязательно отыграется на своих сотрудниках, поэтому встреч с ним лучше избегать.

Спускаясь в цокольный этаж, я размышляла, кто же эти люди, приехавшие к мистеру Хаму? Рассмотреть я их толком не смогла, но пожилой высокий мужчина был явно той же

породы, что и наш необычный пациент. Может отец и сын?

Вероятно так. Да и женщина вела себя, как мать, испугавшаяся за сына. А шкафы? На братьев они не тянули. Если только друг другу они братья. Ладно, все узнаю чуть позже. Девчонки дежурные все равно расскажут потом.

И я дальше поскакала по ступенькам.

— Мам, я дома! — кричу я, заходя в квартиру.

Снимаю куртку, быстро скидываю кеды и бегу на кухню. Конечно, мама там и снова готовит, хотя я ей строго-настрого запретила стоять у плиты.

— Дочь, я знаю, что ты скажешь, — мама поворачивается ко мне и улыбается, продолжая чистить картошку.

— Конечно знаешь, я ведь тебе это три миллиона раз говорила! — от досады говорю чуть громче, чем необходимо. — Мне страшно, что ты можешь упасть, когда находишься одна в квартире.

Отбираю нож и картошку из маминых рук и начинаю чистить сама.

— Мам, сядь в кресло, будем вместе готовить, — пытаюсь найти компромисс, — дам тебе лук очистить.

Мамуля моя медленно подходит к креслу и с явным облегчением туда усаживается. А я начинаю без умолку болтать, рассказывая про работу, про девчонок, про пациентов. Это уже ритуал — делиться событиями дня с мамой.

Раньше про учёбу рассказывала, а теперь про работу. Сейчас мама с особой жадностью меня слушает, так как очень редко покидает стены квартиры. Проблемы с сердцем сделали из неё вынужденную затворницу.

Поэтому я и не хочу, чтобы она готовила, когда одна в квартире, боюсь, что может упасть, и никто не сможет ей помочь. Но маму не так просто убедить чего — то не делать, характер у неё крепкий, даже врачи говорят, что при её состоянии многие с кровати встать не могут, а она ходит.

Тут мы похожи, мне тоже упрямства не занимать, но характер не такой сильный, боязливая я какая-то бываю, если меня в открытую обижают или обвиняют. Мама частенько называла меня тихой бунтаркой — напролом не иду, но за правду стою горой.

Я из тех, кого нужно постараться довести до точки кипения, и тогда летят пух и перья. Пытались бороться с этим неприятным качеством, но пока безрезультатно.

— Лёша звонил, — говорит мама, не поднимая головы от миски с луковой шелухой, — тебя искал. Сказал, что ты недоступна.

— Ма, ты знаешь, что я и в реанимации бываю, там телефон нельзя, — пытаюсь объяснить свою недоступность.

— Позвони ему, Лия. Он хороший молодой человек, серьезно тобой увлечен, а ты даже шанса ему не даешь, — мама поднимает на меня умоляющий взгляд.

Это у нас это старая песня. Про меня недоступную и про Алексея Прекрасного. Этот парень уже месяца три за мной пытается ухаживать, хотя я не давала повода так меня осаждать. После двух свиданий прямо сказала, что не готова с ним встречаться. Не нравился он мне и всё.

Вроде по всем параметрам прекрасный парень — работающий, красивый, обходительный. Но меня совершенно не тянуло к нему, даже наоборот, когда он полез целоваться, мне было так противно, что сплюнуть хотелось потом. Бррр!

— Хорошо ма, позвоню, — не отказывать матери я себя научила, мне не хочется усугублять её, и так болезненное состояние, лишними переживаниями.

— Лия, я сегодня в новостях видела, что авария на трассе была, и пострадавших

привезли в нашу больницу! — маму явно заинтересовала эта информация. — Они у вас? Как их состояние?

Я вдруг почувствовала странное смущение, словно скрыла что-то нехорошее. Хотя, ну что такого? Ну рассматривала мужчину, они вон направо и налево пялятся на девушек! И, всё же, я решила не вдаваться в подробности моего знакомства с мистером Хамом.

Если маме рассказать все подробности, то она расстроится, что её дочурку обозвали пугалом. Я маму знаю, она сама может на меня поворчать, но другим меня обижать не позволяла никогда.

Не знаю точно, всегда ли этот странный пациент такой грубиян или лекарства повлияли, но, вспоминая его, мне становится как-то зябко. Словно я нарушила какое-то правило поведения и теперь дрожу от страха, боясь разоблачения.

Ничего такого я не сделала, только стояла у кровати тяжелобольного и пялилась на него, как на неведому зверушку. И он меня застукал за этим занятием. Очень надеюсь, что он был не совсем ещё в себе, и забыл этот неловкий для меня момент.

Очень не хочется объясняться с заведующим, если мистер Хам пожалуется на меня. Ему явно не нравилось всё, что он видел в больнице, может моя скромная персона сольется в его сознании с теми пятнами на потолке палаты? Пусть я буду глюком от наркоза.

Мои мысли прервал голос мамы:

— Ты куда столько картошки начистила?

Я посмотрела на полную кастрюлю картофеля и засмеялась.

— Мам, будем есть неделю! Картофельная диета.

И в этот момент позвонили в дверь. Бегу в коридор, на ходу вытирая полотенцем руки. Сегодня обещала Людка зайти, моя подружка ещё со школы. Распахиваю дверь и утыкаюсь носом... в огромный букет роз.

За букетом был Лёша. Нарядно одетый и пахнувший сосной. Наверное туалетная вода такая, но ощущение было, что он сосновыми ветками натерся. Лёша улыбался и вопросительно на меня смотрел.

— Привет! Войти можно? — не дожидаясь ответа парень шагнул в квартиру и протянул мне розы, в другой руке он держал торт.

— Уже вошёл, — я закрыла дверь и молча, волоча букетище, пошла в кухню. Алексей бодро шагал сзади.

Мама, увидев нас, засветилась, словно лампочка, отставила миску с луком и заулыбалась гостю.

— Здравствуй, Алёша! Какая приятная неожиданность! — мама как-то очень театрально удивлялась приходу гостя. Я с подозрением на неё посмотрела, потом на Лёшу. Что-то мне всё это не нравится.

— Лёш, ты с чего вдруг с розами пришёл? — напрямую спрашиваю незваного гостя, наливая воду в чайник.

— Я пришёл поговорить. — Алексей уселся за стол и переглянулся с мамой.

Ставлю цветы в вазу и параллельно наблюдаю за мамой и Алексеем. Не нравится мне этот визит, совсем не нравится. Завариваю чай и слушаю, как мама и Алексей мило беседуют.

— Алёша, как у тебя дела? Как работа? — с интересом спрашивает моя родительница.

— Лидия Петровна, на работе всё прекрасно! Деньги платят, коллектив меня уважает, есть карьерный рост. — парень явно доволен собой.

— Я так за тебя рада, Алёша! Жаль Лие не удаётся пока реализовать свои знания, моя вина, конечно. Болею всё время. — мама опускает голову.

— Вы не переживайте, Лидия Петровна, жизнь может измениться и всё станет не так трудно. Главное принимать верные решения. Правда? — парень переводит взгляд с мамы на меня и обратно, словно ждёт, как мы дружно согласимся.

Я режу торт и молчу, глядя, как нож мнёт кремовую розочку. Терпеть не могу масляный крем в пирожных и тортах. И мне и маме по душе суфле и безе.

И, как назло, всплывает наша первая с Лёшей встреча в кафе, тогда я с ним этой информацией радостно делилась, заказывая пирожное «Птичье молоко». Забыл наверное, купил не торт, а сплошную масляную бомбу.

Разливаю чай и отхожу снова к плите. Картошку нужно все же отварить.

— Лия, ты что?! — слышу возмущение в голосе мамы. — Садись за стол с нами.

— Мам, пару минут вы и без меня чай можете попить, а мне нужно ужин готовить. — упрямо не хочу рядом с Алексеем сидеть.

— Так, Лия, ужин от тебя никуда не денется, — парень встал и, взяв меня за плечи, развернул к столу. От такой наглости я растерялась и плюхнулась на стул возле мамы.

Мы пили чай и вели какой-то странный разговор ни о чём. Торт ел только Лёша, мы с мамой лишь с удивлением наблюдали, как парень заглывал кусок за куском.

— Лёш, ты чего торт и цветы притащил? Вроде ни у тебя, ни у нас с мамой дня рождения не намечается? — вопрошаю я, пытаюсь спасти Алексея от переизбытка глюкозы.

Алексей запивает чаем съеденные полторта, и вытерев губы от масла, поворачивается

всем корпусом в мою сторону.

— Лия, ты же понимаешь, что вам с мамой трудно справиться с навалившимися на вас проблемами. — Алексей вальяжно разваливается на стуле, явно разомлев от чая с тортом. — Вам нужна поддержка, крепкое плечо, так сказать.

Я слушаю его и до меня начинает доходить суть всей этой ситуации.

— Алексей, говори прямо — ты зачем пришёл? — я начинаю уже злиться.

— Лия, я не учила тебя грубить гостям! — восклицает мама в ужасе. Я внутренне одёргиваю себя и делаю глубокий вдох. Маму расстраивать нельзя. Буду вежливой при ней с этим павлином в костюме.

— Лёш, ты что предлагаешь? Помощь? — говорю с резиновой улыбкой.

— Я предлагаю тебе, Лия, лучшее решение. — Лёша выпячивает грудь. — Ты должна стать моей женой.

Меня сдерживало только присутствие мамы, которая, замерев возле меня, ждала развития событий. Иначе остатки торта я бы давно нахлобучила на голову этого самоуверенного жениха.

— Алексей, — начинаю я, нарочито вежливо, свою речь, — ты меня удивил. Наши отношения совсем не в том состоянии, чтобы думать о браке...

— Тебе и не надо думать, — перебивает меня парень, — это дело не для женщин. Главное, что я принял решение. Немногие мужчины готовы взять на себя такой груз, поэтому ты просто можешь кивнуть в ответ на моё предложение, этого достаточно.

Опешив, я слушаю эту самодовольную речь и, честно говоря, не знаю как ответить на этот бред, чтобы у мамы не случился приступ.

Как же удачно позвонили в дверь! Это лучшее совпадение в моей жизни. Ещё первая трель звонка не завершилась, а я уже летела по коридору.

— Лия, не бегай так! — слышу возглас мамы мне вслед. Причины этому есть — пол в коридоре у нас скользкий. Он покрыт не одним слоем лака и детстве я в носках не раз падала на этом мини катке.

Подлетаю к двери и распахиваю, не глядя в глазок. Будь там Кощей Бессмертный — расцелую в обе щёки! В такой нужный момент пришел человек, что мне не жалко и зацеловать.

За дверью далеко не Кощей, в госте килограммов под девяносто, но я всё равно с радостью бросаюсь целовать. Людка ошарашено смотрит на меня, онемела даже от неожиданности, что для неё совершенно несвойственно.

— Лийка, ты грибов ядовитых наелась что-ли? — Людка отмерла и, как всегда, начинает с шуток, обожаю эту Плюшку.

— Люда, ты просто послана небесами! — втаскиваю подругу в свою комнату, благо она рядом с входной дверью. Закрываю дверь и начинаю быстро объяснять моей Плюхе, что меня сватать пришли. Шепчу на ухо, быстро — быстро. У меня максимум полминуты, пока мама не позвала меня.

— Лия! Ты куда пропала? — вот и мама.

Выглядываю в коридор и бодро кричу ей:

— Это Люда пришла! Мы руки моем. Сейчас придём.

Подруге долго объяснять не нужно, она быстро входит в курс дела и мы идём на кухню. Алексей с Людой незнаком и я торжественно представляю их друг другу. Сейчас для меня главное, чтобы мне при маме не пришлось отказывать такому желанному (для мамы) жениху.

Алексей явно недоволен, что сразу не получил от меня положительного ответа, но пытается казаться невозмутимым. Строит из себя джентльмена, предлагает Люде сесть за стол поближе к торту.

Это он зря. Люда недаром имеет прозвище Плюха, всё, что сделано из муки, Людой уничтожается беспощадно и быстро. И при этом Люда просто не умолкает.

— Лидия Петровна как вы себя чувствуете? Да, погода влияет, конечно. — Люда проглатывает кусок торта и продолжает. — Алексей, а где вы работаете? А вы на машине? Ой, как чудесно! — Алексей ей передаёт ещё одну чашку чая. — Спасибо, сразу видно, что вы галантный мужчина. Мне так нужно до почты доехать, ногу подвернула вчера и хожу, как кляча. Подвезёте? Тут недалеко, минут пятнадцать пешком, а на автомобиле мы за пару минут домчимся. Хорошо?

Алексей переводит взгляд на меня, но я делаю вид, что пью чай, опустив взгляд в чашку. Мама явно пытается вставить хоть слово в речь Люды, но Люду не так просто перебить.

В конце концов, Люда уводит Алексея и я, закрыв за ними дверь, выдыхаю. Но ненадолго, потому что вернувшись на кухню вижу взгляд мамы.

— Что это было, Лия? — мама по-настоящему сердита. Сажусь рядом с ней и беру её за руку.

— Мамуля, прости меня, но я не могу ничего с собой поделать. — прикладываю мамину

руку к своей щеке. — Понимаю, что ты хочешь мне лучшего. Но Алексей — не лучшее для меня.

— Доченька, — мама обнимает меня за плечи, — нет лучшего. Алеша искренне тебя любит и хочет помочь, как и подобает любящему человеку. Он немного играет в важного мужика, но это не страшно. Мне так хочется знать, что о тебе кто-то заботится, помогает, любит.

Размыкаю наши с мамой объятия и смотрю ей в глаза.

— Мамуль, а я? Мне любить не нужно?

Мама откидывается на спинку кресла и прячет от меня взгляд.

— Лия, женщина всегда в любви теряет, только здравый расчет помогает строить семью, растить детей, учить их. На любви год протянешь, а потом? — мам вновь смотрит на меня.

— Ты же любила моего отца. Я знаю это, чувствую. Слова плохого про него не сказала никогда. А детей и без мужа вырастить можно. — отхожу к раковине и начинаю мыть посуду.

В этот вечер мы с мамой больше не поднимали тему про Алексея и замужество. Завтра я работаю во вторую смену в больнице и поэтому сегодня вечером у меня есть время подольше позаниматься шитьём.

Почти год, как это стало моим любимым занятием. Сначала я себя снабдила обновками, научившись кроить и шить юбки и кофточки, а потом и мама стала щеголять в новеньких халатах.

Сейчас несложно научиться новому, интернет полон всяких курсов. После университета работу по специальности я не смогла найти. В нашем городишке все нормальные места практически по наследству передаются, поэтому пока тружусь поломойкой по сменам, а дома шью.

Постепенно хобби начинает приносить доход, чему я очень рада. Инстаграм помог мне продать несколько лоскутных одеялок для детей и теперь я шью в основном их. Уехать работать в большой город я не могу из-за болезни мамы. Да и боязно мне ехать в неизвестность, хотя меня и звали однокурсники к себе в компании.

Я училась очень хорошо, но пока знания мои не используются. Но я не тревожусь об этом, сейчас есть другие заботы, поэтому расчехляю швейную машинку и начинаю творить одеялко с Винни Пухом. Такие продаются гораздо лучше. Чтобы это понять, моё экономическое образование не потребовалось. Тут и так понятно — Винни Пух всем нравится.

До работы успеваю забежать в магазинчик, где мне частенько оставляют пару булочек с корицей или плюшек с сахаром. Это для моих девчонок из реанимации и травматологии, им иногда и присесть некогда, а не то что за выпечкой бегать. Пусть порадуются.

Но прежде всего мне нужно узнать про особенного пациента. Убираться в палате, если он в сознании, я не смогу. Меня аж трясти начало, когда я представила, что он мне припомнит вчерашнее и ещё сверху добавит.

Я хоть и не совсем трусиха, но смелость мне приходится занимать, своей не хватает. Трудно переносу грубость и крик в свой адрес, теряюсь и совсем не могу здраво мыслить в этот момент. Особенно, если люди мне незнакомые это делают. Тогда у меня полное онемение происходит.

Переделалась быстренько и первым делом в «травме» убралась. Угостила первую мою девчонку, медсестру Катю, булочкой и направилась в отделение интенсивной терапии, как гордо написано над дверью реанимации. Сама дверь, пол и вообще всё в больнице — почти древние развалины, а вывески, как в насмешку, повесили год назад новые.

Открываю дверь реанимации со страхом, но в коридоре никого нет, и я почти смело шагаю к сестринскому посту. Сегодня дежурит Марина, её девчонкой трудно назвать, ей в прошлом месяце пятьдесят пять стукнуло. Но все привыкли звать медсестер девчонками, так исторически сложилось, и нарушать традиции никто не хочет. Особенно сами девчонки.

— Привет, Лия! — я аж вздрогнула от неожиданности и повернулась на голос. Марина шла по коридору с пачкой бумаг в руках. — Что сегодня? С корицей?

— Здравствуйте, Марина Витальевна! — хоть и девчонка она, но для меня все же Марина Витальевна. — С корицей сегодня, вы угадали!

Пока есть минутка мы с Мариной пьем кофе с булочками и я выведываю последние новости и, так сказать, обстановку на линии фронта. Марина воодушевленно сообщает, что мистер Хам ещё в палате реанимации, и что его увезут сначала в областной центр завтра, а потом в Москву.

Ведёт он себя высокомерно и очень требовательно, но все процедуры и лекарства принимает. Снотворное ему дают на ночь — это я сразу выяснила. И значит мне придётся убираться при полном сознании пациента.

Я приуныла. Марина моего уныния не замечает и начинает расписывать, как прекрасен этот столичный гость, как идеально сложен и какие у него необыкновенные глаза.

Её можно понять, она лет десять в разводе уже, новых кавалеров не заводила, поэтому реакция чисто физиологическая, нормальная. А вот моя реакция — страх и паника. Этот красавец вчера отбил всякое желание смотреть на него с восхищением.

Всего один вопрос про пугало и стало ясно, что за внутренний мир у этого избалованного богатенького москвича. А то, что он богат, мне тоже Марина сообщила. Его семья полностью оплатила лекарства и материалы по уходу, боясь, наверное, что мы тут бинты кипятим и по пять раз используем.

Да и по внешнему виду и поведению его семьи было понятно, что они люди далеко непростые. Кстати, я узнала и как зовут мистера Хама. Петровский Петр Андреевич.

— Его сразу забрать хотели, но врач, которого привезли ему из Москвы, запретил вчера транспортировку больного. Слишком рано после таких травм и операции. — Марина доела

угощение и открыла тумбочку у стола. Вынула оттуда небольшой пакет и протянула мне.

— Держи вот, с мамой чай попьешь, — в пакете было три шоколадки и маленькая коробка конфет. Типичный набор к концу смены медсестры, — ты же знаешь, что я не ем шоколад.

Благодарю Марину и грустно склонив голову бреду мыть помещения реанимации. Как бы я не тянула время, но до палаты с истером Хамом дело всё-таки дошло. Открываю дверь и, не глядя по сторонам, прохожу с ведерком и шваброй внутрь палаты.

Других пациентов в палате нет, ещё вчера всех выписали в обычные палаты. Мистер Хам один. Не смотрю даже в сторону его кровати, надеясь, что он спит. Всё-таки время тихого часа сейчас. Может мне и повезет и я спокойно уберусь? Мою пол быстро, не заморачиваясь с углами и под кроватью, сейчас главное — побыстрее всё сделать.

Звук был громкий и очень неожиданный, я подпрыгнула вместе с ведром в руках. Вода расплескалась на пол, на меня и на бежевые замшевые туфли вчерашней пожилой дамы неопределенного возраста. Она стояла рядом со мной и смотрела, как грязная вода впитывается в замшу. А на нас хмуро смотрел Петр Андреевич, спокойно спавший ещё минуту назад.

Ума не приложу, как эта дама так беззвучно вошла! И потом уронила на кафель пакет с минералкой. В стеклянных бутылках!

— Извини, Петя! — дама с нежностью посмотрела на хмурого пациента на кровати. — Пол мокрый, поскользнулась и минералку твою любимую из рук выпустила.

Петр Андреевич переводит взгляд на меня и в нем явственно читается узнавание.

— Пугало? Опять ты?

Да, не удалось мне слиться с пятнами на потолке.

Не знаю, как бы развивалась вся эта пьеса, если бы в палату не вошёл тот седой мужчина, которого я видела в коридоре вместе с этой дамой в замшевых туфельках.

Пока была немая пауза после падения бутылок, открылась дверь и внимание переключилось с меня на посетителей. Я воспользовалась тем, что и Пётр и его, как я поняла, мама, стали общаться с вошедшим мужчиной и заведующим отделением.

Олег Павлович отчитывался перед гостем, словно тот главнокомандующий. Полный доклад о проделанной работе я слушать не стала и, пятась, выскользнула в дверь. Сердце стучало где-то в горле и мне понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться.

Мысли о всей этой безумной ситуации не отпускали меня до конца моей смены. Бутылки разбитые убрали без меня, так что я больше в эту злополучную палату не возвращалась.

Мне пришлось затаиться в сестринской и дожидаться ухода Олега Павловича, чтобы только потом уйти самой. Судя по всему, о том, что я облила грязной водой мамашу нашего Мистера Хама, никто Олегу Павловичу не сообщил.

Конечно, я в этом инциденте не виновата, но это и не важно, когда кому-то нужно кого-то обвинить. Разбираться никто не стал бы, а просто заставили бы оплатить туфли. А они стоят, если я не ошибаюсь, моих четыре зарплаты, а может и пять.

— Лия, ты чего такая хмурая? На тебя непохоже. — Марина Витальевна зашла в сестринскую с папкой в руках.

— Да ничего, все нормально. А что за папка у тебя? — любопытство у меня в крови видимо.

— Палыч принёс, сказал сложить туда всю информацию о Петровском. Завтра его заберут в Москву и эту папку вместе с ним. — Марина Витальевна взяла документы из сейфа и стала складывать в папку, предварительно просматривая каждый документ.

Я присела рядом с медсестрой на стул и с интересом наблюдала за процессом.

— Марина Витальевна, а кто эти посетители, которые второй день ходят и Олег Павловича дрессируют?

— Мать его и её муж. — Марина взглянула на меня поверх очков.

— Муж? Я думала это отец пациента. — искренне удивилась я.

— Отец где-то за границей был, судя по разговорам. Приехать быстро не смог.

— Выходит, что этот седовласый, отчим Петровского? — я удивлённо уставилась на Марину.

— Ты так удивляешься, словно отчим может быть только у маленьких детей. Как видишь и большие мальчики могут иметь отчима. — засмеялась Марина.

— Да не в этом дело! — отмахиваюсь я. — Они похожи очень. Прямо как отец и сын.

— Ты права, они похожи, но они не отец и сын вроде. У них и фамилии разные. Один — Петровский, а другой — Леснов. У матери Петра тоже фамилия Леснова. — Марина закончила с документами и захлопнула папку.

— Не отец значит. — меня почему-то порадовал этот факт. Словно наличие отчима может оправдать хамское поведение Петра.

Домой я пришла уже вполне спокойной. Только во двор дома зашла с оглядкой — боялась, что жених мой опять меня караулит, но нет, ни Алексея, ни его машины во дворе не

было.

Но моё внимание привлёк блестящий серый автомобиль возле нашего подъезда. Наш двор таких красивых машин не видел раньше. На таких ездят в другом месте, а не в нашем пенсионерском старом районе, в котором и старый «фордик» Алексея казался шиком, а что уж говорить об этой немецкой диковинке с сияющим знаком на носу.

Я иду к подъезду и ловлю себя на том, что замедляю шаг, и к дверям подхожу практически крадучись. Странное предчувствие тянет в груди, заставляя начать волноваться.

Дверь в квартиру не закрыта! Влетаю пулей в коридор и затем в большую комнату. Картину застаю занятую. Мама сидит за столом с весьма импозантным мужчиной лет пятидесяти. Одет он сдержанно, но очевидно, что дорого. И я ощущаю очень приятный лимонный мужской парфюм.

— Лия, ты чего такая растрепанная? — мама, как всегда вместо приветствия делает мне замечание о внешнем виде.

— Здравствуйте... — растерянно смотрю на чашки с чаем и сладости в вазочках на столе.

И тут я замечаю, что мужчина смотрит на меня не отрываясь, словно пытается подробнее изучить каждую деталь. Потом медленно встаёт и подходит ко мне ближе. Продолжая меня рассматривать, он протягивает мне руку.

— Лия, здравствуйте. — смотрит на меня и явно ждёт, когда я протяну ему руку для приветствия.

А я ничего не понимаю, но поднимаю глаза и на автомате пожимаю руку.

— Лия, — мужчина, горько улыбнувшись, опускает руку, — меня зовут Илья Евгеньевич Игнатов, я юрист компании «СтоунГрупп».

Мужчина оборачивается к маме, словно спрашивает разрешение говорить дальше.

— Дочка, Илья Евгеньевич приехал увидеть тебя. — мама уже встала с кресла и стоит облокотившись рукой на стол. — Он искал нас. Искал...

Вижу, как мама меняется в лице, и оседает на пол, подлетаю к ней и пытаюсь поднять. Мужчина в секунду оказывается рядом и берёт маму на руки.

— Куда её положить? — гость сосредоточено смотрит на меня.

— На кровать, сюда несите, — я торопливо шагаю в спальню, оглядываясь на маму на руках Ильи Евгеньевича.

Последующие пятнадцать минут я занята только мамой, измеряю давление, пульс, даю лекарство и мама розовеет, начинает ровнее дышать. Взгляд становится осмысленнее.

— Он нас искал, Лия. — мама сжимает мою руку.

— Мам, я поняла, что Илья Евгеньевич нас искал. — пытаюсь успокоить маму, хотя совершенно не понимаю, зачем нас искал какой-то юрист.

— Ты не поняла, дочка. — мама улыбается, глядя на меня. — Нас искал твой отец!

Глава 8. Пётр

Это просто нечто! Такая активная девочка. В какой-то момент от напряжения мне практически сводит ноги, но я продолжаю двигаться, снова повторяю все сначала.

Я не жалею женщин, руководящих в спальне, но сейчас я просто на грани от удовольствия. Мне лица девушки не видно, только длинные волосы цвета каштана колышутся в такт движениям.

Глажу рукой её гибкую спину, поясницу, чувствую, что всё просто волшебно и с каждой секундой всё прекраснее и...

Окно. Оно почти во всю стену и звук от удара просто убийственный, я словно глохну на мгновение, в ушах жуткий звон только. Стекла сыпятся и сыпятся. Зачем она разбила окно?

Я с усилием разлепляю глаза и вижу потолок в жутких разводах. Охренеть, это был сон!! Да, красotka, скачущая на мне была сном, но не звук, который едва не оглушил меня и не дал кончить.

Перевожу взгляд с потолка на причину моего пробуждения.

— Пугало?

А рядом моя матушка.

— Петя, прости, разбудила, — мама виновато и ласково смотрит на меня, — поскользнулась и минералку твою любимую разбила.

В голове ещё угар от, хотя и воображаемого, но очень горячего траха с нежной и горячей девчонкой. Но тело воспринимает иллюзию очень реалистично — под одеялом у меня твердый не только гипс.

Давненько я так не плоховал, прямо при матери угораздило эротические сны просматривать. Но этого мало! В следующий момент после этих мыслей в палату заходит Леснов. И за ним горе-руководитель этого заведения собственной персоной.

А я краем глаза, и ещё сонного сознания, ловлю момент, когда эта странная пигалица ловко выскальзывает из палаты. Пугало и есть, хотя и молоденькая совсем. Одни глазищи в пол лица что-то стоят, а в остальном просто мрак, а не молодая девка.

— Петр, ты как себя чувствуешь? Тебя завтра везти нужно. — Леснов стоит у кровати и сверлит взглядом мои ноги.

— Состояние удовлетворительное, — встревает в разговор заведующий.

— Я в состоянии ответить о своем состоянии! — гаркаю я, злясь от того, что не могу быть полностью дееспособным. И всякое попечение надо мной меня приводит в ярость. Да ещё грёбаный сон вывел из равновесия. А заведующий понятливый — сразу свалил из кабинета.

— Петя, ты чего? Семён волнуется, вертолет заказан и врачи ждут в Москве. — мама как всегда снимает всякое напряжение парой слов.

— Мам, прости, меня так задолбало это место, что уже сил нет. — примирительно улыбаюсь моей родительнице. Мне под сорок, а она до сих пор считает, что её сын мальчишка-ромашка, не знающий, что такое злость и матюки.

А я и не убеждаю её в обратном, не нужно её волновать и разочаровывать. Пусть Петр-сын будет милым добрым мальчиком, а Петр Андреевич Петровский жёсткой безжалостной сволочью, как меня не раз называли и в глаза и за глаза.

Маме не нужно знать, как мне приходится «ломать кости» и «сдирать шкуру» с

подчинённых и конкурентов, это часть меня не для матери. Она исключение. А остальные знают, что мне все равно, как добиться того, что мне нужно. И это делает проще всякое общение, люди уже знают правила и не нужно тратить лишнее время.

— Петр, завтра в девять тебя увозят, а уже в одиннадцать ты пройдешь полное обследование в клинике Гришина. Он уже готов сам лично оперировать, если будут показания. — Леснов стоит у кровати и хмурится, глядя как я пытаюсь приподняться.

— Я все понял! Постараюсь никуда не отлучаться завтра с утра, — пытаюсь шутить, хотя злость переполняет и я едва сдерживаю, чтобы не разбить что-нибудь из посуды на тумбочке. Только до неё я и могу дотянуться. С удовольствием бы шваркнул тарелкой об пол! Полегчало бы может.

— Сонечку сегодня забрали родители, она так похудела бедняжка! Но у неё нет сильных повреждений, Слава Богу! — мама, как обычно, печется обо всех.

— Соня всегда была живучая, ей даже змеиный укус не повредил, — Леснов ухмыльнулся, — тогда в пустыне, помнишь?

— Прекрати Леснов! — ого, по фамилии? Мама тоже может злиться и тогда только по фамилии. Очень удобно, всегда знаешь, когда накосячил и пора менять поведение.

— Не забывай, кто был за рулём. — а Леснов рискует. Мама обожает Соню и готова ей простить всё. Даже возможную вину за мои травмы, хотя в первую нашу встречу после операции очень испугалась и готова была переосмыслить свое обожание Сони.

Но все обошлось вроде и Соня вновь любима. Мама имеет слабость к этой стерве и, наверное, это отголоски давней потери. Не знаю, но в ближайшее время, как только смогу распоряжаться своим телом, Соню нужно отправлять в отставку. Слишком часто стала подниматься тема свадеб и детей. А даже гипотетически Соня и брак в моём плане жизни никогда рядом не стояли. Тем более дети от этой сколопендры в юбке! Недаром змея с ней не справилась. Тут Леснов прав.

Но в постели была хороша, этого не отнять. Но она такая не одна, так что с Соней завязываю.

Глава 9. Лия

Илья Евгеньевич не отрывает от меня взгляда, а я смотрю на маму. Потом поднимаю глаза на мужчину.

— Вы работаете на моего отца? — мне понятно, что юрист не мой родитель, значит он гонец.

Илья Евгеньевич просто кивнул, потом сел на стул у кровати.

— Лидия Петровна, нужно вызвать скорую помощь! — обратился он к маме

Мама приподнялась и я подложила подушку ей под спину.

— Не нужно скорой. Мы с Лией научились сами справляться. Врачи дадут тоже самое, ничего другого они просто сделать не могут. — мама взяла меня за руку и серьезно на меня посмотрела. — Лия, твой отец искал нас много лет, понимаешь?

— Мам, что значит искал? Мы же вроде не потерялись. — похоже я чего-то не знала.

Илья Евгеньевич как-то горько усмехнулся.

— Доченька, так получилось, что мы очень неожиданно расстались с твоим отцом, — мама взволнованно и, как-то смущенно, продолжила, — хотя я считала, что он просто забыл обо мне, о нас. Адреса нашего у него не было, а мы встретились далеко от нашего города.

— Далеко от города? Ничего не понимаю, — меня начала тяготить эта запутанность ситуации. Выходит, мама не совсем была искренна со мной? Есть что-то, чего мне не говорила, вероятно, пытаюсь не сделать больно и не разочаровать? Столько вопросов в голове.

Илья Евгеньевич встал со стула и ушел в комнату, где они с мамой пили чай, когда я пришла. Оттуда он вернулся с портфелем в руках.

— Лия, ваш отец потратил не одно десятилетие на ваши поиски. Но теперь моя работа практически закончена. — мужчина протягивает мне несколько листов бумаги. — Здесь почти все, что может дать ответы на ваши вопросы. Пока только на бумаге. Но, я вас уверяю, что уже скоро вы увидите с отцом. И тогда он лично сможет все рассказать.

Илья Евгеньевич достает визитку и тоже вкладывает мне в руку.

— Это мои контакты, на случай если вам самой понадобится связаться со мной. А как связаться с вами, я уже знаю. — мужчина очень по-доброму мне улыбнулся. — Ну а сейчас мне пора. До свидания, Лидия Петровна! Лия! Надеюсь, очень надеюсь, что мы с вами ещё увидимся.

— До свидания, Илья Евгеньевич. — мама тоже негромко попрощалась с гостем.

Мужчина ушел, тихо захлопнув дверь квартиры. А я поворачиваюсь к маме и пытаюсь осознать, что сейчас произошло. Мама лежит, прикрыв глаза, после приступа она всегда обессилена, хотя она и попыталась поговорить сейчас. Я не позволила, ей нужно несколько часов, чтобы вновь набраться сил, да и мне нужно осмыслить произошедшее.

Последние дни моя жизнь словно вышла на новый виток, исчезли тишина и покой, моё тихое уютное болотце явно превращается в полноводную реку. События, одно другого ярче, происходят со мной независимо от моего желания.

И всё как-то после появления в нашей больнице необычного пациента. Словно он протянул за собой что-то новое. Но может я и просто придумываю. Сначала сватовство Алексея, теперь внезапное появление отца. Интересно, а как его имя?

Я посмотрела на документы у меня в руках. Мне нужно их прочитать, пока мама

задремала. Чувствую, что сегодняшней день поменяет мою жизнь. Пока не знаю как, но изменит.

Юрист сказал, что отец искал меня не один десяток лет, а это значит, что теперь в покое меня не оставят. Хочу ли я встретиться с отцом? Не знаю, я правда не знаю! До сегодняшнего дня я и не думала, что увижу его когда-нибудь, поэтому и не ждала никаких встреч.

Сажусь у окна на кухне и раскладываю бумаги на столе. На первом же листе сразу бросается в глаза фамилия «Петровский». Петровский?! Это совпадение? Читаю дальше — Андрей Николаевич. Андрей?

У меня отчество Андреевна. У мистера Хама тоже. И фамилия Петровский. Я Светлова как и мама, но отчество моё дано мне по родному отцу, мама это мне рассказала ещё лет двенадцать назад. Выходит отцы у нас с необычным пациентом носят одну фамилию? И одно имя. Совпадение просто невероятное, хотя и возможное.

Отмахиваюсь от мыслей о мужчине в реанимации и углубляюсь в чтение документов. Узнаю, что отец мой живёт в Москве и является руководителем и владельцем огромной, по меркам нашего города, строительной фирмы. Он женат, но про детей в тексте ни слова.

В принципе, информации об отце не очень много, основная есть только, а остальные листы заполнены историей поисков. Поисков меня! Я пробегаюсь глазами по этому свидетельству того, что мой отец меня очень хотел найти, и понимаю, почему юрист мне отдал эти листы.

Они совершенно четко дают понять, что меня не бросили и не забыли. География поисков просто огромна, от Калининграда до Тюмени. Больницы, роддома, морги, детские дома и школы. Боюсь даже представить, сколько средств было потрачено. Я так нужна моему отцу? Это для меня удивительно, ведь всю мою жизнь во мне нуждалась только мама. Бабушку я не помню.

Так странно понимать, что кто-то ещё хочет знать обо мне, видеть меня, что кому-то я тоже нужна. Ощущение, что все это происходит не со мной. Я отрываю взгляд от бумаг и смотрю в окно, чтобы немного успокоиться.

Вдруг я понимаю, что фотографии в документах нет! И пока я не увижу лицо этого человека — его словно и нет. Хватаю телефон и набираю данные отца в поиске. Тут же выскакивает множество фотографий. Понять, кто из этих людей мой отец, я не могу.

Закрываю поиск, не хочу путать себя, если отец нашёл меня, значит я его увижу вживую. Илья Евгеньевич сказал, что это скоро случится.

Глава 10. Лия

Мама проснулась через два часа, как я дала ей лекарство, и тут же позвала меня. Что ж, пришло время для серьёзного разговора. Сегодняшний вечер явно меняет мою жизнь, и я должна знать почему это происходит. А ответы есть у мамы, которая столько лет скрывала от меня очень важные вещи.

Понимаю, что у неё были свои веские причины не говорить мне правду, но теперь уже молчать не имеет смысла. Мама встречает меня хоть и виноватым, но твердым взглядом.

— Лия, все это выглядит не очень хорошо сейчас, но я считаю, что поступила скорее правильно, чем неправильно, — мама тяжело вздыхает.

— Ма, я не виню тебя, но мне нужно знать всё, что ты скрывала, сейчас уже нет смысла придумывать что-то, расскажи, как есть, — впервые я так прямолинейна с матерью, чувствую себя неуютно в такой ситуации.

— Дочь, а рассказывать много и нечего, очень банальная и простая история. Меня отправили в длительную командировку в один из Подмосковных городков, там я пробыла почти четыре месяца. Нас три человека было, моя подруга Света и ещё парень, мы жили в общежитии, работали по проекту, с которым нас послали на местный завод. — мама замолчала и провела рукой по лицу, словно стирая какую-то пелену. — Дай водички, пожалуйста. — маме явно нелегко вспоминать, она замолчала.

— Ты там встретила моего отца? — пытаюсь подтолкнуть разговор.

— Нет, Андрея я встретила в Москве, мы по выходным ездили гулять туда, когда со Светой, когда все трое. В тот раз я уехала одна. У Светы роман с нашим парнем случился, с Сергеем, вот я одна и поехала, чтобы им не мешать. Дождь был сильный, когда я из метро вышла, а Андрей предложил свой зонт, так мы и познакомились.

Я ловлю каждое слово, словно речь не о моей маме, а о каком-то другом человеке, так странно то, о чем она говорит сейчас. Столько лет ни слова, как камень молчала, и дальше бы молчала ведь, если бы отец не нашел нас.

— Это был первый месяц нашей командировки, — мама опускает глаза, — но я не говорила Андрею, что приехала издалека, как-то не смогла. Сказала, что живу в Подмосковье и... я назвала другой город... не тот, где работала... не могу объяснить почему...

Мама начинает тихо плакать и я понимаю, что нужно сделать перерыв в этих откровениях, иначе я доведу маму до очередного приступа.

— Все мам, на сегодня хватит, давай поедим, потом чай попьем с шоколадкой, мне сегодня девчонки надавали на работе, — встаю и протягиваю маме руки, чтобы помочь ей встать.

— Нет, Лия, дай мне сейчас все разом рассказать, иначе я потеряю храбрость и буду только плакать. — мама садится на кровати и продолжает. — Я влюбилась сразу, в первый же день, хотя тогда мне казалось, что это просто симпатия, но совсем скоро стало понятно — я уже всерьез влюблена. Андрей был очень простым и понятным, хотя и явно выше меня по статусу. Ездил на хорошей машине, был одет дорого.

Я стояла, облокотившись на подоконник, внимая каждому слову, словно слушала интересную историю из книги, а не описание реальных событий прошлого, напрямую связанных со мной.

— Мне было сложно устоять перед твоим отцом, слишком хорошим он был, — мама задумчиво улыбнулась, — слишком сильно он хотел быть со мной. А я была не наивная, но очень искренняя. Понимала, что мы не ровня, но не могла врать, что он мне не нравится и я не хочу быть с ним.

Мы провели вместе все выходные, который оставались у меня. Мы гуляли, сидели в кафе, потом ночевали в его квартире, где он жил один. Так он сказал мне ещё в первую встречу. Ещё до отъезда я поняла, что беременна.

Мама замолчала ненадолго, но потом уверенно продолжила.

— Мы предохранялись. Ты должна это знать, чтобы не считала нас с отцом безответственными, но твоё рождение было радостью для меня. Ты должна это знать! — мама смотрела на меня взволнованно. — Ты — самое лучшее в моей жизни, Лия!

Мама опять помолчала, испытующе глядя на меня.

— Мне было известно его имя, фамилию на спрашивала. Ему я назвала своё настоящее имя, но адрес он не знал, не знал, кем я работаю и где училась. Перед тем, как мы расстались, я ему сообщила, что жду ребёнка.

Он был удивлен, как и я, но ни слова о том, чтобы избавиться... сделать аборт... даже рад был, говорил, что хотел дочку... вероятно всё было бы по-другому, однако случай решил всё за нас. Твой отец сильно отравился и неделю был в больнице в тяжёлом состоянии. Там я и встретила его жену.

Я села рядом с мамой и взяла её за руку.

— Ма, давай закончим, я всё поняла, — пытаюсь остановить исповедь.

— В больнице с ней состоялся неприятный разговор, — мама словно и не слышала меня, — и я уехала. Но прежде успела сказать пару слов Андрею, ему стало лучше и он настоял, чтобы меня пустили. Он был слаб и просил написать мой адрес в его блокнот. Я написала. Но не адрес, а то, что назову тебя Лией. А если бы родился сын, то Львом. Понимаю, что это глупость, но я была обижена из-за того, что он не сказал о жене и я... хотела как-то отомстить... тогда казалось, что это правильно...

— Ты потом ездила в Москву? — я начинаю вспоминать рассказы мамы.

— Да, я ездила на ту квартиру, где мы встречались. Её уже продали и никто не мог ответить, куда переехал бывший хозяин, — мама грустно закончила свой рассказ.

Глава 11. Лия

Смотрю на листы, разложенные на столе, и ещё больше поражаюсь тому, как упорно меня искал отец. И понятно, почему так долго, ведь мама практически не оставила следов. И мне как-то страшно, что я так нужна совершенно мне незнакомому человеку.

Собираю бумаги и убираю в стол, хватит на сегодня этого всего, нужно ужин готовить. Мама заходит на кухню минут через двадцать, тихо садится в кресло.

— Лия, ты так и не сказала ничего, что ты думаешь, как ты себя чувствуешь, — мама с беспокойством смотрит на меня.

— А что тут скажешь? Что мне обидно? Мне не обидно. Что я растерялась? Это и так понятно. — наливаю воду в кастрюлю и ставлю на газ. — Мам, ты поступала так, как считала нужным, теперь исправить нельзя ничего, будем разбираться с настоящим.

Мы с мамой быстро ужинаем и я ложусь пораньше. Мне с утра на работу и хочется выспаться, а после такого бурного на эмоции вечера, я боюсь не уснуть. Но, на удивление, сон приходит быстро, но всю ночь мне снятся сны тревожные и даже страшные.

В одном я вижу мужчину, который стоит ко мне спиной, он явно злиться на меня, кричит мне, чтобы я ушла, угрожает. И это не мой отец, даже не видя лица, я понимаю, что он гораздо моложе его. И вместо того, чтобы уйти, я кладу руку на плечо мужчины и он оборачивается, а я... просыпаюсь!

Я так не увидела, кто мне угрожал. Сон каким-то образом взбудоражил меня, словно его незавершённость зацепила меня, растревожила. Посмотрела на часы — шесть утра, можно и вставать, до будильника оставалось всего ничего.

Со всеми событиями вчерашнего дня я совсем забыла про мои переживания, связанные с пациентом Петровским, а придя утром к больнице, наткнулась на целую процессию у входа в приёмное отделение.

Через широкие двери вывозили каталку с мистером Хамом, по бокам шествовала его мать и отчим. Позади два медбрата толкали каталку. Я замерла у входа, ожидая, когда все выйдут и я быстренько смогу незамеченной забежать на работу.

Напрасно надеялась. Как только я сделала шаг к двери, Петровский меня сразу заметил и впился в меня темным недобрым взглядом. Я тоже смотрела на него, не в силах отвести глаз до тех пор, пока его не загрузили в очень новую и современную скорую помощь.

В последний момент лицо мужчины исказила неприятная усмешка, словно он понял, что я не могу отвести от него взгляда. А мне показалось, что у меня сердце бьётся в горле, а не в грудной клетке.

Эта сцена у двери неприятно меня поразила, мне стало не по себе от своей реакции на этого человека. Он полусидел на каталке и при дневном свете выглядел как-то иначе, чем в палате. Было видно, что он слишком бледен, измучен, но не могу не признать, что это не уменьшило его мужественности.

Но мне было сложно осознать, что мой интерес имел не только окраску любопытства. Надо признать, что Петровский рождал мысли об обычном влечении между мужчиной и женщиной. Я даже вслух хихикнула над собой. Мистер может быть и хам, но очень привлекательный, тут и спорить не имеет смысла.

Так я себя и успокоила, нечего глупости выдумывать! Как бы ни был хорош этот Петровский, я его уже никогда не увижу, так что забыть и работать, работать!

Сегодня меня уже не ждало испытание в виде уборки в реанимации, сегодня я спокойно всё сделаю и никто мне гадостей не наговорит. Вот и хорошо.

Дежурная медсестра встретила меня с улыбкой.

— Привет, Лия! Как дела?

— Доброе утро, Катюш. — я улыбаюсь в ответ. — Сегодня палата свободна?

— Ага, увезли этого красавца, — Катя эмоционально округляет глаза, — навели тут шороха его родичи, проверка за проверкой. Главного, говорят, чуть инфаркт не хватил.

Я ещё немного поболтала с Катей и пошла убираться. Как-то сиротливо было в палате, которая опустела после выписки Петровского. Надо же, выходит мне не хватает его обзываний? Нет, я действительно с ума схожу.

Быстро навожу чистоту и бегу в травму. Телефон тихо завибрировал в кармане, на экране незнакомый номер.

— Слушаю, — осторожно произношу в трубку.

— Лия, здравствуйте, это Илья Евгеньевич, мы с вами вчера общались, — слышу знакомый голос.

— Да, Илья Евгеньевич, я помню. — произношу сдавленно, мне как-то стало трудно дышать, — У вас что-то важное? Я на работе сейчас.

— Лия, простите, что отвлекаю, но вы правы, у меня что-то важное, — собеседник молчит пару секунд, — если вам это тоже важно. Обстоятельства так сложились, что ваш отец был вынужден срочно вернуться в страну. И я доложил ему о результатах поисков.

С трудом втягиваю воздух в лёгкие, а то они уже горят от недостатка кислорода. Встреча с отцом, похоже, состоится быстрее, чем я ожидала.

— Лия, вы здесь? — Илья Евгеньевич обеспокоился моим молчанием.

— Да, я слушаю вас, — выдавливаю слова из себя.

— Лия, ваш отец готов хоть сегодня приехать к вам, чтобы встретиться. Но есть противопоказания, к его большому сожалению.

— Противопоказания? — в недоумении переспрашиваю я. — Что это значит?

— У Андрея Ивановича случился сердечный приступ вчера, состояние нормальное, но врачи не разрешили ему летать, как минимум месяц, а дорогу до вашего города на машине он просто сейчас вынести не способен, хотя и храбриться...

— Он в больнице? — я спрашиваю на автомате.

— Уже нет, он под наблюдением врачей дома. Лия, мне стоило трудов не дать ему поехать к вам. Звонить он не хочет, он хочет с вами встретиться как можно скорее, понимаете? — Илья Евгеньевич явно не просто юрист отца, очень уж он беспокоится о своем работодателе. Вероятно, они давние друзья, если Игнатов знает о многолетних поисках меня.

— Лия, я очень прошу вас приехать в Москву, с работой вашей я вопрос улажу, вам дадут несколько дней отпуска, — собеседник явно все уже продумал, — билеты купить не проблема, а отвезут вас в аэропорт хоть сейчас. Пожалуйста, приезжайте на встречу с отцом.

— Сейчас? — я совсем растерялась. — Но мама... я не знаю...

— Лия, вы можете сейчас вернуться домой и все объяснить маме. Кстати, как ее самочувствие?

— Для ее заболевания неплохо, но оставить ее на несколько дней я не могу! — наконец-то я начинаю мыслить здраво.

— Этот вопрос я тоже решу, не переживайте, найму ей помощницу с медицинским

образованием, которая побудет с ней, пока вы не вернётесь. — на все-то у этого юриста есть ответ.

— Несколько дней вы сказали? А это сколько? — нужно все уточнить, так сказать, на берегу.

— Вы сами можете выбрать, сколько это дней, Лия. Вас никто не будет неволить. — Илья Евгеньевич смягчил голос.

Я полминуты обдумываю свое решение, собеседник терпеливо ждёт моего ответа.

— Хорошо, я доработаю смену и к трем часам буду дома. Часа в четыре дня я буду готова ехать. — быстро тараторю свой ответ.

Слышу на другом конце облегченный выдох.

— Понял, Лия, в четыре машина будет ждать вас у подъезда! В Москве я вас сам буду ждать в аэропорту. До встречи!

Глава 12. Пётр

Полтора часа до областного центра и только там меня заберёт вертолет. В этом городишке даже вертолеты сесть не могут, настоящая дыра. У меня нестерпимо болит спина и нога, несмотря на обезболивание.

Тело невыносимо затекло и сообщало о дискомфорте болью. Я не привык так долго лежать без движения, моя активность за день была не менее двадцати тысяч шагов и часа силовых упражнений.

И сейчас мои мышцы просто орали от обездвиживания, кровь застаивалась и билась в ненужные места. Без физической активности я всегда зверею, эту закономерность я обнаружил лет в четырнадцать, как раз в пик моего дикого пубертата.

Созрел я раньше сверстников, рост и сложение опередили возраст, в пятнадцать мне могли дать и двадцать. Именно тогда я и стал постоянным клиентом спортзала, перепробовал много чего, но остановился на обычной качалке.

Меня не привлекли спортивные лавры, мне хотелось учиться тому, что давало бы серьезный доход, благо умом природа не обделила и учёба была не проблемой. А вот тело требовало нагрузки ежедневно, иначе я становился, мягко говоря, излишне агрессивным.

И эти дни в реанимации в очередной раз доказали, что это так и есть. Я совершенно не владел собственным психическим состоянием и вёл себя как последняя скотина. Понимаю это, но сделать практически ничего с собой не могу.

Как бы странно это не звучало, но работа, секс и активное движение, делали из меня цивилизованного человека. В противном случае я зверел от мелочей. Получилось, что эта авария лишила меня всех самых важных компонентов адекватности!

С чувствами и другими глупостями у меня всегда были сложности, все эти розовые сопли меня не трогали, за исключением чувств самых близких людей. Тут я был безоружен и любое недовольство матери, например, могло сделать из меня ягненка, я был тих и любезен. И таким меня видели только несколько человек.

Это состояние было краткосрочным и вынужденным, а вот обычным и постоянным для меня является проявление жесткого, твердого характера. В работе самое главное — результат, а достичь его можно только дисциплиной и контролем.

А сейчас я потерял контроль над всей моей жизнью и, в перспективе, ещё не очень быстро его восстановлю. Лежачий и немощный — это невероятно сильно выводило из себя!

Вот и наорал на эту мелкую моль, которая пялилась не меня, когда я в себя пришёл. Лежу себе голый и незащищенный и каждая мелочь на меня может пялиться? Мои подчиненные в глаза мне смотреть боятся, чтобы лишней нагоняй за бесцельную трату рабочего времени не получить. А эта повисла на швабре и стоит любитесь!

Девчонка она совсем, и явно не из храброго десятка, один мой окрик её в секунду из палаты вынес. Такая так и будет всю жизнь шваброй елозить, только на это характера и хватит. Притом пациенты палат, где она моет, должны быть без сознания, что бы ей не пришлось сильно пугаться их голоса.

И, как назло, я думал о ней, мазохизм это что ли, думать о пугале? Не знаю, спишу это на действие лекарств и отсутствие основных жизненно необходимых компонентов моего существования — работы, секса и движения.

Особенно секса. Эротический сон, из которого меня вырвала мамина минералка, с

грохотом разбившаяся об пол, был очень уж реалистичным. Проснувшись, первое, что я увидел, были огромные глаза той пигалицы. В них был такой испуг, что меня током прошибло, словно я колесом своей тачки щенка раздавил. И в ту же секунду я понял, что не испуг я хочу видеть в этих глазах, а что-то совсем противоположное. И это меня разозлило ещё больше, такая муть в голову лезет, и уже второй раз в этот момент рядом со мной это недоразумение в женском обликии.

Даже этим, очень ранним, утром у входа в больницу, когда меня грузили в скорую, я снова встретился взглядом с этой незнакомкой. Скорее всего, она шла на работу и тоже не ожидала меня увидеть. На лице её отразилась и растерянность и удивление, однако взгляд она от меня отвести не могла — я цепко держал её глазами.

Без жуткого облезлого халата и платка она выглядела больше похожей на нормальную девушку. Копна каштановых волнистых волос была заколота, но без сомнений волосы были ей как минимум до пояса. Синий приталенный плащик облепил хрупкую, но очень даже женственную фигурку, не скрывая стройных ног в бежевых тонких колготках.

Если бы ещё пару дней назад мне сказали, что меня возбудит один только взгляд на это вот непонятное существо женского пола, то я бы ржал неделю от такой шутки.

А сейчас мне не до смеха. Меня загрузили в скорую и мы едем к вертолету, который унесёт меня к нормальным врачам, в нормальную больницу. Но у меня препоганое настроение, так как всё болит, в том числе и между ног. Член встал от одного только взгляда! Что ж, хоть это меня радует! Несмотря на непонятное лечение, последствия аварии не снизили моей потенции. Вот и славно!

Глава 13. Лия

Сборы были молниеносные, я даже не успевала осознавать, что происходит. К тому времени, когда я вернулась домой, у подъезда меня ждала медсестра из нашей больницы. Я до этого момента не знала, как ее зовут, но не раз видела ее на работе. Оказывается она подрабатывает сиделкой.

— Здравствуйте, вы Лия? — женщина сделала шаг в мою сторону.

— Да, я Лия, — в первую секунду я засомневалась в своем предположении о сиделке.

— Меня зовут Елена, меня прислали помочь вам, — женщина говорила уверенно и явно знала зачем пришла, — вы же уезжаете?

— Да, мне нужно срочно уехать, а мама не может одна находиться. — решила я задать и главный вопрос. — А сколько стоят ваши услуги на три дня?

— Три? А мне уже неделю оплатили, — женщина явно была разочарована.

— Оплатили?

— Да, ещё до того, как я сюда пришла, деньги поступили на карточку. — Елена недоуменно смотрела на меня.

— Ладно, пойдемте, у меня совсем мало времени. — я решила ничего больше не выяснять, так как Илья Евгеньевич, похоже, всё уже и решил, и оплатил за меня.

Дома быстро, но мягко объясняю маме, что мне нужно уехать. На удивление, она практически счастлива, что я еду.

— Поезжай, милая моя, поезжай. Может хотя бы на отца тебя спокойно могу оставить. — с улыбкой произносит моя заботливая родительница.

— Ма, я вернусь быстрее, чем ты думаешь, — стараюсь говорить уверенно.

Такая странная ситуация сейчас, мои родители, оба, не сговариваясь, оказались весьма серьезно больны. К маминой болезни я, в какой-то степени, привыкла, смирилась. А вот про отца... Как странно ощущается это слово, мне незнакомое и непривычное.

— Лия, поторопиться, собирайся скорее! — мама довольно бодро пытается меня выпроводить из дома. — Мы с Леной справимся сами, не волнуйся!

И правда, Лена довольно легко нашла общий язык с мамой, пока я вещи собирала. Беру небольшой рюкзачок и складываю свои невеликие пожитки. Не знаю, что мне понадобится, поэтому беру обычный набор — футболки, джинсы, ветровка.

Нужно обязательно документы взять, а ещё обувь на смену, пижамку, минимум косметики... и вот мой рюкзачок становится похожим на бочонок.

Ладно, как-нибудь долечу и так, а потом на месте разберемся, что мне понадобится.

Обнимаю и целую маму, и без десяти четыре я уже стою у подъезда и всматриваюсь в заезжающие в наш проулок машины, параллельно пытаюсь в интернете найти какие-то сведения о компании отца. Может там есть его фотография? На сайте компании нет ни одной, только небольшие видео о строящихся объектах и планы новых проектов.

Такси подъезжает ровно в четыре и я сажусь на заднее сиденье. Так необычно все, что со мной происходит. Я ни разу не летала на самолёте, хотя в Москве была несколько раз. Мы ездили на экскурсию от школы пару раз, а потом я была в гостях у однокурсницы, она пригласила меня на свадьбу и я почти неделю гостила у нее, помогая в подготовке к свадьбе. А в свободное время я пыталась как можно больше интересных мест посетить, погулять по городу.

Так что, столица не была для меня совсем диковинкой, однако сейчасу меня внутри что-то мелко дрожало, словно мне предстоял сложный экзамен, а по какому предмету, мне неизвестно.

Смотрю на мелькание домов за окном, пытаюсь самой себе описать, что я чувствую. Вот я еду к отцу, он серьезно болен и что? Есть ли у меня беспокойство о человеке, которого я никогда не видела и не слышала даже? Прислушиваюсь к себе. Да, я боюсь за него, не так как за маму, это даже сравнить нельзя, но страх и надежда смешались в моем сердце.

Отец искал меня, хотел меня видеть, узнать, в этом у него было преимущество. Я же не думала, что увижу отца когда бы то ни было, не имела каких-то мыслей и надежд на встречу, ни положительных, ни отрицательных ожиданий. Поэтому и волнение о здоровье отца было каким-то гипотетическим, нереальным.

Когда я приезжаю в аэропорт, то понимаю, что сильно устала, а ещё очень хочу есть и пить. У меня оказывается немного времени на еду, но я успеваю перекусить и выпить кофе.

Хотя полет длится недолго, я все же умудряюсь немного подремать, и к моменту посадки уже не так чувствую усталость. Выхожу в холл аэропорта и попадаю в толпу людей, которые снуют вокруг меня, и мне совершенно невозможно разглядеть, встречает ли меня, как обещал, Илья Евгеньевич или нет.

И вдруг чувствую прикосновение к руке, оборачиваюсь и вижу, что он здесь.

— Лия, рад вас видеть! — Игнатов реально очень радостно мне улыбается. — Как полет? Все нормально?

— Да, всё хорошо. — прочищаю я горло, второе видно совсем осипло от сухого воздуха в самолёте.

— Давайте пройдем в машину и там поговорим. — Илья Евгеньевич, берет меня под локоть и ведёт меня через сплошной людской поток к выходу. Внезапно людей становится все меньше и мы оказываемся практически одни у входа на стоянку.

— На вокзалах и в аэропортах всегда так, то нахлынет толпа, то схлынет, — поясняет мне мой провожатый, вероятно, заметив мое замешательство.

Мы сели в большую серую машины и водитель довольно быстро выехал на трассу к городу. Игнатов сел со мной сзади.

— Лия, ваш отец очень ждет вас, — мужчина серьезно смотрит на меня, — но вы вправе сами решать, как вы будете общаться с ним. Он так и просил вам сказать, чтобы вы не чувствовали себя обязанной из-за его болезни. Сейчас самое главное, чтобы вам было комфортно, понимаете?

— Все так быстро случилось, что мне сложно вам что-то внятное ответить, — я натянуто улыбаюсь, — поживем — увидим, как говорит моя мама. Я согласилась увидеться с отцом, но выйдет ли из этого толк, не знаю. Но я хочу увидеть его — это я знаю точно.

Илья Евгеньевич утвердительно кивнул и до конца поездки больше не произнес ни слова.

Через час мы въехали в ворота, которые скрывали большой светло-серый дом, он выглядел, как совершенно новое и современное строение. Было заметно, что здание построено не так давно, участок не был до конца оформлен, кое-где еще лежали строительные материалы.

Выхожу из машины и следую за Ильёй Евгеньевичем к массивным входным дверям, они распахиваются едва мы приблизились к ним.

— Здравствуйте! — нас встречает молодая девушка в униформе. Что ж, это естественно,

что такой дом без прислуги существовать не может. Но этот факт меня смущает, я вдруг начинаю терять решимость и уверенность.

— Ну наконец-то, Андрей уже извелся весь! — навстречу нам выходит красивая высокая молодая женщина.

— И вам здравствуйте, Алена. — Игнатъев сморщился вдруг, словно лимон куснул.

— Значит, это и есть Лия? — Алена обводит меня таким взглядом, будто я, как минимум, вымазана в грязи и посмела зайти грязными ногами на чистый пол. — Илья, я ничего общего не вижу с моим мужем. Ты уверен, что опять не ошибся?

Что значит опять? Выходит, я не первая, кого привозят сюда? А Алена, получается, жена моего отца?

От такого «теплого» приема у меня начинают подрагивать колени. Теперь я уже не так уверена, что верно поступила, приехав сюда.

Глава 14. Лия

Как теперь всё будет? Встреча с отцом превращается в нечто неприятное, поскольку меня выставляют самозванкой.

— Лия, не обращайте внимания, Алена просто не в духе, — а юрист, похоже, совсем не боится хозяйки дома, — она потом обязательно проявит себя гостеприимной хозяйкой.

Алена ухмыльнулась и проводила нас презрительным взглядом. Как же портит человека злоба, Алена из красавицы сразу превратилась в нечто похожее на ведьму — оскал вместо улыбки, в глазах явная ненависть.

Да, если Петровский действительно мой отец, в чем я уже начала сомневаться, то Алена, я чувствую, будет меня цеплять и дергать по любому поводу. Её даже можно понять. Жила она себе припеваючи, а тут взрослая дочь у мужа появилась и, скорее всего, будет она претендовать на время и деньги её супруга.

Понятно же, что такие девушки, как Алёна, выходят замуж за мужчин вдвое старше не для того, чтобы потом дружить со взрослыми детьми супруга. Это ясно, как белый день.

Я вздохнула и отогнала мысли об Алёне, сейчас я встречу с отцом и нужно сосредоточиться на этом, хотя я так устала, что плохо осознаю, что я чувствую и думаю.

Илья Евгеньевич ведёт меня вверх по лестнице, которая выглядит, как картинка из сериалов — широкая, массивная деревянная конструкция, ведущая на второй этаж такого красивого нового дома.

Недружественная встреча Алёны отвлекла меня от мыслей об отце, до встречи с ней я ждала от себя особенного чувства, особенного волнения перед отцом, а получилась только какая-то сумятица и недоумение.

Но, к моему удивлению, Илья Евгеньевич заводит меня в пустую спальню, обставленную в очень приятных приглашенных персиково-бежевых тонах.

— Лия, это ваша комната, вы можете после дороги освежиться, ваши вещи сейчас принесут. В комнате есть небольшой перекус, основной ужин ждет нас через час. — мужчина протягивает мне лист бумаги.

— Что это?

— Это схема дома и номера телефонов, чтобы вызвать горничную или охрану. И номер вашего отца тоже указан отдельно. Мой телефон вы знаете, но я здесь не живу, как вы понимаете, — Илья Евгеньевич слегка нахмурился, — так что скоро я уеду.

— Я думала, что вы ведёте меня к отцу, — я растерянно смотрела на мужчину.

— Лия, ваш отец сейчас принимает процедуры, и, хотя он желал встретиться с вами сразу, сейчас он просил вас привести в вашу комнату, чтобы вы немного отдохнули. Он знает, что вы уехали к нему после смены в больнице и явно устали.

— То есть мы встретимся завтра? — я уже не могла понять, когда мне быть готовой.

— В любое время, вам достаточно позвонить отцу и вы увидите. — Илья Евгеньевич глубоко вздохнул и посмотрел на часы. — Он освободится от медпроцедур минут через десять-пятнадцать, здесь оборудовали настоящую минибольницу за последние дни.

— Понятно, значит мне нужно самой ему позвонить, — я устало опустилась на стул у входа в комнату.

— Лия, освежитесь, отдохните и позвоните ему. Думаю, что он сам к вам сразу же придет, а мне позвольте вас покинуть, моя миссия выполнена, — мужчина устало

улыбнулся.

— Спасибо, Илья Евгеньевич, — я с благодарностью пожала руку мужчине, — что нашли меня. Надеюсь, вы не ошиблись...

— Не слушайте Алёну! Вы дочь Андрея, — юрист уверенно отчеканил каждое слово.

Мы попрощались и я осталась одна. Мне хватило десяти минут, что принять душ и переодеться. А ещё через десять минут взяла в руки телефон, чтобы позвонить отцу, но тут постучали в дверь.

Сердце сразу бухнуло в груди и явно зачастило, но я уверенно подошла к двери, распахнула её и замерла. Передо мной стоял высокий, довольно молодо выглядящий мужчина, и очень внимательно смотрел на меня. Несколько секунд мы стояли молча, пока он не нарушил этот процесс изучения друг друга.

— Лия, здравствуй, я Андрей Петровский, можно войти?

— Входите... — промямлила я в шоке. Я ожидала увидеть почти пожилого человека, а рядом со мной сейчас стоял практически молодой красавец. Ему уже за пятьдесят, а на вид и не дать сорока пяти, вероятно это генетическое. Есть такие, кого возраст щадит, а судя по Петровскому, его и болезнь не смогла сильно состарить.

— Лия, как ты устроилась? Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо, — какая-то странная у нас беседа с отцом получалась. Я ожидала чего угодно, но не этого. Я продолжала его рассматривать, словно искала сходство, и заметила, что руки мужчины подрагивают. Он волнуется! Господи, так вся эта неловкость от волнения?!

Я выдохнула и заулыбалась, глядя прямо в глаза своего отца. Я очень надеюсь, что это так и есть, но нам нужно поговорить.

Глава 15. Андрей Петровский

Мне не верилось, что она была дома, у меня дома. Стоило огромного труда выдержать процедуры, назначенные врачами и дожидаться, когда Илья отведёт Лию в комнату. Столько лет безуспешных поисков завершились, я уверен в этом. Мне предоставили множество фотографий Лии — она действительно моя дочь, даже генетическая экспертиза, которая всегда обязательна, теперь просто формальность.

Девочка просто копия моей матери в юности, это так очевидно, что я с трудом сдержал слезы, когда увидел первый отчёт о моей дочери. Стою у двери и дрожу от волнения, именно дрожу. Последние дни совсем меня растрепали, стал слабым и неуверенным, сердце слишком ощущается в груди.

Но решительно стучу в дверь, которая распахивается, едва я успеваю опустить руку. Дочь. Она смотрит на меня растерянно и удивленно одновременно. Всё же решаю, что необходимо представиться.

— Лия, здравствуй, я Андрей Петровский, можно войти?

— Входите... — тихо проговорила Лия.

Делаю шаг в глубь комнаты и чувствую, что Лия меня очень внимательно изучает. Её можно понять, я едва ли могу найти сходство между нами, слишком очевидна в ней порода моей матери, а я весь в своего отца. Но всё же есть одно, что делает нас очень похожими — осанка. Ещё на фотографиях я заметил это, мы одинаково держим спину и голову, словно нас обоих учили это делать именно таким образом.

— Лия, как ты устроилась? Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо, — дочь смотрит смущенно как-то, а я не могу сдержать волнения, меня всё ещё слегка потряхивает, что явно не ускользнуло от Лии. Она мельком глянула на мои руки, потом подняла голову и с улыбкой посмотрела мне в глаза. Искренне улыбаюсь ей в ответ, но в горле ком застрял и не могу ни слова вымолвить.

— Андрей Николаевич, нам нужно поговорить, так ведь? — Лия спрашивает, не переставая улыбаться, а я, как болванчик, согласно киваю. — Давайте присядем.

Устраиваемся на креслах, стоящих напротив друг друга, в торце кровати. Лия пару секунд молчит, явно ожидая моей инициативы и я, наконец-то, могу хоть что-то произнести.

— Лия, ты можешь не сомневаться в том, что я твой отец. — сразу выдаю главное, для убедительности, непроизвольно наклоняюсь в сторону дочери. — Нам предстоит, конечно, экспертиза, но это лишь для юридических формальностей.

— Почему вы так уверены? — моя девочка недоверчиво хмурит брови.

— Ты копия своей бабушки, такого совпадения быть не может и ты это поймешь, когда увидишь фотографии.

— Фотографии? Значит её нет в живых? — явно огорченно говорит Лия.

— К сожалению, мои родители умерли рано. — я немного расслабляюсь и уже могу спокойно вести беседу со своей дочерью, которую искал так долго. Следующие полчаса мы проводим в разговорах обо мне и моей семье, так как мне почти всё известно о Лие, то свои вопросы я оставил на потом. Пока моя дочь называет меня по имени и отчеству и на «вы», что меня, естественно, расстраивает, но тут нужно время. А желание назвать меня отцом я заслужу, не сомневаюсь.

— Лия, у меня есть к тебе предложение, — начинаю о своей главной цели нашей встречи, — предложение касается твоего места проживания и работы. Хочу предложить тебе работать в моей компании, я знаю, что ты закончила университет, но применить знания было негде. А у меня полно работы, расширяемся, а хорошие кадры на вес золота.

— Работать у вас? — девочка растерянно заморгала, хотя мелькнула явная заинтересованность. — Я... не знаю.

— Лия, я солгу, если скажу, что не мечтаю, чтобы ты жила со мной и работала в моей компании, — пытаюсь быть не очень настойчивым, — но решать тебе. Только тебе.

Моя дочь задумчиво опускает голову смотрит на свои руки. Конечно! Я идиот, совсем забыл про то, что у моего ребёнка больная мать. Мне как-то удобнее думать, что она далеко и никак не влияет на ситуацию, а она не просто влияет, а фактически решает, что будет делать Лия. Совершенно очевидно, что дочь воспитана прекрасным добрым человеком, что и подтверждали отчёты о жизни Лии.

Она просто не сможет оставить больную мать. Хотя я прошёл десять кругов ада в поисках своего дитя, мне стоит быть мягче и терпимее. Но это легко сказать, а трудно сделать. Лия единственный мой родной ребёнок, других не было и не будет, так получилось. С природой уже не поспоришь, чудеса современной медицины бессильны.

Сейчас напротив меня сидит юная девочка, моя дочь, ради которой я готов на всё. Это так естественно получилось, так просто — я почувствовал себя отцом. Огромная волна накрыла меня и сделала просто одержимым желанием заботиться и баловать, я совершенно забыл, что существует весь остальной мир, в котором живут мать Лии, Алёна и другие люди. А мнение этих людей стоит учитывать, чтобы моя дочь чувствовала себя наилучшим образом. Моя дочь, Лия, моя наследница!

Глава 16. Лия

Мой мир перевернулся с ног на голову, полностью изменился. Пара часов в доме отца и я стала словно не собой, мне пришлось почувствовать то, что никогда не чувствовала, сказать то, что никогда не говорила.

Лавина ощущений, лавина эмоций. А после трудного и долгого дня мне совсем не хватало сил что-то осознать.

— Лия, тебе нужно отдохнуть. — Петровский решительно встал. — И поест. Предлагаю сегодня обойтись без семейного застолья, ты и так едва сидишь. Тебе принесут ужин сюда, а ты отдыхай.

— Спасибо, — я и правда, как в тумане, — мне сейчас не хотелось бы идти куда-то.

Отец вроде собрался уходить, но всё ещё стоит и смотрит на меня. Поднимаю глаза.

— Что-то не так?

Петровский тряхнул головой и криво улыбнулся.

— Нет! Все так, настолько так, что до сих пор не могу поверить в то, что ты здесь...

— Я тоже, — искренне отвечаю.

Я думаю о Петровском, то как об отце, то как о Андрее Петровском, то как о незнакомце. Смотрю сейчас на мужчину напротив и не очень понимаю, кто он. Знаю, что отец, но не знаю, как это принять.

А он всё смотрит на меня, словно боится, что если отведет взгляд, я исчезну. И я, не подумав, задаю вопрос, который меня тревожил с момента, как я узнала, что меня ищет отец.

— У вас есть ещё дети? — жду ответа, затаив дыхание.

Отец выпрямляется, как-то собирается весь, но смотрит прямо, без виляний глазами.

— И да и нет, Лия.

— Что это значит? — ответ меня обескуражил.

Петровский снова присел.

— Это значит, что есть человек, который носит мою фамилию и отчество, но он не мой ребёнок, то есть не мой биологически, а юридически был мой, — отец смотрит мимо меня. — Нам нужно немало проговорить с тобой, чтобы ты смогла понять мою жизнь, а я твою. Мне пятьдесят семь лет и я уже, как сама понимаешь, не наивный мальчик и в чудеса давно не верю. Доверие и привязанность фактом родства не обретешь, поэтому давай дадим время друг другу, хорошо?

— Пятьдесят семь?! — я удивленно воскликнула и тут же смутилась своего порыва. — Просто вы выглядите очень молодо и я не ожидала...

— Спасибо за комплимент, — Петровский тепло заулыбался, — очень надеюсь смогу, как можно дольше, наслаждаться общением с дочерью. Ведь она у меня совсем взрослая.

Отец снова встал и теперь уже решительно пошёл к двери.

— Всё, Лия, ешь и отдыхай. Все разговоры завтра, на свежую голову. — Петровский открыл дверь и снова замер у порога. — Спокойной ночи, дочь! — проговорил и быстро закрыл за собой дверь.

Мне пришлось приложить усилие, что бы отмереть и начать что-то делать. Первым делом побежала в ванную. Пока я была в душе, мне принесли ужин, он стоял на маленьком деревянном столике у окна и источал невероятно вкусные ароматы.

Я с аппетитом ела и вспоминала разговор с отцом, а потом всплыло, как меня встретила

его жена. От эмоций я и забыла про эту Алену, которая смотрела на меня практически с ненавистью, когда я вошла в дом. Мне даже есть расхотелось от этих воспоминаний и на моё, почти радужное настроение, набежали тучки.

В это момент завибрировал телефон. Мама.

— Привет мамуль! — я постаралась говорить бодро, радостно.

— Лия, ты уже у отца? — мама взволнованно вопрошала в трубке. — Ты звонила из аэропорта и уже должна быть на месте.

— На месте я, мама, всё хорошо. Как ты? — а мне, неожиданно, вдруг захотелось плакать. Я ощутила резкую тоску по дому, а вся эта шикарная обстановка перестала радовать глаз.

— Лия, у меня всё нормально, не переживай. Давление в норме и я уже немного гуляла сегодня по дому. — мама и правда говорила довольно бодро. — Ты не голодная там? — узнаю свою мамулю.

— Я как раз ужинаю чем-то очень вкусным, мам, — я скосила глаза на кучу еды передо мной и хихикнула. — И этого вкусного тут на пятерых.

— Лия, а ты...ты видела... — я поняла, что мама хочет узнать виделись ли мы с отцом.

— Мы встретились, ма, и очень коротко поговорили, так что мне и сказать тебе особо нечего. Все разговоры завтра, — я аккуратно сплотнула слезы, чтобы мама ничего не заметила. — Спокойной ночи, мамуль! Я тоже уже почти сплю.

Мы быстро попрощались и я смогла вволю всплакнуть. Сама не знаю, отчего мне захотелось плакать, но нервы мои не выдержали и я основательно так поревела, после чего сладко уснула прямо со светом.

Новый день наступил быстро, проснулась я рано и у меня было время подготовиться к встрече с отцом, его женой и кем там ещё, я пока не знаю. Слезы были вчера, а сегодня я готова узнать, что ждёт меня в этом доме, если я всё же останусь тут жить. Даже если и временно, но мне придётся общаться с людьми из семьи и круга отца. Судя по всему, Андрей Петровский не для того искал дочь, чтобы прятать её дома. Даже речь о работе завёл сразу. Ну что ж, поживём — увидим!

Глава 17. Лия

В дверь постучали. Нетрудно догадаться, кто это. И я права — за дверью отец, стоит и тепло улыбается мне, выглядит немного взъерошенным.

— Доброе утро, Лия! Как спалось?

— И вам доброе утро! — я как-то за ночь отвыкла от Петровского, словно он мне приснился вчера. — Спала нормально.

Для человека, пережившего сердечный приступ, отец сегодня выглядит прекрасно. Вчера он был напряжен и взволнован, а сегодня явно отдохнувший и бодрый.

— Приглашаю тебя на завтрак, а заодно проведу небольшую экскурсию по дому. Согласна? — смотрит вопросительно.

— Конечно. — есть и правда хочется, но выходить мне немножко страшно. Сама себе улыбаюсь и внутренне поддерживаю — не бойся, ты же в доме отца!

Мы идем по дому в сторону столовой и по пути отец рассказывает про дом, где и что находится, как он его строит. Именно строит, так как дом ещё не завершен окончательно, в некоторых помещениях идет отделка.

Наконец, мы заходим в светлую большую комнату на первом этаже, накрыт стол для завтрака, но никого нет.

— Мы одни будем? — я ожидала увидеть Алёну, но похоже она не горит желанием со мной общаться. Что ж, меня это скорее обрадовало, а не огорчило.

— Сегодня мы одни поедим. И поговорим. — Петровский отодвигает мне стул и предлагает сесть, потом сам начинает наливать мне кофе и вдруг останавливается. — Ты же кофе пьешь по утрам?

— Да, кофе. — смеюсь тихонько. — С молоком.

— Столько всего мне нужно узнать о тебе. Но, сначала, я хотел бы ответить на твои вопросы, это важнее. — Отец садится напротив и, в отличие от меня, прихлебывает из кружки травяной чай.

Мы едим быстро и переходим к беседе — нам обоим не терпится поговорить.

— Задавай вопросы, а я честно буду отвечать. — Петровский смотрит на меня ласково.

У меня есть несколько вопросов, которые мне мозг проели немного, тревожат. С них и начну.

— Алена — твоя жена?

— Да, мы женаты уже почти пять лет. — отвечает спокойно и уверенно. — Она женщина своенравная, но добрая. Надеюсь, вы поладите. Хотя это необязательно, Лия. Ты моя дочь и твои интересы и твоё благополучие для меня также важны, как и благополучие жены. Не накручивай себя, я даже в мыслях не имею идеи навязать тебе мачеху. У тебя мама есть, этого более чем достаточно.

Разговор прервал телефонный звонок отцу. Звонила женщина, что-то взволнованно говорила.

— Я понял. И рад, что все прошло хорошо. — отец говорил ровно и спокойно. — Когда его можно навестить? Ага, значит послезавтра и заеду. Пока.

Петровский положил трубку и виновато взглянул на меня.

— Это моя бывшая жена. Наш... её сын перенес операцию.

— Про этого ребенка ты говорил вчера? — продолжаю допрашивать отца.

Отец опять подобрался, напрягся немного, но отвечает прямо.

— Его зовут Пётр...он уже давно не ребенок, — ухмыльнулся, — ему тридцать пять в этом году...

— Он сейчас в больнице после аварии? — выпаливаю вопрос быстрее, чем успеваю подумать.

Отец смотрит недоуменно.

— Да, его вчера прооперировали. Тебе Илья сказал?

— Нет, я, кажется, лично знакома с твоим сыном... который не сын...

— Ничего не понимаю...

— Его привезли после аварии в больницу нашего города и он лежал в реанимации, где я работала. Вот я его там и видела. — про подробности решила умолчать.

— Невероятно! — отец удивленно покачал головой. — Бывают же совпадения.

— Он носит твою фамилию и отчество, но не сын? — пытаюсь понять, что же связывает отца и Петра.

— Лия, я объясню всё, хотя это и очень больно местами... и горько. Надеюсь, что ты поймёшь меня. Ты взрослая девушка и, вероятно, уже имеешь некий жизненный опыт... сердечный что-ли... не знаю, как описать. Но начну сначала.

Отец провел рукой по столу, отодвигая в сторону чашку и тарелку, словно они могли быть препятствием к пониманию, неким барьером.

— Встреча с твоей мамой очень изменила мою жизнь. Врать нет смысла — я был женат, подрастал сын. — отец тяжело вздохнул. — Я пытался усидеть на двух стульях. На одном держал долг, а на другом — любовь. Но жизнь все изменила в одно мгновение. Мы с твоей мамой не обменялись контактами, но я знал, что она беременна! А найти не мог. Искал, бросал, опять искал.

Отец встает и начинает ходить вдоль стола, спина напряженная, видно, что воспоминания даются нелегко.

— Бывшая жена узнала о твоей маме, но скандал был не очень сильный. Простила, хотя я, честно, прощения и не просил, и готов был уйти! Но остался из-за Петьки, представил, что мой другой ребенок где-то... без меня... Так и жили. Позже родилась Света. — Петровский снова сел за стол, но на меня не смотрел. — Вместе жили только ради детей. Я тайно искал тебя, твою маму, но всегда обожал Свету, Петра. Однажды, мы ехали в машине домой с дачи, я за рулём. — отец сглатывает. — Начали ругаться с женой, она припомнили мне измену, я вспылал, кричал. Момента аварии не помню. Очнулся в больнице, жена и Пётр тоже... а Светы... Светы не было больше.

Молча протягиваю руку и сжимаю ладонь отца. Впервые прикасаюсь к нему, он смотрит на меня и оба мы замерли, боясь пошевелиться... Я глубоко вздыхаю и все же задаю вопрос.

— Значит у меня сестра была?

— Да, — с трудом втягивает в себя воздух, — была. Похороны плохо помню, но хорошо помню, как меня возненавидел Петя. Он просто души не чаял в Свете и обвинил меня... в измене матери... и в... убийстве сестры... Петр был уже довольно взрослый и все понимал... что мы с матерью не любим друг друга, что живем как чужие... а во время аварии... я был за рулём.

Жена же просто обезумела от горя, ее несколько месяцев держали на лекарствах, но ее улучшение принесло мне новые потери. Жена, словно очнувшись, тоже обвинила меня в

смерти дочери... и лишила сына.

— Как это?

— Она призналась, что вышла за меня, но беременна была от другого.

Глава 18. Лия

Рассказ отца для меня был шоком. Я жила спокойной и очень, можно сказать, банальной жизнью, а у других в семье такое происходило, что только в сериалах я и видела. А теперь сама попала в такой сериал, что дух захватывает.

— Петр не ваш сын? — спрашиваю тихо.

— Нет — биологически, но фамилия у него моя, отчество тоже, он в моём бизнесе.

— А отец Леснов? — решаю уточнить и это.

— Да, он, — отец нахмурился, — ты его видела в больнице?

— Ну да, можно и так сказать, — подробности оставлю при себе.

— А звонила мать Петра, Мария, сообщить, что он хорошо перенес поездку, а врачи обрадовали, что операция нужна только одна и, в принципе, через несколько дней он может быть дома, если оборудовать место для него и уход.

— Хорошо, что все так хорошо получилось, — говорю на автомате, мне до сих пор странно, что такие совпадения происходят.

— Лия, мне хотелось бы показать тебе и город и мой офис, как ты на это смотришь? — отец взглянул испытующе.

— Я не против, — улыбаюсь в ответ.

День пролетает быстро, мы побывали в нескольких местах, успели даже на один объект съездить, который строит фирма отца. Сказать, что мне все понравилось — это ничего не сказать. Движение, люди, большое дело. Меня это завораживало, мне было и страшно и радостно одновременно. Понимаю, что отец хотел показать, что меня ждёт, если я останусь, что будет настоящая работа, жизнь полная интересных событий.

Я воодушевилась и словно вздохнула полной грудью, такого количества эмоций, новых людей, новых событий не было у меня за всю мою жизнь. Это казалось таким удивительным, необычным и очень интересным.

Вечером мы вернулись в дом отца и ужин был уже вместе с его женой, Алёной. Нужно отдать должное, она вела себя очень естественно, словно та первая встреча мне приснилась. Я наивна и имею небольшой жизненный опыт, но, всё же, не могу поверить в такую неожиданную метаморфозу.

Взгляд Алены был красноречиво враждебным, хотя улыбка не сходила с её лица.

— Милый, ты сегодня весь день ездил по городу, а это не очень полезно для твоих лёгких. Обычно ты из дома работаешь полдня, на чистом воздухе. — в вопросе Алены нет ничего кроме заботы, а ощущение, как будто она упрекает меня и отца.

— А что с легкими? — вопрос у из меня вылетает сам собой.

Алена, не поворачивая головы в мою сторону, объясняет мне очень «информативно».

— Тебе это сложно понять. Есть сложные диагнозы. — и улыбается, глядя в тарелку.

— Лия, ничего страшного, просто зимой перенес воспаление легких, бросил курить и теперь реабилитируюсь. Алена, не преувеличивай важность моей болезни, — отец тепло посмотрел на жену, он явно её любит, это заметно. Незаметно только, что она очень привязана к нему. Заботлива, внимательна, но ощущается некий холод что-ли, такое вот позволение себя любить.

— Алена, Лия получила высшее образование и довольно хорошее, хорошо воспитана, я уже горжусь ею, — отец подмигнул мне и накрыл мою ладонь своей, — надеюсь, что две

самые мои любимые женщины найдут общий язык, да?

— Посмотрим, Андрей, мы ещё слишком плохо знаем Лию. — Алёна встала и обняла отца со спины, холодно глядя мне в глаза. Этот жест можно было прочитать только как проявление собственнических чувств. Алёна недвусмысленно намекала, что отец принадлежит только ей.

А после ужина мы с отцом серьезно поговорили. Он настоял на том, что нужно действовать, а не ждать, когда мы узнаем друг друга, сможем быть ближе.

— Лия, я потерял целую жизнь без тебя, мне хочется успеть сделать твою жизнь лучше. Побаловать тебя! Надарить подарков, в конце концов! — отец был взволнован.

— Не нужно подарков. Мне неловко просить...

— Не говори так. Я твой отец, Лия. И ты, именно меня, можешь и должна нагрузить своими проблемами. — отец был категоричен и я решила говорить прямо.

— Нужна помощь маме, нужно хорошее обследование. У неё больное сердце. — отец согласно кивнул, давая понять, что в курсе этого вопроса. — Мы неплохо справлялись с её болезнью, но об улучшении не было и речи. Тут нужны хорошие врачи и лечение...

— Лия, с лечением мамы вопрос решаем в течение недели. Привезём её в лучшую клинику, у меня есть знакомые врачи в этой области. Что ещё, дочь?

— Так просто? — я удивленно уставилась на Петровского.

— Просто, но за результат отвечать не могу. Врачи — не боги. — отец развел руками.

— Я понимаю... но мне так непривычно, что можно вот так... раз, два...и вот, — продолжаю удивлённо мямлить.

— Лия, привыкай, — тихо рассмеялся отец, — теперь только так и будет.

* * *

Слово своё Петровский сдержал. В последующие пару недель всё завертелось с огромной скоростью. Маму привезли в город, в такую клинику, что я там боялась вздохнуть, настолько всё было нереально дорогим. Врачи были такими светилами, о которых я читала только в интернете, и не могла представить, что когда-то они будут лечить мою маму.

После лечения маму ждали три недели в санатории в пригороде. Но пока она была в клинике и с каждым днем ей было всё лучше, а я проходила что-то похожее на практику в офисе отца. Мой восторг был неподдельным, хотя и были некоторые неловкие моменты, но я старалась не обращать внимания на взгляды и шептания. Это естественно — неведомо откуда явилась дочь босса и непонятно, что ждать от неё.

Знали бы все эти люди, как мне было страшно, когда отец оставлял меня на заседания отделов, возил с собой по объектам. Страшно, но очень интересно. Мое образование не связано со строительством, но я неплохо разбиралась в вопросах финансов. Мой диплом оказался не зря написан. Теперь уже не в теории, а на практике я видела, что и как работает в таких компаниях.

— Сегодня едем в гости, Лия! — отец повернул руль вправо и машина плавно вошла в поворот. — К Марии и Петру, они позвали нас к семи. Я давно хотел вас познакомить.

Я напряглась и сжала ручку сумки. Вот и дождалась. Понимала же, что не миновать этой встречи, но мысленно надеялась, что это случится не скоро или... никогда. Дурёха я, по другому не скажешь!

Сегодня отец сам за рулём, что я очень любила, он водил очень аккуратно и с ним, без посторонних, мне было комфортнее говорить.

— А как нужно одеться?

— Как тебе хочется. — вот он, мужской ответ.

— Там ещё кто-то будет? — начинаю прощупывать почву.

— Не знаю, может быть Леснов.

Глубоко вздохнула и начала мысленно перебирать свой гардероб, благо немаленький. Отец, практически силой, снабдил меня все новым в одежде, от белья до шубы, хотя до зимы ещё долго. Я сначала сопротивлялась, а теперь рада, что есть из чего выбрать.

Новая одежда, причёска, макияж. Может Пётр меня не узнает? Бывают же чудеса на свете. Надеюсь на это.

Глава 19. Пётр

Пот тек по телу просто волнами, мне такие усилия требовалось приложить, чтобы просто слегка размяться, что я был неприятно шокирован. Врачи разрешили массаж и небольшой комплекс упражнений, который раньше для меня был чем-то вроде пятиминутной разминки перед часовым занятием в спортзале.

А теперь эта разминка давалась с огромным трудом. Медсестра делала массаж, физиопроцедуры, а вот занимался я сам, хотя матушка квохтала надо мной, как курица, боясь, что наврежу себе. Мне теперь было сложно не только физически, но и морально.

Я уже много лет не жил с матерью, да ни с кем не жил, если не считать ночёвки любовниц. Но я свою территорию не делил с ними, а редкие совместные ночи были не в счёт. Никаких личных вещей оставлять не позволял, никаких перестановок и тому подобных вольностей, до которых охочи женщины, чувствующие себя обязанными обуютить жилище несчастного одинокого холостяка.

Так думали они. А я был совершенно счастлив. Свободный, здоровый, как бык, имеющий своё, очень прибыльное, дело, активный во всех смыслах, а потом бац... и я какаю в памперс.

Такого опыта набрался за время после аварии, что теперь могу тренировки вести, рассказывать о том, как лучше лежать, когда справляешь нужду, как и чем удобнее чесать под гипсом, что есть, чтобы памперс не протек.

Многие фыркнут, скажут, что фу, какая гадость. Полностью согласен, я бы тоже раньше так сказал, но теперь мнение мое кардинально изменилось. Очнувшись после аварии, в какой-то замшелой больнице, я сразу понял, что самый страшный аттракцион в Диснейленде, просто качельки для трехлеток, по сравнению с ощущением полного бессилия и ужаса в реанимации.

Там фильмы ужасов нужно снимать, а не людей лечить. Слабый сердцем человек просто не вынесет одного вида этой палаты. Сначала я был зол, агрессивен, но потом понял, что это бессмысленно, отнимает много сил, а они мне нужны, я весьма серьезно поломался в той аварии, и нужно очень постараться, чтобы выздороветь.

Потом переезд в Москву, операция, консультации врачей, лечение в стационаре.

И вот, я живу у мамы, пара недель теперь, как пять лет. Столько энергии у родительницы давно я не видел, она словно ожила, помолодела. Понятно, что переживала, но моё нахождение в ее доме восприняла, как личный вызов. У неё была цель — поставить меня на ноги. И она шла к ней с невероятным упорством и энергией.

А я пытался не сойти с ума от постоянной опеки и бесконечных разговоров. Терпел, понимая, что буду последней скотиной, если сорвусь на мать. Благо, что прогресс в выздоровлении был впечатляющим, врачи хвалили и обещали снять с меня гипс быстрее, чем предполагалось.

Вероятно, что мое желание победить беспомощность, заставляло кости срастаться быстрее. Главное, чтобы хватило терпения дожить в здравом уме до этого выздоровления. Мама лечила меня неистово, и так же неистово пыталась развлечь.

Один из способов — приглашение гостей. За две недели я увидел столько родственников, сколько мне видел уже лет десять.

Мама считала, что такие встречи меня приободряют, что поддержка близких исцеляет

лучше лекарств. Не знаю, как насчет исцеления, но бодрость была, я, прямо таки, искрился от неё. От злости. Вот и был я теперь, почти постоянно — злой и бодрый.

Сегодня на очереди был визит отца. Он должен был прийти на ужин вместе с вновь найденной дочерью, так мне матушка и сообщила. Ну хоть какое-то разнообразие, тем более я был рад встретиться с Петровским. По телефону мы общались, но лично после аварии ещё не виделись.

Ужин накрыли просто шикарный, мама всегда пыталась показать бывшему мужу, что она великолепная хозяйка. Она уже столько лет с Лесновым, а все пытается марку перед отцом держать. Смешная. Но она женщина и этим все сказано. К ужину я выехал на коляске с электроприводом, мотор у неё тихий и моё появление пару минут было не замечено.

Мама с гостями была в гостиной, сама сидела в кресле, а гости на диване напротив. Оживленную встречу с Петровским и его дочерью я услышал ещё будучи в коридоре. Мама как-то очень бурно отреагировала на приход гостей, словно случилось что-то невероятное.

Сейчас мне были видны плечи и голова отца, а рядом с ним была девушка. Из-за спинки дивана я мог видеть только копну светло-каштановых волос, что наводило на мысль о небольшом росте девушки.

Первая меня увидела, конечно, мама, просила, всплеснула руками.

— Петенька, у нас гости! — ну просто пятилетнего мальчика увидела мама, а не взрослого сына. Я смиренно вздохнул и направил свой минимобиль к центру гостиной.

Отец поднялся навстречу, пожал мне руку, но совершенно загородил собой девушку, тихо сидящую на диване.

— Привет, Пётр! — это любимое приветствие отца с моего трехлетнего возраста, сколько помню себя, столько отец так со мной здоровался. — Я рад, что ты выздоравливаешь. Выглядишь неплохо.

— Здравствуй! Да, лечусь усиленно. — отвечаю и пытаюсь заглянуть за отца. — Ты не один сегодня?

Петровский отходит в сторону и оборачивается к девушке на диване.

— Да, не один. Знакомься, Петр, это Лия, моя дочь!

Я растянул губы в вежливой улыбке, когда навстречу мне с дивана встала очень красивая девушка в светло-зеленом платье, действительно, небольшого роста, тоненькая, нежная и... хорошо мне знакомая.

20. Пётр

— Лиия? — я специально протянул имя, глядя, как бледнеет его обладательница. Что ж, эта девица, похоже, тоже не из скромного десятка. Вон, как лихо взлетела из полойки в дочки богатого московского бизнесмена.

— Пётр, приглашай гостей за стол! — мама, как обычно выставляет меня за семилетку, учит вежливости и гостеприимству. Я молча смотрю на дочь Петровского, пытаюсь увидеть сходство. Сейчас она выглядит, конечно, совершенно по-другому, лоск навела, этакая невинная кошечка с растерянным взглядом.

Отвожу взгляд и молча вырливаю к столовой. Матушка зовёт Петровского и его дочь к столу, расписывает, что и как готовила, это её любимое дело — обсуждать рецепты.

За столом Лия в беседу не вступает, а только, сначала, изредка бросает взгляды в мою сторону, а потом утыкается в тарелку и глаз не поднимает. Я вижу её немного сбоку и рассматриваю беззастенчиво, зная, что смущаю её, что вид у меня, мягко говоря, недобрый.

— Петя очень много занимается, старается выздороветь побыстрее. Врачи хвалят, Слава Богу, его удалось быстро привезти в Москву. — мама на своей любимой волне и, как я понял, не узнала Лию. Это неудивительно, слишком невероятно было бы предположить, что именно та санитарка в рваном халате — дочь Петровского.

Интрига нарастает, напряжение Лии ощущается всё сильнее. Понимает, что мать её не узнала, а я узнал. В какой-то момент встречаюсь глазами с гостьей и открыто подмигиваю. Мама увлечена разговором, Петровский слушает и кивает.

— Кем вы работаете, Лия? — успеваю задать вопрос между репликами матери.

Мама удивлённо смотрит на меня, словно и забыла, что я тоже за столом. Петровский поворачивается в мою сторону и начинает в своей обычной манере.

— Пётр, я как раз хотел поговорить с тобой об этом...

— Я работаю санитаркой в больнице. Мою пол, стены, туалеты в реанимации и травматологии. — твердый и весьма звонкий девичий голос перебивает отца, а глаза смотрят на меня прямо, с вызовом. Но звонкость голоса выдает сильное волнение, меня не проведешь.

— Санитаркой? Как санитаркой? — мама переводит взгляд с Лии на отца.

— Мария Сергеевна, вы меня не узнали, но мы с вами встречались. В больнице, где лежал Пётр Андреевич после аварии. — Лия смотрит на меня. И снова вижу, что трясет её но теперь, вероятно, от собственной смелости.

— Лия экономист по образованию, но работы по профилю найти не удалось, — отец пытается объяснить.

Смотрю на Лию поверх стакана с соком, пытаюсь глоток сделать, а в горле ком. Да уж, в первом раунде девочка оказалась крепким орешком, посмотрим, что будет потом.

— А я вспомнила! — всплеснула руками матушка. — Вы же из ведра меня облили, когда я бутылки разбила с минеральной водой для Петеньки. И правда, это вы! Вот это совпадение!

— Да мам, совпадение просто невероятное. — ставлю стакан на стол, морщась от «Петеньки». — Отец, а ты уже проверил Лию? Твоя кровь?

— Нет необходимости. — Петровский слегка настороженно смотрит на мать. — Я узнал мать Лии, а кроме этого, сходство с бабушкой просто поразительное.

Лия метнула взгляд на отца, а потом на меня, явно тревожится, волнуется, щеки горят румянцем. Лия, конечно, красива. Этого не отнять, хотя одежда уборщицы делала из нее настоящее пугало, с этим тоже не поспоришь. А сейчас, с горящими щеками, блестящим, острым взглядом, со вкусом одетая, она была способна сразить наповал любое мужское сердце. И не только сердце.

Я кашлянул, прочищая горло.

— Все может быть, однако, ты имел опыт с мошенницей, поэтому и нужно быть бдительным. Может быть, Лия тоже такая. — бью без предупреждения и сразу поддых. Любимый прием. Люди обычно хорошо открываются, когда разговор острый.

— Готова сдать анализ хоть сейчас. — без паузы и без запинки. Надо же! Недооценил красавицу!

— Петя, ну, что ты, ей Богу! Что за разговор?! — мама хмурится и смотрит на меня вопросительно и с укором.

— Петр, все решаемо, прекрати эти выпады! — Петровский морщит брезгливо нос.

Я начинаю злиться всерьез, закусил, так сказать, удила. А почему? Сам не знаю! Меня просто разрывает от желания довести эту пигалицу до кипения, когда вода брызжет и пар крышечку с чайника сносит. Сам я уже киплю.

А Лия, все также, спину держит, речи говорит, хотя в глазах и мелькнул испуг, но внешне сама стойкость.

Я вдруг осознал, что всегда, когда Лия оказывается рядом, у меня происходит одно — злюсь и бешусь. Заводит меня, зараза. Сама от страха вся трясется, но продолжает вежливо шипеть и кусаться, взгляд не отводит.

— Ладно, я понял, что ты уже все решил. — взглянул на Петровского. — Мне пора откланяться.

Подъезжаю к стулу Лии и отвешиваю ей шуточный поклон.

— До свидания!

Вблизи она ещё лучше, внезапно, необъяснимо, но мне хочется прикоснуться к её щеке. Я фактически ощущаю жар от тела Лии. Гнев, злость и страх способны разогреть любого. Девочка пылает.

Я ухмыляюсь ей прямо в лицо, не сдерживаясь. Петровский и мать видят только Лию и им непонятно, отчего так побледнела гостя. А я, после ухмылки, опустил глаза, сначала, на губы, а потом на грудь девушки. И многозначительно поднял брови, развязно пялясь на весьма аппетитные полушария. Троечка? Не меньше.

Да, Петенька, похоже ещё неделя, и тебя возбудит даже швабра для мытья полов, а не только её хозяйка.

Это было жестко. Я готовила себя к тому, что мне будут, мягко говоря, не рады, но Пётр устроил мне сначала допрос, потом, фактически открыто, назвал меня мошенницей, а в конце совершенно наглым образом оцупал взглядом везде, где можно, и ухмыльнулся, словно имеет право на все, что осматривал.

Я впервые в жизни переживала такое. Мой опыт общения с мужчинами, да и вообще с людьми, весьма ограничен. Меня никто так открыто не пытался оскорбить, обидеть, задеть. Я боялась, что от моей дрожи начнет звенеть посуда на столе — так меня трясло. Жутко злило, что Пётр это видит, мне казалось, что его голубые глаза, словно рентген, просвечивают меня насквозь и ловят каждый мой вздох.

Совсем некуда было укрыться, спрятать себя и свои чувства не получится, поэтому я решила и не делать этого. Спину прямо, взгляд не отводить — этому меня научила мама, когда появились проблемы в подростковом возрасте. Некоторые одноклассники пытались найти во мне безопасный объект для насмешек, но быстро были разочарованы, что я не спасовала, и отстали. Некоторые даже пытались со мной подружиться потом.

И вот, через столько лет, тот опыт мне пригодился. За столом было очень страшно и неуютно, но отец был рядом и это немного сняло напряжение. Я впервые переживала такое — защиту отца, хотя он тоже растерялся в какой-то момент, но мы были заодно, вместе. Странное и непривычное ощущение, что рядом есть отец, который готов мне помочь.

— Лия, ты как себя чувствуешь? — отец встревоженно взял меня за руку.

Я словно очнулась и вздрогнула от неожиданности.

— Все хорошо. — стараюсь улыбаться естественно.

Мы едем домой и тишина в салоне затянулась, поэтому отец решил, что я расстроена. Он отвел взгляд от дороги и быстро, но внимательно посмотрел на меня.

— Петр вел себя не очень вежливо. — отец вздохнул. — Он всегда был прямолинеен, даже жестковат, но близкие давно привыкли к этой его маске.

— Я не близкий для него человек, но это не повод для оскорбления. — смотрю на отца. — И что значит «его маска»?

— Лия, он для меня всегда был сыном, я воспитывал его с младенчества. Сейчас мне известно, что в нем нет моих генов, но острота ума и деловая хватка перешли ему от меня, — Петровский тихо засмеялся, — минуя ДНК. Я любил и люблю Петра, как сына, этого тоже не изменить. Мне нужно будет рассказать тебе подробно, что случилось, так ты лучше поймешь Петра. А мне важно, чтобы вы смогли наладить отношения.

— Для чего мне нужно ладить с ним? Мы часто будем ездить к нему в гости? — я плохо понимала логику отца.

Он остановился на светофоре, где ждать зелёного сигнала больше минуты, поэтому спокойно повернулся ко мне.

— Вы будете вместе работать.

Я в шоке уставилась на Петровского.

— Да, Лия, мне кажется вам нужно найти общий язык, а работа способствует этому, вы больше времени будете проводить рядом и сможете лучше друг друга узнать.

Светофор мигнул жёлтым и открыл путь потоку машин. Отец вновь сосредоточил внимание на сложном участке дороги.

Значит работать вместе. Вот это сюрприз. И очень неприятный. Мне от одной мысли, что придется ежедневно общаться с этим...с этим... Даже слов подобрать не могу! Я долго не смогу пребывать в постоянном напряжении и страхе, а именно эти чувства были основными, когда Пётр был рядом.

Хотя... Если быть честной, то были и другие ощущения, но объяснить их не могу пока. Пётр был подавляюще мужественным. Да, именно так и можно описать его. Даже в инвалидном кресле он производил неизгладимое впечатление шириной плеч, голубизной глаз, он просто источал ауру превосходства и уверенности в себе.

Интересно, как чувствует себя женщина, которую любит такой мужчина, как Пётр? Как это бывает, когда твоим сердцем владеет такой мужчина?

— Петр владеет фирмой, которая является основным партнером моей компании, — отец снова вырвал меня из раздумий, — он прекрасный архитектор, но управление любит больше. — Петровский усмехнулся. — Его фирма проектирует почти все объекты, которые строит моя. Пётр работает, как зверь, спуску не даёт никому, но и эффективность у его работы под тысячу процентов.

Мне стало совсем нехорошо. Как я смогу работать с этим монстром? Не хочу, не могу.

— А я...я обязательно должна именно там работать? — голос дрожал у меня, ничего не могла с этим поделать.

Отец удивлённо посмотрел на меня, а затем завернул в открывшиеся ворота дома. Мы въехали во двор и остановились.

— Лия, ты боишься? — отец взял мою ладонь и сжал своими. — Боишься Петра?

— Ты вырастил его, я понимаю, но он...он ведёт себя так, что мне непонятно, как реагировать, я ничего плохого ему не сделала, а он так говорит, словно...сделала, — я пыталась внятно объяснить, но получалось не очень.

— Лия, милая моя, ничего против твоей воли не будет! Господи, я думал, что обрадую тебя возможностью работать с лучшим в нашей сфере и совсем забыл, что это я так думаю. — отец увидел мой непонимающим взгляд. — Ну, что так лучше для тебя. Мне очень хочется, чтобы мое дело перешло в твои руки, но в руки, которые знали бы, что это за дело.

Я нервно хихикнула. Отец тоже засмеялся в ответ.

— Я несю бред? — спросил, глядя мне в глаза.

— Есть немного, — проговорила с улыбкой.

— Все, давай на сегодня закроем эту тему. Завтра едем на дальний объект. Ты со мной? — уже как-то неуверенно спросил отец.

Мне стало так хорошо в этот момент, словно меня не на стройку приглашают, а в театр или в парк аттракционов. Это было так классно, так непривычно приятно — быть и общаться с отцом, что я только сжала его ладонь и радостно ответила ему единственное, что хотела.

— Конечно еду!

22. Пётр

Ждать полного выздоровления я не мог ни физически, ни морально. Дел накопилось море, хотя мои замы настоящие звери — работали без выходных уже несколько недель.

Я вёл руководство из дома, совещания проводил онлайн, но меня разрывало от желания быть на работе. Моя фирма могла вылечить меня от любого недуга, от переживаний и боли, от тоски и разочарований. Я заныривал в неё, как в исцеляющий источник. Там всегда были важные решения, реальные дела, серьезные события, а результат оставался на годы.

Проектировать здания и целые кварталы — дело моей жизни. Ничего более волнующего мне неизвестно, чем сдача проекта и наблюдение за его созданием во время строительства. Наверное, большинство людей так любят своих детей, как я работу и чертежи новых объектов. И меня невозможно переубедить, что я не прав.

И своих сотрудников подбирал под моё понимание преданности работе. Увольнял я быстро и без сожалений, но те, кто был также предан работе и компетентен, как и я, получали в разы больше, чем в других фирмах. Хорошим специалистам я не давал ни единого шанса уйти к конкурентам, крепко держал их на денежном поводке.

Знаю, что обо мне говорят, как об ужасном руководителе, но никогда не слышал, чтобы были слухи о падении дохода фирмы. Только рост, несмотря ни на что.

Сейчас я был в спальне и отлеживался после физкультуры. Мокрый и уставший, но довольный. Мне удалось сдвинуть с места моё состояние, силы возвращаются и завтра я еду в офис, благо коляска моя вполне мобильна и я уже заказал специальную машину. Я смогу въехать в неё прямо на коляске и закрепить там. Обдумывая завтрашний день, не заметил, что дверь в комнату приоткрылась.

— Привет, милый мой!

Я дёрнулся от неожиданности и повернул голову.

— Соня! — я гаркнул во всё горло. — Тебя не учили стучать?!

— Петенька, что ты орёшь? — Соню не смутить ничем, даже грубостью в её сторону. — Я еле до тебя доехала, а ты орешь. У меня так спина болит и голова кружится, что мне за этот геройский поступок медаль нужно дать, а ты недоволен.

Соня, невзирая на мою, мягко говоря, неприветливость, подходит к кровати и наклоняется, чтобы поцеловать. Я отклоняюсь в сторону и поцелуй минует губы.

Облако духов бьёт в нос, помада отпечатывается на коже. Раньше мне нравилось всё, что касалось физических отношений с этой красавицей, но сейчас мне как-то не по себе.

— Соня, прекрати! Ты могла позвонить, прежде чем свалиться, как снег на голову. — пытаюсь сесть на кровати, что у меня вполне себе ловко получается.

— Я была на реабилитации, а ты даже мне не позвонил ни разу! — Соня, как обычно, полна любви к себе. — Я столько пережила!

Мне удаётся переползти на кресло и я почувствовал себя гораздо увереннее. Ненавижу бессилие и уязвимость, особенно своё.

— Ты едва не убила нас. — пытаюсь испепелить гостью взглядом. — Мне пришлось сделать не одну операцию, а ты лечила синяки в санатории. Думаю, что мериться ущербом организму, нам бессмысленно — ты проиграешь.

Соня садится на кровать и открывает пакет, с которым пришла.

— Я принесла тебе подарок, а ты обвиняешь меня без всяких на то оснований. — Соня

гений переводить стрелки на других, всегда восхищался этим её умением, хотя и одновременно хотелось её за это прибить. — Держи, милый мой ворчун!

Эта непробиваемая ведьма принесла мне галстук.

— Галстук? С чего вдруг? — удивленно пялюсь на коробку, кстати, очень дорогого бренда.

— С того. — Соня начинает сама распаковывать подарок. — Ты же завтра собрался в офис?

— Откуда ты это знаешь? — меня злит, что ничего не скрыть от этой девицы. — Погоди... Ты с моей матерью каждый день на телефоне. Она напела? Узнала про заказ машины и тебе доложила, да?

Соня, не обращая внимания на мои вопросы, вынимает галстук и присаживается на подлокотник кресла, пытается приложить галстук к моей шее.

Рефлекторно спихиваю Соню на кровать, куда она весьма живописно приземляется. Платье задралось. Сначала Соня просто лежит и смотрит на меня, а через пару секунд, без всякого стеснения, развязывает пояс платья.

Девочка подготовилась. Не успеваю ничего сказать, как Соня уже лежит поверх покрывала только в чем мать родила. Тут только мёртвый мужик не отреагирует, а я очень даже жив.

— Хрен с тобой, зараза! Хоть так компенсируешь мне ущерб. — говорю я и вновь сползаю на кровать, устраиваясь на спине.

Как же хорошо! Я в очередной раз вспомнил, почему так долго встречался с этой девицей. Именно поэтому.

А последующие минуты я уже не вижу Сони — все застилает пеленой удовольствия. Наконец-то, я в строю!

Дни пролетали быстро, я вникала в работу, отец терпеливо объяснял что к чему и возил меня по объектам. В выходные я была с мамой в санатории и мы много разговаривали, гуляли.

Алёна со мной не общалась, кроме приветствия утром, но меня это только радовало. Мне эта женщина была неприятна и я её тоже явно напрягала. Мы держали нейтралитет.

За последние полторы недели отец ни разу не упоминал о своем предложении по поводу работы с Петром. И я уже начала успокаиваться. И сегодняшнее утро было очень добрым, пока я не услышала знакомый голос.

— Так-так, девочка трудится. Похвально.

Пётр на коляске проехал в кабинет и затормозил напротив меня, а я сегодня расположилась с ноутбуком в кресле у небольшого столика. Пила кофе и пыталась вникнуть в документы, которые дал изучать отец.

От неожиданности я словно онемела и застыла, глядя на мужчину напротив. Пётр выглядел гораздо лучше, чем в последнюю нашу встречу. Я знала, что он уже работает, но до сего момента не сталкивалась с ним, хотя его офис находится в одном здании с фирмой отца.

Пётр был одет в джинсы и мягкий голубой пуловер. Сочетание с голубыми глазами было просто невероятное. Я с трудом оторвала взгляд от лица мужчины и опустила его ниже, меня привлек предмет на коленях. Складная трость!

— Вы уже ходите? — воскликнула.

Пётр тоже посмотрел на трость.

— Нет. — он как-то хмуро отозвался на вопрос. — Это пока для дверей. — я непонимающе подняла брови. — Придерживаю двери, пока заезжаю в помещение, или выезжаю. Оказывается наши офисы малоприспособлены для неходячих.

Я не знала, что ответить на эту информацию, но чувствовала себя так, словно сама и виновата в неудобствах офисных кабинетов. Пётр же продолжал спокойно рассматривать меня, совершенно не стесняясь останавливать взгляд на губах, груди и коленях.

— У меня испачкано лицо? Или я облила чем-то платье? — воинственно проговорила я, краснея с головы до пят.

Мужчина тут же метнул взгляд вверх, голубые льдинки блеснули смехом, когда он увидел мои пунцовые щёки.

— Она ещё и скромница. — усмехнулся Пётр. — Для работы со мной это только минус.

— Для работы... с вами? — растерянно пролепетала я.

— Идея бредовая, но отец просил меня помочь, а я редко отказываю ему. К сожалению, именно сейчас отказать не могу. Да и помощь взаимовыгодна. — мужчина ловко передвигался по кабинету на коляске, маневрируя между столами и стульями.

Я ошарашено наблюдала за Петром и лихорадочно соображала, что мне делать. Отец меня никак не предупредил, что я начинаю работать с Петром. Да и наш разговор был не окончательным решением. Не понимаю, что такого случилось, что бы так торопиться.

— Андрей Николаевич не предупредил, что вопрос с моей работой решен... — неуверенно пытаюсь выяснить, что случилось и почему такая спешка.

— Моя помощница попала в больницу и поэтому я вынужден ответить отцу согласием

на его просьбу ввести тебя в курс дел, как строится взаимодействие наших компаний. — Пётр терпеливо объяснял. — Возиться мне некогда с тобой, поэтому будешь вникать во все по ходу работы. Поднимай свою милую задницу и вперёд, за мной!

Милую задницу?! Я хватаю ртом воздух, не зная, как реагировать и что отвечать на этот приказной тон и фразу про мой... зад. Но, почему-то руки начинают складывать ноутбук, а ноги несут меня за мужчиной на коляске, который уже вырывается в коридор.

Я молча слеую за Петром и через пять минут мы уже оказываемся в другом крыле здания, в кабинете руководителя. Петра Андреевича Петровского.

— Итак, расписание в компьютере, почта там же, пачка бумаг на столе — разобрать и оставить только важное. Через два часа общее собрание начальников отделов. Подготовь зал для этого. Будут презентации — настрой ноутбук и проектор. Не забудь отправить напоминание участникам совещания, не терплю опозданий. — Петр ловко открыл дверь тростью. — На все даю тебе час. После жду у себя. Дела не ждут.

Дела? А все, что он наговорил до этого — не дела?! Теперь понятно, почему помощница попала в больницу. Пару секунд обвожу кабинет взглядом. Безликая серая мебель, белые стены, помещение без малейшего намека на уют! Подхожу к столу с компьютером, двигаю мышкой и экран загорается.

Сажусь в кресло и осматриваю стол. Кроме пачки бумаг в серой папке, на столе нет ничего, даже карандаш не нарушает это серо-белое уныние. Задумываюсь о том, чтобы позвонить отцу, уточнить про моё внезапное назначение на должность помощницы Петра, но потом решаю этого не делать.

У меня час и я очень хочу успеть. Меня задело отношение ко мне, как к никчемной сотруднице, которую навязали в помощники к великому специалисту.

Последующие шестьдесят минут я практически пашу, как трактор, делаю всё быстро, без пауз. Надо отдать должное болеющей предшественнице — порядок в компьютере идеальный, все понятно с первого взгляда.

Зал подготовила за пять минут, ноутбук было достаточно включить и он сам нашел проектор и вывел пробную картинку. Мне осталось разложить бумагу и карандаши, расставить воду и отрегулировать кондиционер — в зале было душновато.

Письмо-напоминание отправила сразу, как открыла компьютер, папку с бумагами разбирала долго, это оказалось непросто, так как приходилось вчитываться и пытаться понять, что с этим документом делать. Тридцать минут у меня это заняло.

Электронная почта была не так многочисленна, и мне хватило десяти минут, чтобы ее разобрать, и ровно за пять минут до конца обозначенного мне часа, я постучала в кабинет Петра Андреевича.

В ответ тишина. Постучала ещё, опять тихо. Тихонько приоткрываю дверь и заглядываю внутрь. Картина мне открывается неожиданная. Пётр спит.

24. Пётр

Я был счастлив от того, что работаю полноценно, однако, мой организм иногда выкидывал фокусы в ответ на нагрузку. Сил было много, но недостаточно, чтобы хватало на работу без выходных и допоздна.

Моя помощница, Елена, очень меня подвела — забеременела без разрешения. Ведь прекрасно работала, я даже не понимаю, когда она смогла залететь, у нее и времени не было на это. И вот у неё токсикоз и низкое давление. И она ушла на больничный. Впервые за пять лет работы со мной.

А я остался без правой руки, которая с полувзгляда понимала мои требования, да и мысли тоже. У меня были планы взять на её место одного из новых сотрудников отдела кадров, но позвонил отец с просьбой подумать о том, чтобы ввести в курс дел его дочь. Драгоценную Лию.

Придумывать что-то для комфорта новоявленной наследницы у меня и в мыслях не было, но отказать Петровскому не мог. И тут ситуация сама подсказала, как мне поступить. Проведу экспресс-ознакомление новой родственницы, погружу ее в настоящее дело так, что сама убежит.

Меня разбудило моё имя, которое настойчиво повторяли мне на ухо. Открываю глаза и сразу ощущаю запах свежесрезанного кофе. А слева от меня стоит Лия, которая и разбудила меня, повторяя моё имя. Увидев, что я открыл глаза, она обошла стол и стала напротив меня.

— Петр Андреевич, до совещания осталось пятнадцать минут. У вас есть время выпить кофе и просмотреть почту. — Лия подвинула через стол серую папку. — Зал готов.

Я, вероятно, уснул довольно давно, так как ощущал себя гораздо бодрее. Гребаная авария! Чувствую себя старым дедом, засыпающим уже после завтрака. Все, хватит. Выпрямляюсь в кресле и хмурю брови, берясь за чашку с кофе.

— Значит, смогла уложиться только в час сорок пять минут? — отхлебываю бодрящую жидкость.

— Мне потребовалось меньше часа на исполнение ваших указаний, — спокойно поговорила Лия, — а в оставшееся время я охраняла ваш сон от посетителей и телефонных звонков.

— Сама добродетель! — я опять злился и ничего с этим поделать не мог. — Вы должны были мне доложить о посетителях! Здесь не больница, а вы похоже все еще чувствуете себя санитаркой.

Лия выпрямилась, глаза блеснули. Я ожидал, что сейчас польются слезы, но нет, девушка вновь меня удивила.

— Я была в реанимации и видела, насколько серьезно вы пострадали, поэтому и решила дать вам отдохнуть, когда увидела спящим. Вы явно изводите себя работой, и внезапное засыпание среди дня этому подтверждение. — Лия сердито понизила голос. — Если вы и дальше будете продолжать разбор ситуации со сном, то не успеете на совещание, которое сами и собрали.

Лия замолчала и просто смотрела на папку у меня в руках, ожидая ответа на свою отповедь. Я выдохнул и резко развернул кресло в сторону зала для совещаний.

— Идем, мать Тереза! Будешь вникать в работу.

В зале для совещаний уже были все начальники отделов. Лия следовала за мной.

Сегодня главным был вопрос покупки акций компании, которая вела проектные работы в двух больших городах соседнего региона. Я хочу расширяться, это моя цель на ближайшие пару лет, а лучше на год.

Пока я болел, эта работа буксовала, но теперь я готов действовать решительно и даже рисковать. Осталось организовать процесс.

— Здравствуйте! — я подъехал к столу и осмотрел всех присутствующих, остановил взгляд на Лие, севшей за стол у стены. — Сообщаю вам, что в ближайшие пару недель функции моей помощницы выполняет Лия Андреевна.

Двенадцать мужчин одновременно посмотрели в сторону девушки и мне стало не очень комфортно, словно они посмели разглядывать нечто важное для меня. Странное ощущение.

— Каретников, ты готов? — я остановил этот затянувшийся процесс рассматривания Лии.

Мужчина дернулся и посмотрел на меня.

— Да. — звонко ответил.

Загляделся, паразит. Ну, посмотрим, как справится с докладом, наверняка вся кровь от головы отлила вниз.

Последующие полтора часа работа кипит. Обсуждение было бурным и, иногда, даже грубым. Лия сидела за ноутбуком и едва поспевала менять картинки презентаций, не раз приходилось листать обратно, искать информацию в других файлах.

Я ни на секунду не терял нить беседы, но успевал заметить, как напряжен был профиль девушки. Она явно очень нервничала, часто закусывала нижнюю губу и хмурила бровки. Волосы Лия заколола и мне был отлично виден точечный изгиб шеи и изящного подбородка. Хороша, куколка. Я могу понять Каретникова, который открыто пустил слюни на эту лакомую конфетку.

— Таким образом, у нас нет возможности получить контрольный пакет акций без некоторого давления. — закончил докладчик.

— Давление обеспечит Иван Каретников. — я решил поручить важную командировку этому приткому парню. — Мне нужен результат через неделю. Сегодня же выезжай на переговоры.

Изначально я хотел отправить Давыдова, но сейчас на ходу поменял решение, чем вызвал удивление Каретникова. Он был ещё птенцом по сравнению с другими, но мне, почему-то, захотелось, чтобы он исчез, пока Лия будет работать у меня. И отправил его подальше.

Я тряхнул головой и продолжил отдавать указания, коих было немало, но краем глаза опять пытался проследить за новой помощницей. Это уже было ненормально. Черт побери, с Леной таких проблем не было! Я и смотрел на нее, если только она умудрялась стать на моем пути.

— Все! В пятницу жду всех по одному с отчетами. — я развернул кресло в сторону помощницы. — Лия Андреевна, составьте расписание и вышлите всем по почте. — и, не оборачиваясь, поехал к выходу.

Уже у двери кабинета Лия догнала меня.

— Петр Андреевич... — услышал я рядом.

— Лия, закажите нам обед, дел много и гулять по кафе некогда! — не желая слушать, что хочет сказать эта похитительница моих нервов, я быстро скрылся в кабинете.

Столько адреналина мой организм за всю жизнь не вырабатывал. Даже экзамены и защита диплома так меня не напрягали. А это просто совещание. Мозг кипел, я пыталась не ошибиться, не перепутать ничего. Все в новинку, все малознакомо, а тут ещё целый отряд мужиков пялится на меня, во главе с новоявленным начальником.

Его взгляд прожигал меня, мешая сосредоточиться на слайдах презентации. Не зря я не хотела работать с Петром, не зря. От него так и веет раздражением, недовольством и даже ненавистью. Когда совещание закончилась, я хотела поговорить с Петром о том, что не буду работать с ним. Даже начала разговор, но он перебил и отправил меня заказывать обед.

Перечитать Петровскому у меня получалось плохо и я решила, что завтра просто останусь дома и на этом завершу всю эту ситуацию. С этими мыслями я сидела за компьютером и разбирала очередную порцию почты.

— Лия? Ты здесь? — рядом раздался голос старшего Петровского.

Я вздрогнула от неожиданности и встала.

— Ой, я не ожидала вас увидеть! — мне было как-то неудобно, неловко, непонятно почему.

— Да и я тоже. — отец улыбался. — Значит вы с Петром договорились?

— Договорились? О чём? — я была в недоумении.

— Я просил его помочь, найти возможность ввести тебя в курс дела. — Андрей Николаевич говорил с воодушевлением. — Знаю, что ты просила меня не отправлять тебя сюда. Но ты уже здесь. Ты согласилась на предложение Петра?

— Я попробовала сегодня... — сама не понимала, почему я согласилась, — Петру сложно отказать и вот я здесь... но... только сегодня, наверное. — промямлила я и снова села на стул.

Отец нахмурился и наклонился ко мне.

— Он обидел тебя, Лия? Что случилось?

Я замотала головой, краем глаза глядя, не открывается или дверь кабинета.

— Обидел? Нет... не знаю, — совсем растерялась, — он со всеми такой... жёсткий, злой что-ли... мне кажется, что я не смогу справиться со всем... соответствовать... — окончательно смутилась и опустила голову.

Отец взял меня за руку и другой рукой приподнял мой подбородок, чтобы посмотреть в глаза.

— Лия, милая моя девочка, если ты так считаешь, то можешь прямо сейчас уйти отсюда, не смей думать, что я заставляю тебя. Мне важно, чтобы тебе было хорошо! Хочешь заняться чем-то ещё — пожалуйста! — Петровский так тепло на меня смотрел, так искренне говорил, что мне стало... стыдно.

Куча людей мечтает получить такую работу, такой опыт, и я мечтала работать по-настоящему, учась и преодолевая трудности, а сейчас расклеилась, испугалась. Чего? Кого? Тут мне было понятно — Петра. Но сказать об этом я не могла, тогда нужно признаться в подробностях нашего знакомства с Петром, а мне не хотелось расстраивать отца и вносить раздор между мужчинами...

Пётр очень сильный человек, властный, жёсткий, даже грубый и я ничего изменить не смогу, а разборки мне не нужны. И я приняла для себя решение.

— Спасибо вам...тебе, — замолчала на пару секунд, — давай я поработаю неделю и тогда решу, оставаться мне здесь или нет? Хорошо? — вот и подписалась не недельный стресс.

— Лия, ты сама решай. Можешь в любой день уйти, хорошо?

— Хорошо! — мне стало легче от того, что сказал отец. И я еще чувствовала себя немного задетой собственной слабостью. Мне захотелось доказать себе, что я могу справиться, что я сильная, хотя и... боюсь.

Отец ушел к Петру и они проговорили почти час, меня никто не беспокоил и я быстро справилась с письмами и расписанием для начальников отделов. Петровский старший ушёл и я, наконец, отправила документы по электронке и направилась с бумажной почтой в кабинет к Петру Андреевичу, моему начальнику на ближайшие семь дней, как минимум.

Я несколько раз активно вдохнула, выдохнула и постучала в дверь. Тишина. Я в недоумении уставилась на дорожную деревянную поверхность перед глазами. И что мне делать? Постучала ещё. Опять тишина. Может он опять спит?

Решила посмотреть, несмотря на то, что могу получить за это порцию грубости. А вдруг ему плохо там, всё-таки у него недавно было сильное сотрясение мозга. Тихонько открываю дверь, в кабинете никого. Значит он или в зале для совещаний, или в смежной с кабинетом комнате. Я успела заметить, что там вполне себе домашняя обстановка — кровать, диван, плазма на стене, есть санузел.

Пока раздумываю, куда мне направиться сначала, я слышу приглушённый голос Петра, а потом звук бьющегося стекла. Звуки идут явно из смежной комнаты.

Складываю бумаги на стол и уверенно шагаю туда. Стучу в дверь и в ответ слышу знакомый недовольный голос.

— Кто там, черт побери?!

— Это Лия. Пётр Андреевич с вами все в порядке?

В ответ пыхтение и сопение. Странно.

— Петр Андреевич, можно мне войти?

Снова тишина, но потом я получаю ответ.

— Да войди ты уже!! — опять пыхтение.

Я захожу и вижу посреди комнаты пустую коляску Петра, а дверь в санузел приоткрыта и в проеме, на полу лежит... голова хозяина этого жилища. Вернее, я вижу только темные волосы и... глаза, которые смотрят на меня испепеляюще.

— Что ты замерла?! — узнаю знакомую интонацию, значит цел мой начальник.

Быстро подхожу к двери и открываю ее шире и замираю. Пётр лежит на полу... в трусах.

— Лия, ты будешь меня разглядывать или все таки сможешь встать? — снизу раздается голос.

Я перевожу взгляд на лицо мужчины, что весьма непросто. Почти два метра мускулов в боксерах меня, мягко говоря, впечатлили. Мои щеки тут же запылали, сказался таки малый опыт общения с обнаженными мужчинами, вернее его отсутствие.

— Лия, очнись и подгони сюда коляску!

Отмираю и в два шага оказываюсь в комнате, подтаскиваю чудо техники к двери и не знаю, что делать дальше.

— Я довольно тяжёлый, но если ты сможешь мне перевернуться, то я смогу взгромоздиться в это чертово кресло! Возьми меня за руку, Лия. — Пётр протягивает мне руку и я, наконец, окончательно прихожу в себя и мы начинаем, очень даже слаженную,

операцию по подъему начальника с пола.

Я подхватываю Петра Андреевича под руку и приобнимаю за бок, чтобы помочь ему подтянуться в кресло, а он, хоть и опирается на меня, все же старается на меня сильно не давить.

Под моими руками горячая и, почему-то, влажная кожа, а также совершенно каменные мускулы, в нос ударяет цитрусовый запах. Это рождает очень странные ощущения в голове, в теле. Мысленно приказываю себе сосредоточиться на деле, а не на... теле.

Кряхтим, пыхтим, но мы справляемся. Пётр снова сидит в коляске. А я замечаю, что на стуле у двери лежит рубашка и брюки.

— Что случилось? Почему вы решили мыться среди бела дня? — удивленно спрашиваю.

— Я занимаюсь для восстановления после аварии, — сообщает мужчина, — и спокойно принимал душ каждый раз, но сегодня поскользнулся и вот...

Опускаю взгляд и вижу ссадины на колене Петра. И ещё вижу, что мужчина передо мной крупный... везде.

— Врача вызвать? — обеспокоенно спрашиваю.

— Ссадины обработать? — ухмыляется мужчина в трусах, проследив за моим взглядом.

— Посмотреть не повредили ли что-нибудь, когда падали! — восклицаю возмущенно.

— Я успел сгруппироваться и упал на здоровую половину тела. Так что, все важные органы целы. — отвечает Пётр и направляет свою коляску к стулу с вещами.

26. Пётр

Это просто анекдот! Завалился в душе, как мешок с картошкой! Пытался доползти до коляски или, хотя бы, до кровати, но Лия опередила. Зашла и уставилась на меня, как на манекен в магазине.

Её ножки перед моим носом тоже не остались без внимания, но уже моего, непроизвольно наслаждался видом снизу, а эта обеспокоенная моим состоянием кукла и не заметила ничего такого.

Она сама таранилась на тело на полу, краснела и сердилась за это на саму себя. Тут я солидарен с ней — она тоже меня выводит из равновесия. Кроме очевидных естественных причин, связанных с гормонами, меня изначально что-то раздражало в этой милой и скромной девочке.

Она как вызов, как упрёк моему мужскому началу, циничному и непримиримому. А потом, когда я узнал о том, что Лия ещё имеет отношение к нашей семье, меня уже совсем расколбасило.

Она не знает, что косвенно виновата в гибели другого человека, очень для меня дорогого, и в том, что семья моя разлетелась на части после этого. Умом понимаю, что нелогично наказывать девочку, но злость и гнев берут верх.

Не может она быть невинной овечкой, за всеми этими большими глазками и красными щёчками скрывается обыкновенная человеческая самка, как и все подобные, охочая до денег и удовольствий.

Вся моя жизнь, мой опыт это доказывают, исключений не встречал. Разница только в объемах желаемого и только. А я, как мазохист ещё и в помощницы Лию взял. С момента, как очнулся в реанимации, я веду себя как-то нелогично, раздражаюсь, потом жалею об этом, потом жалею, что проявил слабость. И так по кругу.

Работа помогает прочистить мозги и я взялся за неё с огромным энтузиазмом, но, похоже, не все так просто. Кризис средних лет у меня что ли? Всё не в радость, все не так.

С этими мыслями я оделся и вновь выкатился в кабинет, хватит мозг себе кипятить, пора действовать.

— Привет Василий! — я набрал своему другу ещё по университету. — Помощь твоя нужна. Заехать сможешь сегодня?

— Здорово Петь, чего случилось? — друг взволнованно прогудел в трубку.

— Случилось невероятное и нужно проверить, так ли это в действительности. — я не хотел по телефону обсуждать свой план.

— Ты встретился с пришельцами?! — загоготал Вася.

— Можно и так сказать.

— Ладно, заинтриговал, заеду сегодня!

— Хорошо, жду. — выдохнул я и положил трубку.

Идея пришла мне в голову только что, но я решил сразу ее опробовать. Посмотрим, что получится.

На столе лежит кипа бумаг, которые принесла Лия, а также готовое расписание. Документы рассортированы и сложены по темам и важности. Хм, девочка-то имеет хоть и небольшой, но мозг, и явно неплохо училась.

— Ладно, пусть живёт, есть ее сегодня не буду, — усмехаясь, проговорил я вслух сам

себе, — волк сегодня добрый. А вот завтра... посмотрим.

Просмотрев документы, решаю выехать из кабинета. В приемной Лии нет. Я уже хватаюсь за телефон, чтобы выяснить, куда она запропастилась, когда в следующую секунду моя временная помощница появляется в дверях.

— Интересно, где же гуляла моя помощница? — язвлю просто автоматически.

Лия замирает на секунду, а потом спокойно подходит к своему столу и кладет на него стопку папок, которые она принесла. Потом поворачивается ко мне.

— Петр Андреевич, меня вызвали в отдел кадров по поводу оформления меня в ваши помощницы на период болезни Елены. Это во-первых. — Лия делает шаг в мою сторону и слегка наклоняется ко мне. — А во-вторых, я принесла документы, которые вы запрашивали в отделе. И в-третьих, у меня обед! — завершает речь боевой воробышек, сверкая глазами.

— У моей помощницы график плавающий, поэтому и... — начинаю внушение.

— И поэтому Лена ушла на больничный! — заканчивает фразу Лия.

Я молча смотрю на эту пигалицу. Роста — чуть больше полутора метров, работает у меня едва ли три часа, а уже бунт пытается устраивать. И мне вспомнился момент, когда меня увозили из той районной больницы. Лия невольно проводила меня тогда, стоя у двери приемного покоя.

Я помню свою реакцию на эту девчонку, помню её ножки, волосы, фигурку. Сейчас Лия одета куда лучше, хотя и совсем скромно для возможностей ее отца. Не могу с собой ничего поделать — Лие не доверяю, как не доверяю никому, но здесь ещё и семья завязана. Нет мне покоя, грешному!

— Вы чего молчите? — замечаю встревоженное лицо девушки совсем рядом. — Вам плохо? — Лия хмурится, вглядываясь в меня.

— Сегодня приедет посетитель один, впустить без доклада! — разворачиваю коляску обратно в кабинет.

— На нем метка будет? Как узнать, кого пускать? — слышу вопрос в спину.

— Василий Чуров. — бросаю через плечо и удаляюсь.

Я вздохнула и села за компьютер продолжить работу и поняла, что у меня дрожат руки. Вот злодей! Довел до трясучки! Не могу сказать, что я боюсь Петра, но от общения с ним у меня всё дрожит внутри и снаружи. Меня возмущает его манера доминировать, зло шутить и, прямо скажем, насмехаться и язвить.

Щёлкая мышкой, шепчу себе под нос, что это всё на неделю, всего лишь на неделю, всего лишь на неделю... Этим себя и успокоила.

До конца дня оставалось уже совсем немного, когда мне позвонил отец и сообщил, что он домой не едет, а меня отвезет один из водителей компании. Перед уходом я стучу в дверь к Петру Андреевичу и сообщаю, что рабочий день закончился, получаю короткое «Свободна!», а мне звучит, как «Свободааа!».

Радостно разворачиваюсь и начинаю быстро собираться домой, выключаю компьютер, беру сумочку и с силой толкаю дверь из приемной. И с ужасом осознаю, что лечу носом вперёд! Не успеваю даже начать кричать от страха, что сейчас упаду, как оказываюсь в воздухе, а потом прижатой к груди пахнущего свежестью мужчины.

Я могу сказать только то, что он приятно пахнет, так как я уткнулась носом ему в грудь и мне не видно ничего, кроме белой рубашки и волосков в её вырезе. Поэтому ошибиться невозможно — меня обнимает высокий сильный мужчина, блондин.

Все происходит за секунду, а мне кажется, что она невероятно растянулась и я успеваю подумать кучу вещей — как я разобьюсь сейчас, как страшно падать, как громко звучит мой визг, как странно, что я подлетела в воздух и, как неудобно, что меня крепко обнимает совершенно мне незнакомый мужчина. Белую рубашку которого я только что смачно поцеловала свеженакрашенными губами.

И только я собралась собрать мысли в кучу и начать слезать с этого ловца девушек, как сзади услышала знакомый голос.

— Вась, я не понял! Ты зачем ее на себя посадил?! — громко проговорил мой начальник.

Я почувствовала, как руки, как я уже поняла, Василия сжались крепче и издала сдавленный писк, попыталась оттолкнуться от груди с отпечатком моих губ и, наконец, сползти на пол.

Мои рецепторы осязания и обоняния были перегружены, как никогда. Тем более мне было отчётливо слышно, что сердце мужчины набирает частоту от моей возни, но руки он не разжимает. Мама дорогая, что мне делать?! Шок начинал уже сменяться паникой и я, собрав последнее мужество, громко закричал прямо на ухо Василию.

— Отпустите меня сейчас же!!! Поставьте меня на пол!!!

И, наконец-то, почувствовала как вновь оказалась в воздухе, а потом плавно приземлилась на ноги в шаге от Чурова Василия. Хотя я и переволновалась, но мозг работал нормально, я уже поняла, что была в руках посетителя, которого нужно впустить без доклада.

Я одергиваю задравшуюся одежду и приглаживаю растрепавшиеся волосы.

— Сударыня, прошу прощения! Это я виноват в вашем падении — слишком резко открыл дверь. — раздался очень мелодичный мужской голос над головой. — Надеюсь мне удалось предотвратить ущерб вашему прекрасному... организму.

Поднимаю глаза и встречаю взгляд ореховых глаз, принадлежащих очень симпатичному блондину с обаятельной улыбкой. Он протягивает мне руку, а я автоматически тяну свою.

— Василий Чуров, очень рад с вами познакомиться, дорогая... — мужчина вопросительно поднял брови.

— Лия... — прошевелила я губами свое имя.

— Лия? Какое редкое имя, но какое красивое! — Василий руку не отпускал, но я сумела вывернуть свою ладонь из его лапищи и отступила ещё на шаг назад. А Василий все улыбался и откровенно меня разглядывал.

— Вась, если ты закончил протокол знакомства, — угрожающе прорычал Пётр Андреевич, — то, давай, гребни в кабинет!

На удивление, Василий тут же зашагал в кабинет, а следом, зыркнув на меня голубыми льдинками, заехал Пётр.

А я осталась растерянно стоять в приемной. Что это было, вообще? С такими стрессами я и неделю не протяну в этом логове. У меня теперь не только руки дрожали, меня ноги еле держали от адреналина, который мой организм выделяет сегодня вёдрами.

В обед я голого мужика на себе тащу, в конце дня на другом верхом сажу! Что это за работа такая у меня?

Вся в растрёпанных чувствах еду домой, хотя по пути немного успокаиваюсь. Дом встречает меня тишиной, отец ещё на работе, а Алёна красоту наводит в новом салоне красоты. Она очень следит за собой, что занимает большую часть её свободного времени.

Есть пока не хочется и я иду к себе, минуя столовую и гостиную. Горячая ванна приводит меня в более спокойное состояние и после я блаженно вытягиваюсь на кровати.

Через час просыпаюсь от хлопка двери во дворе дома. Встаю и выглядываю в окно. — приехал отец и Алёна. Значит можно спускаться к ужину, что я и делаю минут через пятнадцать. Подходя к гостиной, слышу тихий голос отца.

— Не понимаю, как это может повредить тебе?

В ответ раздается фырканье Алёны.

— Андрей, это не мне может навредить, а нам. Ты не просто дядька с завода, у тебя уровень определенный, статус. Репутация, в конце концов.

— И как пострадает репутация, если матери Лии будет оказана качественная медицинская помощь? — в недоумении спрашивает отец. Я остановилась, как вкопанная, вся обратилась в слух.

— Разговоры о том, что ты помогаешь бывшей любовнице... — вещает дальше Алёна.

— Все! Это уже выглядит смешно. Никому нет дела до моих личных дел, не выдумывай. — в голосе отца появилось раздражение.

— Вот видишь? — Алёна с воодушевлением вновь пошла в атаку. — Она уже вносит раздор в нашу семью! Мы спорим, ругаемся!

— Лена, споришь и ругаешься ты. Меня не приплетай к своим фантазиям. — отрезает отец.

— Фантазии? А сотни тысяч на лечение — тоже фантазии? — Алёна не унималась. — Она взрослый человек. Пусть сама обеспечивает свое лечение. Или дочь! Это обязанность её, а не твоя.

— Прекращай эту тему. Я своего решения не изменю. — завершил спор отец.

Мне стало дурно. Ведь Алёна права, я злоупотребляю добротой Андрея Николаевича. Мамино лечение очень дорогое, сами мы бы никогда не смогли оплатить такие суммы, а

он сделал это легко. Но это не значит, что я должна сидеть сложа руки. Мне нужно работать!

Прислонилась спиной к стене и тру лицо руками, пытаюсь понять, что же мне делать. Сегодня я узнавала, сколько платят в компании Петра примерно на таких должностях, как моя. Зарплата меня поразила, это действительно много, хотя и требования высокие.

Мне не бежать через неделю из компании Петровского нужно, а найти способ остаться там и дальше, после возвращения Лены. Четко понимаю, что хочу зарабатывать сама, и не копейки, а действительно хорошие деньги, чтобы никто не мог попрекать меня и маму.

Возвращаюсь в свою комнату, аппетит пропал напрочь. Ложусь в кровать и пытаюсь уговорить себя, что у Петра вполне себе можно работать. Мои мысли прерывает звонок телефона. Увидев имя на экране, я расплываюсь в улыбке. Как же вовремя!

— Люда! Привет! — радостно я воскликнула в трубку.

— Здорово Лийка! Ты так рада меня слышать, что аж подозрительно. — подруга, как обычно, любит пошутить.

— Очень рада, любимая моя Плюха! — не могу не улыбаться и весело восклицать, Люда всегда была в моей жизни самым светлым и добрым другом.

— Как ты там? Как Лидия Петровна?

— Мама очень хорошо! Она уже, ты знаешь, прошла лечение и теперь будет восстанавливаться в санатории. — вздыхаю. — А я работаю с сегодняшнего дня. На неделю или может больше, не знаю...

— Слышу в голосе печаль. Быстро колись! Что случилось? — Люду не обмануть да я и не собиралась, мне наоборот, нужно её мнение, совет, а может и пинок. Я рассказываю о том, что попала на работу к Петру. О том, что он был пациентом, Люда в курсе. Мы с ней уже переписывались после моего приезда, но поговорить смогли только сейчас.

Потом передаю разговор отца и Алёны.

— Я решила работать всерьёз, а не для практики. Вот такие вот дела. — глубоко вздыхаю, испытывая реальное облегчение от того, что смогла кому-то выговориться, поделиться тревогами и страхами. А Люда молчит.

— Люд, ты тут? — взволнованно вопрошаю в трубку, испугавшись, что разговаривала сама с собой всё это время.

— Тут. — коротко отвечает подруга и я облегченно выдыхаю. — Просто пытаюсь вспомнить яды, которые не оставляют следов в теле жертвы.

— Тебе это зачем? — говорю я шоке.

— Отравить Алёну. — коротко и ясно.

— Люда, это не выход, — вновь выдыхаю я.

— Не выход, но как вариант, можно рассмотреть. — уже хихикает Люда, но потом продолжает серьёзно. — Ты не забывай, что Петровский твой отец, ты его плоть и кровь, а Алёна жена, и жены могут меняться. Сегодня одна, через месяц уже, глядишь, другая. А дочь останется дочерью, тем более ты единственная. И Алёна это хорошо понимает. Поэтому забей на эту суку силиконовую и будь дочерью, а не бедной приживалкой. Алёна чувствует, что ты добрая девочка, и давай кровь тебе портить. Зараза!

Я слушаю Люду и мне становится легче. И правда, я как-то ещё не совсем освоилась в роли дочери Андрея Николаевича, до сих пор и отцом ещё его ни разу не назвала, хотя отношения у нас стали более тёплыми, чем вначале.

— Спасибо тебе, Людочка! Я знала, что ты обязательно скажешь самое важное и нужное. — искренне говорю в трубку.

— Всегда пожалуйста! — Люда усмехается, но потом серьёзным голосом продолжает. — Лия, не давай себе думать плохо о самой себе. Звучит как-то не очень, конечно, но зато верно. Петра держи на расстоянии, а то знаем мы... Как девочка красивая и добрая, так сразу ручки свои протягивают...

— Люд, он в инвалидном кресле сейчас! Какие ручки? Да и вообще, я даже и не думала ни о чём таком... — смущённо замолкаю.

— Ага, инвалидное кресло, однако, не помешало ему тебя сегодня пообнимать будучи в

одних трусах! — возмутилась Люда.

— Это случайность...

— Лия, ты очень хорошо думаешь о людях и это прекрасно, но опасно!

— Хорошо, буду думать плохо...

Люда смеётся.

— Не надо плохо, надо реалистично! Вот про работу ты правильно думаешь. Такая возможность у тебя теперь есть — стать самостоятельной. Пользуйся ею. Я благословляю! — опять хихикает.

Люда неисправима.

— Люда, а как ты там поживаешь? А то всё обо мне... — виновато спохватилась я.

— Прекрасно живу! Сегодня на свидание иду. — Люда как-то осеклась.

— На свидание? Как здорово! А я знаю его?

Люда замолчала.

— Люд, в чём дело? — встревожилась я. — Он что, глава мафии и скрывается от закона? — нервно хихикнула.

— Нет, хуже.

— Ты меня пугаешь, Плюха! Говори сейчас же, с кем ты идешь на свидание? — я не на шутку встревожилась.

— Это Лёша.

— Лёша? Какой... Лёша? — до меня начало доходить.

— Твой Леша, Лия. Вернее бывший твой.

— Вы встречаетесь? Это так неожиданно...

— Конечно неожиданно — Плюха и Леша. — слышу в голосе обиду.

— Люда, прости меня, прости! Я ничего не имею против того, чтобы вы встречались, да и не могу иметь. Просто Лёша... Он не такой, как ты... Ты весёлая, живая, добрая, а он... он же... другой... — растерянно замолкаю, боясь обидеть подругу ещё сильнее. Неловко получилось.

Люда молчит, а собираясь мыслями и решаю озвучить их моей драгоценной Плюхе.

— Люда, я повторю твои слова — будь начеку. — говорю уверенно. — Лёша не подарок, а ты подарок. Не давай себя обижать. Вот. — завершаю я многозначительно.

Слышу в трубке тишину, а потом залиvistый смех.

— Меня? Обидеть? — Люда ржёт в голос. — Он не дурак, хотя и лишён некоторой чувствительности к другим, но ко мне с большим уважением относится. Ну или страхом. Пока не знаю. Сегодня постараюсь выяснить. — Люда воодушевленно продолжает. — Лия, но это же он меня на свидание пригласил, а не я его! Значит не так уж он и боится меня. Ладно, посмотрим, что из этого выйдет. В любом случае, попытка не пытка, так ведь?

— Людочка, я тебя люблю! — искренне выдаю подруге. — Лёше повезло, но главное, чтобы он это понимал. А я вас благословляю! — отзеркаливаю Людину шутку.

— Благословлять погоди, я ещё его проверю, а потом решу — нужно мне это всё или тьфу на него. — завершает Люда тему. — А сейчас давай уже досвиданькаться! Мне ещё красоту наводить.

— Счастливо тебе, Плюшка моя. Звони. — кладу трубку и валюсь на кровать.

Минуту смотрю в потолок и решительно встаю, чтобы отправиться на кухню поесть. Да, я не бедная приживалка, я дочь Петровского и хочу поужинать. Тихо в комнате отсиживаться не собираюсь. Мне Люда аппетит вернула, а заодно и уверенность в себе.

Вперёд, Лия!

29. Пётр

Толкнул палкой дверь со всей силы и она громко захлопнулась, очень громко. Вася присвистнул и повернулся ко мне, засовывая руки в карманы брюк, посмотрел на меня с прищуром и засмеялся.

— Опа! — продолжает ржать. — Мальчик злится, мальчик ревнует! — хочется прибить насмешника, но ведь сам его позвал.

— Вась, ты никогда не можешь просто явиться! — меня, идиота, несет. — Всегда у тебя цирк с конями! Что за представление ты устроил сейчас? А?!

Вася перестает смеяться и усаживается на угол стола. Смотрит мне меня сверху вниз. Меня и это раздражает теперь! Когда же я уже встану с этой люльки, мне надоело всем на ширинки смотреть!

— Петр, ты как себя чувствуешь? — слышу неожиданный вопрос, я ждал очередных подколов. С меня сразу схлынуло.

— Нормально. Как видишь, работаю. — отвечаю спокойно.

— Звал по делу? — друг серьезен.

А вот я начинаю улыбаться, смеюсь над собой, над своей реакцией от увиденного в приемной. Моя блестящая идея уже не так блестит, как изначально мне казалось. Да уж, не рой яму другому....

Вася, не дождавшись ответа, пересаживается в кресло.

— Петь, что у тебя с ней? — вопрос конкретнее некуда. Знать бы ответ.

Потираю лицо руками и тяну время.

— Ничего, надеюсь. — говорю кратко.

— Звал для чего? — повторно интересуется друг.

— В принципе для того, что ты сейчас в приемной делал. — друг удивлённо смотрит на меня. — Да, нужно девчонку прощупать.

— Я уже, вроде как... — опять ржет Вася.

— Я заметил, ты всегда был ловок. — вздыхаю и решаю рассказать всё с самого начала. Доверять другу я мог, как сам себе, тут даже тени сомнения не было. Мы с ним ругались, спорили, даже дрались когда-то, но доверяли друг другу стопроцентно.

Вася сейчас был на вольных хлебах, фирму продал, деньги вложил. Но продолжал работать на большие компании по договору, его специализация была специфической, штучной. Что-то между хакером, юристом и шпионом, хотя официально он оказывал услуги аудита.

Друг всегда был против трудовой каторги, восьмичасовой рабочий день не для него, он любил свободу и, в принципе, и живёт сейчас так, свободно. Мы с ним разные, но дружим искренне и давно. Вася внимательно выслушал меня сейчас и сразу выдал своё мнение, без виляний и угодничества.

— Петь, она цыпленок! — я скрипнул зубами на эту фразу, словно меня обвинили в истязании невинной зверушки.

— Я могу, конечно, устроить образцово — показательный концерт, но ты же сам меня на вот эту свою палку и насадишь. — продолжил Вася. — Прошное у девчонки проверено-перепроверено Андреем Николаевичем, ничего нового я не нарою. Ей всего ничего лет и кроме того, что она описалась на уроке в первом классе я ничего не найду.

— Потискал девку и уже в святые записал! — я начал злиться.

— Петь, тебя самого плющит, я же вижу. — друг серьезно на меня посмотрел. — Зачем тебе это извращение? Ну, погуляю я девочку, может и на чего серьезное сподоблюсь. Я сейчас свободен, мне не в тягость, притом, Лия очень милая лапушка. — Вася замурчал, как кот.

— Вась, мне нужно узнать, что она за человек, а не тебя развлечь! Ты можешь это сделать? Без пошлостей и твоих штучек, просто как профессиональное задание, можешь? — я уже вновь злился.

Это уже становится нормой — все, что касается Лии рождает злость. Что за фигня такая?!

Но беру себя руки и пытаюсь объяснить, что мне нужно от друга.

— Лия производит впечатление милой девушки. — Вася многозначительно хмыкает. — Да, я не совсем идиот и понимаю это. Но и ты пойми меня! Она в одночасье стала единственной наследницей очень богатого человека. Пока, я отмечаю, пока, — поднимаю палец вверх, — она не очень понимает, что это такое. Но пройдет немного времени и из нее вылезет настоящее, внутреннее. Понимаешь? Я хочу заранее понять, чего от нее ожидать, а ты как никто другой для этого подходишь!

— Петь, мне это напоминает осложнения после черепно-мозговой травмы. — Вася мрачно шутит. — Лия наследница далеко не единственная. У Андрея Николаевича есть жена законная, ты юридически его сын, теперь и дочь имеется. И Петровский, вроде, помирать не собирается.

— Все так, но я прошу тебя об услуге. Тебе нужно просто ответить согласием или отказом. — смотрю в упор на друга.

Василий хмурится, напряжённо вздыхает и, все же, уверенно кивает.

— Согласен, но только потому, что мне Лию не хочется отдавать на растерзание ещё кому-то. — Вася смотрит с укором. — А ты ведь не успокоишься, найдешь другого упыря для этого дела, я тебя знаю. Упрямый ты, Петя, баран.

— Спасибо за комплимент. — улыбаюсь. — И спасибо, что согласился. Давай начнем с приглашения на ужин. В очень хороший ресторан. Посмотрим, что проснется в нашем цыпленке, после роскоши. Ты умеешь войти в доверие, Вась. Пораспрашивай её, выведи на откровенность.

— Хорошо, сделаю. Но помни, что эту игру ты затеял сам и тебе потом самому разгребать результат. — Вася встаёт и идёт к выходу. — Кинь ее телефон мне. И, главное, постарайся не лезть в процесс. До встречи.

Дверь закрылась и я выдохнул, хотя и не чувствовал себя довольным. Телефон в руке тренькнул. Соня. Она явно считает, что мы помирились, хотя после нашей встречи в спальне я ни разу ей не позвонил. И не собирался этого делать. Но зная Соню, можно быть уверенным, что она всё порешала за двоих.

Я посмотрел на сообщение. Да, так и есть. Спрашивает, когда я еду домой. Хочет увидеться. Нет, я не хочу ее видеть, хотя в последнюю встречу мне было хорошо. Отправляю Соне сообщение, что в ближайшее время занят и поэтому встретиться не получится.

Вот ведь засада! Решил отношения прекратить, потом опять переспал с ней, а теперь нормально отшить не могу. Точно, это из-за травмы головы! Других объяснений не нахожу.

Мой смелый поход на кухню завершился одиноким ужином. Алёны уже не было, а отца встретила на лестнице. Он хотел составить мне компанию, но я отправила его отдыхать. Он выглядел утомленным. На вопрос о первом рабочем дне я ответила уклончиво, своими сомнениями и страхами расстраивать отца не стала.

Мне хотелось назвать Петровского отцом или папой, но в горле появлялся ком, как только я пыталась произнести эти слова. И они застревали, так и не выходя наружу.

Решила себя не насиловать, когда само получится, тогда и хорошо.

Поужинала, позвонила маме и легла спать. Первый трудовой день оказался таким стрессом, что я очень устала и заснула мгновенно.

Утром проснулась до будильника и, лёжа в кровати, пыталась обдумать, что мне делать. Приняла решение, что буду работать эту неделю с усердием, а в конце определюсь с дальнейшим развитием событий. Положусь на собственные ощущения. Смогу дальше быть в компании Петровского — значит останусь, если совсем тошно, то уйти могу в любой момент, мучить себя не стану.

Приняв решение, я немного успокоилась и начала бодренько собираться на работу.

Новый день казался вызовом, но вызывал интерес. Что же меня ждёт сегодня в офисе Петра Андреевича Петровского?

Как оказалось — не что, а кто. Василий. Он сидел на моем рабочем месте, когда я вошла приемную. От неожиданности я даже онемела на пару секунд.

— Доброе утро, Лия Андреевна! — Василий поприветствовал меня, как только увидел.

Я в шоке молчала, подозревая, что неспроста этот Чуров на моем временном рабочем месте расселся.

— Лия, вы по утрам как-то особенно молчаливы. — Василий встал с моего места и подошёл ближе. — У вас все в порядке?

Я отмерла и, обойдя нежданного посетителя, водрузила на свой стол папки с документами, которые захватила у экономистов. Ещё по дороге прилетело задание от Петра и я решила начать его исполнять побыстрее. Сам же Пётр сообщил, что с утра отправился на один из объектов.

— Здравствуйте. — решила я все же поздороваться. — Петра Андреевича сейчас нет. Он должен вернуться не раньше двух часов.

Как бы я не старалась говорить естественно, у меня все равно голос был напряженный. Этот Чуров меня нервировал. Вчера я плохо успела рассмотреть его, пока елозила по нему всем телом. У меня от шока, кажется, даже зрение упало тогда, а сейчас стало понятно — Василий даст фору Петру и в росте и в привлекательности.

Что ж это за напасть такая?! Откуда они все мою несчастную голову...и другие органы. Меня смущает такое пристальное внимание со стороны мужчин, а тем более, если они выглядят настолько хорошо. Понимаю, что это дело привычки и нужно сосредоточиться и общаться как обычно, легко и профессионально, что я и стараюсь делать.

— Что-то нужно передать Петру Андреевичу? — вопрошаю я, вежливо улыбаясь и прямо встречая взгляд собеседника.

Василий смотрит на меня сверху вниз, как великан на лилипута, а глаза добрые-добрые.

— Передать ничего не нужно. Я ему позвоню. — неожиданно разворачивается и уходит.

А я остаюсь стоять с открытым ртом. Что это было? Тряхнув головой, прогоняю это наваждение в виде двухметрового Василия. Всё, у меня дел до возвращения начальника выше крыши, поэтому нужно сосредоточиться на документах.

И точно, ровно до обеда я работаю, практически не отрывая головы от документов, но результат есть — я справилась! По электронной почте пришло подтверждение, что мой отчёт принят!

Окрылённая, я беру в руки загудевший телефон и открываю сообщение.

«Лия, у вас уже наступил законный обед. Разрешите пригласить вас в итальянский ресторан и очень вкусно накормить? Примите это, как извинение за вчерашний инцидент. Василий».

Перечитала ещё раз и ещё. Какая логика? Утром сбежал, едва ли не теряя обувь, сейчас обедом накормить хочет. И почему утром не пригласил? И какие могут быть изменения, если он фактически не виноват, что мы одновременно в дверь пройти пытались? И откуда у Василия мой номер телефона?

Пообедать действительно хочется, но Чуров в качестве компании как-то не очень мне нравится. Хотя я его и не знаю особо, но меня настораживает его внимание. Пару минут ещё сижу, глядя в телефон, а потом пишу ответ.

«Хорошо, давайте пообедаем»

И отправляю! Вот так, пока не передумала. Нечего бегать от знакомств, новых людей, наоборот, нужно общаться, расширять круг знакомых. А то совсем одичаю. Буду на Василие оттачивать навыки, он, по крайней мере, не слишком опасен.

«Жду вас в холле»

Прилетает ответ. Хватаю сумочку и лечу к лифту, пока страх и смущение не победили меня. Василий стоит у стойки охраны и ласково мне улыбается, пока я иду к нему.

— Лия вы меня очень порадовали! — начинает Чуров разговор. — Моя машина у дверей, пойдёмте?

— Хорошо. — киваю головой и чувствую, как Василий легонько берет меня за локоть, и естественно и непринужденно ведет к выходу.

— Я действительно рад, что вы согласились, Лия! Я волновался, что напугал вас вчера. — мужчина открывает дверь переднего пассажирского сиденья и приглашает меня сесть, что я и собираюсь сделать. Но, вдруг, краем глаза вижу, что на нас кто-то смотрит. Оборачиваюсь. Ко входу в офис, с противоположной от нас стороны, в коляске едет Петр и неотрывно смотрит на меня и Чурова.

Замираю, не зная, что предпринять. Странное ощущение — словно меня учительница застала за сбеганием с урока.

— Лия, садись, пожалуйста. — мягко подталкивает Василий. Я вздрагиваю и опускаюсь на сиденье, дверь закрывается. Сквозь переднее окно вижу, как Пётр приближается к Чурову и что-то негромко ему говорит. Негромко, но весьма строго. Василий коротко отвечает, хмурится, потом быстро возвращается к машине и усаживается за руль.

— Что случилось? — встревоженно спрашиваю.

— Петр напомнил, чтобы мы не опаздывали с обеда. Так что, едем! — отвечает Чуров.

Я откидываюсь на спинку сиденья, но напряжение не отпускает. Я вроде ничего противозаконного не сделала, а чувствую себя как мелкий преступник. Мне, вдруг, стало неуютно в шикарном салоне и голод исчез.

31. Пётр

Она садилась в машину к Чурову. Я видел, что Лия замерла на секунду, заметив на меня, но потом все же опустилась на сиденье. Мне нужно было просто зайти в здание, но я не удержался и сказал другу пару наставлений.

Пока я ехал в лифте, убедил себя, что все правильно, что нужно узнать эту девчонку, а лучше Васьки никто не справляется с такими щекотливыми заданиями. Обед посвятил упражнениям, но теперь аккуратнее вел себя в ванной, не хватало только травму ещё одну получить.

Когда до конца перерыва оставалось пять минут, я включил видеонаблюдение приемной на компьютере. Если Лия опаздывать вздумает, то получит от меня нагоняй по полной.

Но Лия не опоздала. Буквально секунда в секунду впорхнула за свой стол и, слегка пригладив рукой волосы, застучала по клавиатуре. Я стиснул зубы от мысли, почему у этой пигалицы растрепались волосы.

Я набрал номер Чурова.

— Что вы делали? — вопрос вырывается раньше, чем я успеваю подумать.

В трубке слышится шум улицы.

— Я в общественном месте и не могу прилюдно такое рассказывать. — издевается в ответ друг.

— Хватит шутить, Вась, у меня нервы не железные!

— Мы ели и разговаривали, Петь. Что ещё мы могли делать? — искренне удивился Вася.

— Лия вся растрепанная явилась. Вы целовались?! — несёт меня.

— На улице ветер. Это его проделки, не мои. — мужчина горестно вздохнул. — Петь, предлагаю прекратить этот эксперимент над живыми людьми. Я утром ушел от неё, решив не делать то, о чем ты просил. Но потом, все таки, пригласил на обед. На невинный обед, черт побери! А ты, мазохист, уже напридумывал себе! Если я продолжу, то ты меня через пару дней просто пристрелишь.

Молчим оба, но трубку не кладём.

— Признай, что Лия тебе нравится и дело пойдет на лад. — продолжил Чуров. — Она нормальная девушка, явно не испорченная, воспитанная и....

— Это ты все за обедом понял? — перебиваю друга.

— Да, понял. — Вася помолчал и продолжил очень серьезным голосом. — Значит так, я тебя предупредить хочу. Если ты не решишься сам на что-нибудь серьезное с Лией, то я отменяю наш договор и буду, так сказать, на общих основаниях за ней ухаживать. Даю тебе десять дней...

— Какие десять дней, Вась? Ты чего удумал? — пыхчу в телефон. — Ты в нее влюбился между борщом и котлетами?

— Нет, перед рассольником, Петь. Надеюсь, ты меня услышал. — в трубке раздался шум мотора. — Эти десять дней я пока не переступаю черту, но потом наш договор теряет силу, а я обретаю свободу. Думай, Петя, думай!

И раздалась короткие гудки. Черт! Что за хрень?

Перевожу взгляд на экран компьютера, там заметна какая-то суета. Конечно, пришла беда — отвориай ворота! Соня собственной персоной. Вижу, что Лия пытается отстоять дверь кабинета и не пускать гостью без доклада. Разговор явно не любезный, Соня, судя по выражению лица, в бешенстве.

Направляю свою коляску к дверям, чтобы предотвратить драку. Нажимаю палкой на ручку и двери распахнулись.

— Соня, здравствуй! — и хмуро смотрю на Лию.

— Петя, ты где персонал набираешь? — гневается гостя. — Эта девица меня не знает, видите ли? И где Леночка, кстати?

Опускаю взгляд и качаю головой, Соня в своем репертуаре. Полна достоинства и вопросов. А Лия стоит молча, только щеки пунцовые горят и глаза огромные блестят. Защитница покоя начальника в действии. Что ж, похвально. Но меня подмывает.

— Лия, постарайся впредь быть внимательнее. Такое поведение недопустимо. — вижу, как сходит краска с щек помощницы. Да, здесь я главный, девочка.

— Заходи, милая! — уже обращаюсь к Соне. Она залетает в кабинет, а я еду следом. И мне очень тошно.

Захлопнулась дверь и я зашипел на Соню.

— Это последний раз, когда ты являешься ко мне на работу! Понятно?

Соня кремень — глазами хлопает, словно я ее не ругаю, а серенаду пою.

— Милый... — томно тянет девушка.

— Соня! Мы с тобой расстались! — непроизвольно сжимаю кулаки, а глазами впиваюсь в девушку напротив. — Навсегда!

А Соня тряхнула головой и недоверчиво фыркнула.

— Расстались, помирились, ничего страшного. Петя, не будь занудой...

Она в одно движение усаживается на подлокотник коляски и наклоняется к моему лицу с явным намерением поцеловать. Я дергаюсь в сторону, но не очень успешно. Губы Сони скользят по щеке и дальше к уху, рождая желание скинуть чертовку на пол. Но я пойман в этом кресле, как мышь в банке, в моем распоряжении немного маневров, а если кто-то уселся на подлокотник, то совсем невозможно двигаться.

— Соня! — глухо рычу ей на ухо. — Ты глухая?! Мы расстались. Слезь с кресла и уходи. Навсегда.

Неожиданно быстро девушка вскакивает и останавливается напротив меня, уперев руки в бока. Я удивленно наблюдаю, как из ласковой кошечки Соня за мгновение превратилась в злобную мегеру.

— Знаешь, а ты полностью оправдываешь свое имя, — выкрикивает девушка, некрасиво кривя губы, — ты вдвойне каменный, Пётр Петровский! Ты просто кусок гранита! Без сердца и чувств, как бы банально это не звучало!

Соня оборачивается и берёт со стола сумочку, а затем обходит меня и направляется к двери. Но перед самой дверью останавливается.

— Ты ведь никогда не нуждался во мне, так ведь? — спрашивает уже тихо.

Я пытаюсь что-то произнести, но в горле сухо, как в пустыне. Соня сказала, что я не чувствую? Что ж, может и так. Только сейчас мне хреново. Это я очень хорошо чувствую! И, всё-таки, выдавливаю из себя слова.

— Соня..., — пытаюсь говорить внятно, что мне нелегко даётся, — Прости...меня.

Девушка оборачивается и смотрит на меня уже без гнева, даже как-то устало.

— Мы были вместе не один день, а только сейчас, впервые, я вижу, что-то человеческое в тебе. — Соня вздыхает и качает головой. — Ты же только работу свою любишь, только она достойна этого. Ты говоришь про акции и слияния так, словно это смысл твоей жизни. Оставляю тебя с ними. Я не могу конкурировать с такими важными для тебя вещами. Будьте счастливы! — уже выкрикивает Соня и быстро выходит из кабинета.

Второй рабочий день, всего второй, а ощущение, что время спрессовалось. Столько событий. Обед с Василием был быстрым, поэтому толком и не ничего не поняла, что и как с этим Чуровым.

Я переживала, что опоздаю с перерыва и нервничала из-за этого, плохо слышала о чем говорит Василий. Ресторан был красивый, обед вкусный, но расслабиться и насладиться едой и обстановкой у меня не получилось.

Чуров завёз меня на работу, пообещав обязательно позвонить. Я даже не особо успела осознать, что встречалась с мужчиной. Потому что в голове был другой мужчина — начальник мой, который обязательно бы меня отчитал за опоздание.

Влетела в приемную в последний момент. Запыхалась, растрепалась и едва успела отдышаться и пригладить волосы, как явилась девушка Петровского. Я это поняла почти сразу, но почему-то не захотела впустить эту нахалку к Петру Андреевичу без доклада.

Думаю, если бы не явился сам начальник, то эта королевишна, наверняка, кинулась в драку. А Пётр усмирил ее одним взглядом, хотя мне стало не по себе, когда они закрыли дверь кабинета.

Я села на свое место и уставилась на дверь. Вот что они там делают? Целуются? Или посерьёзнее? И, самое главное, зачем мне это знать? Не успела, я как следует, себя накрутить, как дверь резко распахнулась и девица быстрым шагом проследовала на выход, даже неудосужив меня взглядом.

Я ожидала, что следом появится Пётр, но дверь оставалась открытой, а никто не выходил, вернее не выезжал. Мне было непонятно, как поступить. Закрывать дверь и заняться своими делами или проверить начальника? Вдруг он опять свалился на пол?

Иду к двери и тихо стучу в уже открытую створку. Тишина. Аккуратно заглядываю внутрь. Не сразу замечаю у окна коляску Петровского. Он сидит со стаканом в руках и смотрит перед собой.

— Вы серьезные лекарства пьёте! Нельзя алкоголь! — воскликнула я, не успев подумать.

Пётр резко поворачивает голову в мою сторону.

— Иди сюда, мать Тереза! — говорит довольно громко.

На ватных ногах подхожу к начальнику, ожидая очередного возмущения тем, что я лезу куда на следует, но Пётр молча протягивает мне стакан. Секунду смотрю на стакан, а потом беру его в руку, при этом, слегка соприкоснувшись пальцами с пальцами Петровского.

— Глотни. — предлагает.

С сомнением смотрю на жидкость в стакане. Коньяк? Он велит мне выпить коньяк?

— Пей! — уже громче.

Делаю несмелый глоток. Сладко и пахнет яблоком, сок обычный. Возвращаю стакан в руку хозяина.

— Очень вкусно, спасибо. — говорю, пряча улыбку.

Мне вдруг стало легко-легко, словно груз с плеч свалился. Не ожидала, что страдающий Пётр вызовет во мне такие чувства. Верно он сказал — мать Тереза. Но без права лезть к людям со своими советами.

— Петр Андреевич, у вас встреча через час на другом конце города. Я и зашла, чтобы

напомнить. — придумываю я причину.

Петровский допивает сок в один глоток и ставит громко ставит стакан на стол.

— Вызови машину и возьми документы в синей папке, Лена все приготовила ещё на прошлой неделе. — Пётр разворачивает коляску и едет к смежной комнате. — Ты со мной едешь. Собирайся!

Вот и узнаю знакомые интонации. А то, было, подумала, что у мистера Хама есть сердце и он собрался страдать после расставания с любимой. Но всё в порядке, Пётру страдать нечем.

Настроение опять вниз ушло. Только я увижу в Петровском что-то человеческое, как он мгновенно все портит. Прячется, как мышь в норку. Нет, не мышь, на нее он не похож. Скорее тигр или волк, вечно рычит и кусается.

— Готова? — мои зоологические мысли прервал голос начальника.

Оборачиваюсь и вижу его уже у двери. Беру в руки папку и сумочку, шагаю следом.

— Какова моя роль на этой встрече? Только папку держать в руках? — спрашиваю Петра, как только двери лифта закрылись.

Петровский поднимает на меня голову.

— Ты папку смотрела? — спрашивает.

— Да. Я успела ознакомиться немного. — отвечаю тихо.

— Вот и хорошо. Значит сможешь по ходу встречи делать пометки. — Пётр отворачивается от меня, но продолжает говорить. — Тополев Сергей. Фото есть в папке. Все его слова, взгляды, ухмылки — твоя работа. — я удивленно поднимаю брови. — Да! Записывай все его реакции, именно, в контексте беседы. Потом отчитаешься, когда вернёмся.

Лифт плавно осел на первом этаже и мы вышли в холл, а затем к парковке. В машине начальник мой сел вместе со мной на заднее сиденье, там было просторнее. А кроме этого, Пётр явно в дороге собрался работать — ноутбук лежал в машине.

— То есть мне шпионить? — обескураженно спросила я, ее только мы уселись.

Петровский сморщился.

— Лия, ты просто удивляешь меня. Тебя просят внимательно фиксировать реакции человека во время переговоров, а не следить за его окнами с подзорной трубой.

— Но вы же сами там будете. И увидите все движения и слова этого Тополева. — не отстаю я.

Петровский вздыхает и уже поворачивается ко мне, смотрит в глаза. Синие льдинки в такой близости даже как-то обжигают. Понимаю, что сейчас начну краснеть — кровь устремились к щекам.

— Там ещё шесть мужчин будет, поэтому даю тебе шпионить только за Тополевым, — улыбается Пётр, щуря голубые глаза, — остальных беру на себя.

— Ага, значит, вы с шестью справитесь можете, а семеро — уже много? — меня уже несёт куда-то, куда — сама не знаю. Людка бы сразу мне сказала, что я флиртую. Но я, пока, не могу себе в этом признаться.

А Петровский это понял. Зрачки расширил и губы в улыбке растянул. Вот же, кот чеширский, тигр, вернее. Слопает он любого и не подавится. Что уж про меня говорить, меня и есть не нужно, я просто от страха копытца отбросить могу.

— Семеро не много. — усмехается тигр. — Но самых важных я всегда беру на себя, а остальные на Лене. Но ты ещё котенок, поэтому даю задание полегче. Понятно?

Котёнок? Я сижу ни жива ни мертва, влезла я в разговор, а теперь сама не рада. Сидим с Петром слишком близко, это меня и нервирует и будоражит. Поэтому оставшийся путь решаю молчать, так безопаснее. Тем более, у меня есть возможность получше изучить синюю папку.

Отворачиваюсь от начальника и углубляюсь в суть встречи, которая предстоит нам через час, но периодически ощущаю кожей щеки, как Пётр сканирует меня своим взглядом, словно ультрафиолетовым лучом.

Боже, что в моей голове? Вернее, как сохранить голову? Ну и все остальное.

33. Лия

Поездка прошла в тишине. Я читала документы, а Петровский уткнулся в ноутбук. Когда машина привезла на место, я с удивлением увидела, что мы оказались в конном клубе. Мне стало интересно, что за встреча такая будет, если она проходит у конюшен.

Однако, я ошиблась, конюшни были далеко, а нас провели в очень дорогой комплекс, состоящий из гостиницы и нескольких ресторанов. Имелись площадки для отдыха на свежем воздухе. Все было продумано — мангалы, беседки, озеленение.

Вокруг росли очень красивые деревья, явно высаженные уже довольно большими, кустарник создавал очень уютные тихие уголки, в которых прятались деревянные скамейки и небольшие верандочки с причудливыми крышами.

Обстановка явно очень дорогая и предназначенная только для взрослых — ни одной детской площадки я не заметила. Пока мы шли по территории я успела заметить большое количество наблюдения и несколько мужчин, словно безмятежно прогуливающиеся по территории. Однако, было заметно, что это охрана, а не отдыхающие.

Пётр ехал на коляске, а я семенила рядом, с папкой под мышкой и с растерянностью в голове. Меня ждало очередное испытание, вновь я оказываюсь среди целого отряда мужчин, что мне, мягко говоря, непривычно. Но уже не так, как вчера, когда совещание было ещё более многочисленным.

Тихонько вздыхаю, глядя на затылок начальника. Он-то ничего не боится, ничего не смущается. Но тут замечаю, что на затылке волосы у Петра взлохмачены, словно он спал и потом не до конца расчесался.

У меня даже настроение опять улучшилось. Пётр сразу стал казаться живым и нормальным человеком, а не идеальным роботом. Пряча улыбку, захожу следом за начальником в здание, словно все состоящее из тёмно-коричневого стекла.

Нас встречает мужчина, который после очень вежливого приветствия провожает в помещение, где будет проходить встреча. Пётр и я пока оказываемся там одни.

— За той дверью туалетные комнаты и небольшая кухонная зона, где всегда есть закуски и напитки на любой вкус. У нас есть минут десять. — обращается ко мне Петровский.

Я радостно киваю и складываю документы на стол. Мне становится комфортнее, спокойнее и я решаюсь помочь Петру привести себя в порядок. Вынимаю расческу и подхожу к нему.

— Петр Андреевич, у вас волосы не в порядке. Вас расчесать или вы сами? — предлагаю, кивая на расчёску в своих руках.

Пётр удивлённо смотрит на меня и проводит рукой по волосам.

— Ладно, поработай стилистом. — отвечает начальник и ловко разворачивается на своей коляске ко мне спиной.

Подхожу ближе и сосредотачиваюсь на волосах Петра. Пару движений расчёской и все почти в порядке, но не совсем, и я, не задумываясь, привожу свободной рукой вслед за расчёской. Ощущаю, что волосы мягкие и гладкие, чувствую тепло от кожи. Провожу рукой ещё раз, и ещё. И, вдруг, мое запястье оказывается в тисках. Пётр перехватил мою руку и развернулся ко мне лицом.

— Лия, — вкрадчиво прогудел Петровский, — я не против продолжить... это. Но после

встречи. — подмигивает мне с хитрой улыбкой и подносит мою руку к своим губам, опалая горячим дыханием ладонь, а потом я ощущаю влажность. Боже мой, он лизнул меня?! Лихорадочно одергиваю руку и, не нахожу ничего лучше, чем сбежать в туалет.

Пока плескаю водой на пылающие щеки, задаюсь вопросом, а не может у меня быть инфаркта от такой тахикардии? Сердце колотится с бешеной скоростью и таким грохотом, что я ощущаю удары во всем теле.

И это второй день работы с Петровским. Только второй...

И этот день пролетел довольно быстро. Встреча в конном клубе прошла мирно, я сделала то, о чём просил Петр, хотя ничего подозрительного или важного я не заметила. Но всё записала и была готова отчитаться о проделанной работе, однако Пётр не торопился меня спрашивать. А я ещё от поцелуя в ладонь не отошла и поэтому молчала все время.

Вместо того, чтобы ехать в офис мы оказались в ресторане.

— Поедим хоть нормально. — немногословно объяснил Петровский.

К моему удивлению, заведение было совсем не пафосным. Скромное убранство в сельском стиле, тихая инструментальная музыка и никаких признаков, что здесь ужинают богатые и знаменитые.

— Здесь лучшая кухня для тех, кто любит иногда вспомнить, что на свете существуют пельмени, — поясняет мне начальник, листая меню, — и вареники тоже. — улыбается, глядя на меня.

Я ошарашенно уставилась на Петровского. Мне кажется, что он ест только здоровую еду, на работе у него есть блендер для коктейлей и смузи, и он ими явно пользуется, а не для красоты поставил.

— Тебе сколько? — слышу вопрос.

— Чего сколько? — непонимающе спрашиваю.

— Пельменей и вареников. — просто отвечает мой странный начальник.

Я опускаю взгляд на меню, пытаюсь разглядеть в большом списке еды то, что мне более менее знакомо. Оказалось, что знакомо всё. Борщи, супы, тушёный картофель, капуста, бочковые огурцы и помидоры и, конечно, множество видов пельменей и вареников.

— Вы такое едите? — спрашиваю мужчину напротив, который просто сидит и с улыбкой за мной наблюдает, чем очень меня нервирует.

— Еще как! — смеясь, отвечает. — Не ежедневно, но иногда — с огромным удовольствием.

В этот момент подходит официант и Петровский произносит список того, что нужно приготовить. И весьма разнообразный.

— У тебя есть пожелания? Или выберешь из того, что я заказал? Это самое вкусное, поверь. — улыбается искуситель напротив.

— Хорошо. — я согласно киваю головой, соглашаясь со списком, которым можно накормить пятерых шахтеров после смены, а таких, как я, наверное, месяц питать можно.

Повисает неловкое молчание, вернее, неловкость испытываю только я, а Пётр вполне комфортно себя чувствует. Сидит и меня рассматривает.

— У меня нос в чернилах? — не выдерживаю я, упираясь взглядом в голубые глаза напротив, в которых сейчас плескаются смешинки.

— Лия, мне не нужны чернила, чтобы заметить, как красива моя новая помощница. — и снова молчит и смотрит, но теперь он может любоваться не только моим носом, но и алеющими щеками. И в момент пика смущения я слышу мелодию звонка моего телефона.

Ура, есть возможность отвлечься от этого сканирования начальником!

34. Пётр

Она прекрасна. Сейчас, когда никто мне не мешает сосредоточиться на Лие, я вновь убеждаюсь — она красавица. Внутри меня, конечно, есть червячок сомнения, без него я никогда не бываю, поскольку доверять можно только себе. А мой личный опыт говорит о том, что красавица обычно бывает с гнилью внутри. Особенно, если девушка не очень богата.

Именно красоту и свежесть продают в первую очередь, так как товар это скоропортящийся, и подлежит реализации, как можно быстрее. А Лие лет не так уж много. И сейчас она дочь богатого отца. Счастливое совпадение сделало ее очень привлекательным объектом для разного рода прилипал.

Она пока не успела полностью оценить минусы своего положения, только в плюсах сейчас купается. Жизнь её теперь не сравнить с тем существованием, которое она вела в том городишке.

Пока Лия отвечает на звонок мобильного, я пытаюсь немного разбавить напряжение внутри, которое теперь постоянно появляется, когда эта девушка слишком близко ко мне находится.

Я слышу, что Лия общается с отцом, с Петровским. И непроизвольно засматриваюсь на эту картину — глаза девушки сияют, лицо розовеет, грудь вздымается от волнения. Искренняя, милая, заботливая, но в тоже время смелая, даже если страшно.

И у меня десять дней. Вася не шутил, я знаю его, он в стойку сделал. Ему не составит труда соблазнить Лию — это мне тоже понятно, как белый день. Продолжаю смотреть, как моя помощница ласково прощается с отцом. Хорошенькая до невозможности, естественная сейчас полностью, так как вся в чувствах и о том, как выглядит со стороны, и не думает, волновалась, общаясь с Петровским.

В этот момент всплывает мысль — Света была бы сейчас такой же красивой? Тяжело вздыхаю и опускаю взгляд к тарелке, принесли заказанные блюда, и я пытаюсь остановить волну воспоминаний. Все давно прошло, ничего не вернуть. Мой гнев, злость, обида давно растаяли, смыты временем и жизненным опытом.

Отца я простил, мать понял, живу и работаю в свое удовольствие. Ну, чего мне не хватает? Чего я квашусь, глядя на эту молодую красавицу? Такие косяками ходят в любом клубе, только выбирай.

А я именно на эту реагирую, именно она меня волнует. Что ж, значит нужно волнение снять, успокоиться. У меня есть десять дней. Вася, сам того не понимая, помог мне, разбудил во мне азарт. Посмотрим, кто будет первым, посмотрим!

— Как отец? — спрашиваю Лию, когда она отложила телефон.

— Хорошо. Едет домой. — коротко улыбнулась девушка напротив. — Интересовался, где я сейчас.

— После ужина я тебя довезу до дома, не переживай.

— Я на переживаю. — выпустила колючки моя помощница. — Водитель отца ждёт меня у офиса. Но спасибо за предложение подвезти. — а теперь Лия играет в вежливую девочку.

Официант полностью сервирует стол и мы какое-то время молча едим, отдавая должное пельменям и вареникам. Вкусно!

— Как себя чувствует твоя мама? — Лия поднимает глаза от тарелки и смотрит недоверчиво.

— Она в санатории сейчас и чувствует себя хорошо. — слышу сухой ответ.

— Ты к ней на выходных собираешься?

— Да.

Лия не хочет участвовать в беседе, отвечает односложно, хмурится, жуёт вареник и опять хмурится. Решаю не форсировать события, завтра будет новый день, новые силы. Врач мне разрешил ходить с тростью и я собираюсь хорошенько отдохнуть, чтобы завтра быть во всеоружии.

Ужинаем и едем в офис. Лия сразу пересаживается в машину к водителю своего отца, а я отправляюсь к себе. И, впервые за несколько лет, я с нетерпением ожидаю не только новый рабочий день, но и встречу со своей помощницей, с Лией.

Я ехала домой и думала о своём начальнике. За два дня я успела увидеть его и жёстким руководителем, непримиримым деспотом, и вполне адекватным человеком. Человеком, который любит... пельмени.

Как, один и тот же человек, может вызывать жуткий гнев, раздражение и одновременно привлекать, едва только показывает нормальные человеческие качества? За ужином я и задавалась этим вопросом, поскольку Пётр был в этот момент обычным мужчиной, который любит вкусную еду.

Это меня озадачивало, смущало, поэтому поддержать беседу я не смогла. А Пётр явно хотел со мной пообщаться. Его взгляд был заинтересованным, но не так, когда он меня рассматривал, например, при знакомстве в доме его матери. Сегодня Петровский словно увидел, что я состою не только из груди и попы.

Я живу в реальном мире и понимаю, что Пётр имеет немалый мужской опыт и аппетит, и ничего удивительного в этом нет. Его темперамент виден в каждом взгляде, движении. И я должна признать, что меня завораживает сила и уверенность этого мужчины.

И одновременно пугает, поскольку это неизведанная территория и не моя весовая категория. А вот простой весёлый парень, с лёгким характером — это для меня. Глядя на мелькающие огни дороги, я пыталась представить такого, а вместо него всплывало лицо моего начальника. Вот ведь, въелся в мозг!

Дом меня встретил тишиной. Отец написал, что уехал с Алёной в ресторан. Он перед этим спрашивал об этом ужине, меня звал, но я совершенно не хотела мешать этому романтическому вечеру. Алёна точно не обрадуется моему присутствию, что вполне взаимно.

Спать легла рано, но даже во сне мне являлся образ высокого синеглазого мужчины, который звал меня куда-то, тянул ко мне руку, но я не могла сдвинуться с места и образ таял в воздухе.

Следующий день я провела на работе без Петровского. Утром он позвонил и сообщил, что уехал срочно на помощь Каретникову. Подробнее объяснять не стал, но, судя по голосу, Каретникову жить оставалось недолго.

Я обрадовалась небольшой передышке для своих нервов и чувств. Петровский занимает последние дни слишком много места в моей голове, поэтому сегодня я решила заполнить себя работой по полной программе.

Благо, что начальник выслал на почту километровый список дел для меня, чтобы я не скучала. Так и написал: «Не скучай!». Я показала язык этому письму и, можно сказать, засучила рукава, собираясь сегодня совершить настоящий трудовой подвиг.

Тренькнул телефон. Писал Василий, приглашал вечером на ужин, извинялся, что не может позвонить, так как находится на совещании. Я задумалась. Зачем мне он? Для чего? Ответ решила написать через час.

Я начала разгребать кучу заданий начальника и так увлеклась, что прошёл не час, а целых три. И меня от работы отвлекла открывающаяся дверь. На пороге приемной стоял Василий.

— День добрый! — радостно проговорил мужчина. — Я решил, что мобильная связь не так надёжна, как личное общение. Вы поужинаете со мной, Лия?

Я сидела с расширенными от удивления глазами, не ожидала я, что Чуров явится ко мне лично.

— Здравствуйте! — поприветствовала я неожиданного гостя, который продолжал стоять в дверях и рассматривать меня с высоты своего немаленького роста. — Вы так и будете стоять? — не выдержала я такого пристального внимания.

— Так и буду, пока не услышу ответ на свой вопрос. Вы поужинаете со мной, Лия? — упорствовал Василий.

— Вы всегда такой настойчивый?

— Нет. Только с вами. — ловко льстит мужчина, хотя смотрит очень по-доброму, явно хочет, чтобы я согласилась.

— Хорошо, давайте поужинаем сегодня. — соглашаюсь я. — Я освобожусь в шесть.

— Так Петра сегодня нет! Можно и пораньше уйти, так ведь? — Василий пытается склонить меня сбежать с работы.

— Нельзя уйти раньше, у меня работы точно до конца рабочего дня хватит, ни минутой меньше. — вещаю я, глядя на Чурова снизу вверх, — А если мы с вами ещё минут десять побеседуем, то...

— То мы не успеем на ужин. Я понял. — Василий в два шага оказывается возле моего стола и я не успеваю даже понять, как моя рука оказывается в большущей лапе этого настойчивого красавца. Только почувствовала ладонью горячие губы. Он меня поцеловал в ладонь! Они с Петровским сговорились что-ли?

Только я собралась возмутиться, как рука моя оказалась совершенно свободной, а шустрый кавалер опять стоял на пороге, уже собираясь покинуть приёмную.

— Ровно в шесть буду ждать в холле. До встречи, Лия! — Чуров исчез за дверью.

А я продолжала смотреть в опустевший дверной проем, не до конца понимая — был ли Чуров здесь или мне привиделось?

На телефоне высветился номер начальника. У него словно чутье на такие моменты, обязательно появится поблизости или позвонит. Вздыхаю и беру трубку.

— Почему так долго? — басит в ухо.

— И вам день добрый, Пётр Андреевич. — язвлю.

— Чуров приходил?

— Вы следите за мной? — до меня начинает доходить.

— Лия, у тебя дел на неделю вперёд, поэтому рабочее время на ерунду тратить запрещаю! — в трубке шумит и слышно хуже. — А в выходные ничего не планируй, будет презентация в отеле, а по сути, прием в честь завершения строительства. Ты обязана быть там. Подробности...

Связь прервалась. Зачем я нужна на приёме? Помогать разносить напитки?

36. Лия

Конец рабочего дня наступил быстро и я с чувством полного удовлетворения выключила компьютер. Сегодня я переделала кучу дел, чему во многом способствовало отсутствие начальника.

Пока я наводила порядок на своём рабочем месте, Василий прислал сообщение, что он уже приехал.

И вот я еду в лифте и думаю о сегодняшнем свидании. Волнения нет, что странно, ведь Чуров мужчина очень видный, если не сказать шикарный. Когда он меня поймал в дверях, я в шоке была и не очень поняла, как реагировать на его прикосновения. Вернее, меня немного напугало, что незнакомый мужчина так крепко меня обнимает.

А теперь он хочет со мной поужинать, пообщаться. Что дальше, я думать пока не буду. Хотя интуиция моя подсказывает мне, что я чего-то не знаю или что-то упускаю, слишком уж внезапный интерес ко мне. Может быть я просто не привыкла к такому активному вниманию мужчин и поэтому вижу подвох?

Не буду себя накручивать. Пообщаюсь Василием и посмотрю, как и что будет развиваться.

— Лия, рад вас видеть снова! — воркует Чуров, открывая дверь машины.

Смущённо улыбаюсь и замечаю, что на нас смотрит несколько человек из офиса Петровского. Вот тебе и деловые люди. Тоже не прочь посмотреть на чужую личную жизнь и посплетничать.

Я пока особо не вошла в коллектив и знакома поверхностно с теми, кто работает у Петра, но девочки из бухгалтерии успели расспросить меня, кто я и как попала на работу помощницей. На время отпуска Лену заменяла одна из тех, кто спрашивал меня, поэтому допрашивала она вежливо, но весьма дотошно.

— Лия, как вы относитесь к тому, чтобы мы общались на ты? — спросил Василий, как только мы отъехали от офиса. Чуров на секунду повернулся ко мне и лучезарно улыбнулся.

— Мне пока удобнее общаться на вы. — отвечаю правду, так как я не хочу заставлять себя, спешить.

Василий приподнял брови, вероятно, так выражая удивление. Хмыкнул и сжал руль. Да, Василий, каким бы неотразимым вы себя не ощущали, я не ваша фанатка, и отвечать согласием на любое предложение не буду.

— Вы удивительная, Лия! — мужчина усмехнулся. — Сейчас девушки ловкие, сразу видят, кто перед ними, — я возмущенно посмотрела на Василия, — и используют шанс...

— Я тоже использую, когда вы не за рулём будете. — тихо проговорила я, просто закипая от гнева. — Мне только непонятно, зачем вы меня на ужин позвали, а?

— Чтобы поесть.

— Без меня поесть не могли?

— Нет, Лия, не мог. — мы припарковавшись у ресторана и Чуров потянулся ко мне, чтобы отцепить ремень безопасности.

— Уберите руки! — шиплю я. — Сама способна это сделать, а также вызвать такси. Ужинать вам придется одному. — пытаюсь открыть дверь.

— Пойдите, Лия! — мужчина хватается меня за руку. — Простите меня, я действительно сморозил глупость!

Чуром смотрит мне в глаза с явным сожалением, хотя я уже поняла, как ловко люди могут играть нужные эмоции, если это выгодно. Я отпускаю ручку двери, одновременно выдергивая руку из захвата.

— Мне не хотелось с вами ужинать и я зря согласилась. — говорю, глядя на этого красавца с самомнением размером с грузовой вагон поезда.

— Мне очень жаль, Лия! Простите меня на первый раз. — заглядывает в глаза. — И последний! Обещаю.

Моя злость как-то улеглась и я почувствовала себя неуютно, словно обижу человека, если уйду. Что ж, я даю Василию шанс на реабилитацию.

И на удивление ужин прошел прекрасно, я получила настоящее удовольствие от общения. Мне даже стало казаться, что эта фраза в машине мне просто послышалась. Вася был сама любезность и, в тоже время, с ним было легко общаться, он умело шутил, без напряжения Он не рисовался, не строил из себя что-то, мне нравилось его слушать.

Про себя я ничего особенного и не рассказывала, привыкла осторожничать и в этот раз вела себя сдержанно, хотя в некоторые моменты довольно громко смеялась над шутками Василия.

Честно говоря, я отдохнула, расслабилась в этот вечер, который начался не очень приятно, но закончился прекрасно. Василий меня отвёз домой и даже не попытался прикоснуться, пока я отстегивала ремень и выходила из машины. Только смотрел на меня как-то слишком изучающе, словно только увидел меня по-настоящему и теперь пытался разглядеть получше.

— В эту субботу вы свободны, Лия? — мужчина остановился в шаге от меня.

— Во-первых, спасибо вам за действительно прекрасный вечер. Мне понравилось. — кавалер мой разулыбался. — А во — вторых, в субботу я занята.

— Заняты? — Василий перестал улыбаться.

— Утром я еду к маме, а во второй половине дня я должна быть на приёме, по работе.

— Прием? Это компания организует?

— Да.

— Понятно. — Василий хмурится. — Лия, а давайте я вас к маме отвезу? Если уж вечером я не смогу вас увидеть, то не откажите мне в удовольствии побыть вашим личным водителем утром. — мужчина вопросительно смотрит мне в глаза.

Мне неловко согласиться, но и отказать трудно. Чуров, конечно, умеет обаять, оказывается, я не в состоянии долго на него злиться или резко отказываться от его предложений. Я глубоко вздохнула и кивнула.

— Хорошо. Побудьте водителем.

— Рассказывайте, куда нам ехать, чтобы рассчитать время. — с воодушевлением говорит Василий.

Я рассказываю, где находится санаторий мамы и во сколько нам нужно выехать, чтобы я не опоздала на приём и Василий уезжает. А я чувствую себя так странно, что и не знаю, как это воспринимать. С одной стороны Чурову не очень доверяю, а с другой общаться с ним, оказывается, легко.

Вспомнила о Петре и настроение непонятным образом упало. Где он там? Как? Не свалился ли в гостиничном номере, поскользнувшись в ванной на кафеле?

37. Пётр

Хуже, чем эта поездка, было только очнуться в реанимации после аварии. За свой порыв отправить Каретникова в эту командировку я расплатился собственным временем и нервными клетками. Парень не накосячил особо, он просто не был готов к общению с этими акулами, которые должны были стать будущими партнерами. Что ж, я сам виноват, сам и страдаю.

Только оказавшись в инвалидном кресле, я понял, насколько тяжело существовать в этом мире людям, которые не могут ходить как и все. И это ещё хорошо, что у меня кресло современное, лёгкое, мобильное, а ведь большинство пользуются громоздкими неповоротливыми махинами.

Пандусы есть, мягко говоря, не везде, про подъемники вообще молчу. Мне ещё повезло, что именно в день отъезда мне разрешено было ходить с тростью, не весь день, но несколько часов, не торопясь, можно. Я ходил, конечно, но долго на ногах я пока не мог быть. Кресло выручало.

Я порешал основные рабочие вопросы, а потом простимулировал Каретникова так, что он надолго получил мотивацию для активной и плодотворной работы. Очень на это надеюсь, так как парень весьма перспективный, но характер пока вихляет, продавливается. Посмотрим, как вырулит он на договор, с чем вернется через пару деньков.

Я планировал обернуться одним днем и мне это удалось, хотя устал очень, но всё же смог до работы доехать, это было по пути из аэропорта. Рабочий день закончился и я оказался единственным человеком в офисе. Коридоры встретили меня непривычной тишиной. В приемной было тоже тихо. Понятно, что Лия уже уехала, но меня интересовало с кем и куда.

Ощущаю себя каким-то маньяком, сидя за компом и пересматривая видео с камер за сегодняшний день, но ничего с собой поделывать не могу. Смотрю на скорости и уже через пару минут замечаю, что привычная картинка, где моя пчёлка Лия, не покладая лапок корпит над документами, оживляется посетителем в дверях.

Васька явился. Но быстро свалил. Интересно, что это был за визит на две минуты? Зачем? Всегда Чуров отличался оригинальным подходом ко всему, мыслил и поступал нестандартно, вот с Лией, похоже, разыгрывает особый спектакль. А я как идиот смотрю его, спектакль этот.

Мои невеселые мысли прерывает шум в приемной. Шуршание, шаги и дверь в мой кабинет тихо открывается.

Света в кабинете я не включил и, теперь, оказался сидящим в темном углу, монитор я выключил. Дверь открывается полностью. Яркий свет из приемной не даёт мне узнать, кто это — вижу только темный силуэт. Меня, вероятно, гостю тоже не видно. Но, судя по всему, мой гость — женщина. Она сделала пару шагов моем направлении.

— Я вам не помешаю? — говорю негромко и вижу, как дернулась тёмная фигура.

Щелкаю выключателем на столе и кабинет заливают яркий свет. На полпути ко мне стоит женщина.

— Кира? — удивленно восклицаю я. — Ты зачем здесь?

Девушка замерла с открытым ртом и круглыми глазами. В шоке, значит, моя поздняя гостья. Кира заменяла Лену, мою помощницу, во время отпусков. А я своим уставшим

мозгом начинаю осознавать, что у Киры есть возможность заходить в мой кабинет в нерабочее время.

— Вызвать охрану? А потом полицию для оформления взлома? — громко спрашиваю. — Или мне расскажешь, что здесь забыла?

Вижу, как Кира сглатывает, пытаясь прийти в себя.

— Петр Андреевич... я к вам шла... — просипела девушка.

— Ко мне? Интересно. — я встаю с кресла, чем привожу Киру в ещё большее изумление. — Я вроде тебе встречу не назначал?

— Увидела, что вы приехали...

— С подзорной трубой на крыше сидела? И для этого осталась после окончания рабочего дня? — уже хочется узнать правду и прекратить этот допрос.

Девушка опустила голову и молчит. Я медленно обхожу ее по кругу, осматривая и пытаюсь дождаться ответа на свои вопросы. И замечаю в руке Киры конверт.

— Что это?

Кира зажимает бумагу в кулаке.

— Это... личное...

— Личное? И вы мне это принесли? — сажусь вновь в кресло. — Кира, дайте сюда конверт!

Девушка вздрагивает от моего окрика и, слегка помявшись, все же протягивает мне требуемое. Развернув лист, пробегаю его глазами, потом ещё раз. Что за бред? Любовное письмо? Выдыхаю и оторопело смотрю на Киру, словно вижу её впервые. За последние годы она работала рядом со мной от силы пару месяцев, ни разу не замечал никакого интереса с её стороны. Хотя... Был один инцидент на новогоднем корпоративе, где Кира пыталась меня обнять и поцеловать, но я списал всё на вино, которым она явно злоупотребила. Вот оно как! Дело-то не в вине.

— Насколько я понял, это записка предназначена мне. — убираю листок в карман. — Пусть она у меня и останется. А тебя, Кира, прошу забыть об этом вечере раз и навсегда, чтобы иметь возможность и дальше работать в моей фирме. Я ясно объяснил?

Девушка подняла заплаканное лицо и посмотрела на меня. Сейчас мне было её жаль, но показывать этого нельзя, иначе ещё больше всё запутается в этой симпатичной головенке. Пусть разозлится, обидится на меня — это лучшее средство от таких вот ситуаций, опыт у меня в этом имеется.

Кира кивает и, резко развернувшись на каблучках, вылетает из кабинета. А я облокачиваюсь на стол, обхватив голову руками. Как же я устал! Но мой неугомонный мозг вновь поднимает самый актуальный вопрос: «Где сейчас Лия?».

— Через десять минут жду у себя с докладом о результатах вчерашнего дня. И есть новые задачи. — услышала я вместо доброго утра от начальника, который, похоже, ждал меня, стоя в дверях кабинета.

Сказал и тут же ушел к себе. Я даже не сразу осознала, что он стоял, а не сидел в кресле. И даже без трости! Значит Петру лучше и он уже может передвигаться на ногах. Я вроде и порадовалась, но и растерялась немного — от его роста, от того, как он сверху смотрел на меня. Не очень приятно, когда чувствуешь себя мелкой букашкой перед великаном.

Беру несколько документов, почту и, держа в уме пару вопросов по поводу приёма, иду логово, вернее в кабинет Петровского.

Отчёт мой занимает пару минут, потом я сообщаю информацию от вчерашних внеплановых посетителей и уже жду новых заданий, сидя на стуле напротив начальника.

— Как вчера вечер провела? — раздаётся неожиданный вопрос.

Я смотрю на Петра и лихорадочно принимаю решение о том, что ответить. Помню я, как реагировал мой начальник на Василия рядом со мной. Вдруг, опять гром и молнии будут?

Пока я мысленно мечусь в поисках лучшего ответа на вопрос, Пётр встаёт из-за стола, подходит ко мне и становится сзади. Стоит Пётр очень близко, так как я ощущаю спиной тепло.

— Так как, Лия? — мужчина наклоняется и повторяет вопрос прямо мне на ухо. — Чем занималась? — голос становится с хрипотцой и ниже. — С кем? — чувствую прикосновение к уху, затем ниже, к шее.

Я не дышу и не шевелюсь, как мышь, которая оказалась прямо перед носом у кошки. Мое сердце бухает в груди так сильно, что это наверняка слышно даже в приемной.

Пару секунд я остаюсь в этом замедленном кино, где мой начальник целует меня в ухо и шею, одурманивает меня своим горячим дыханием и шепчет, шепчет моё имя.

Отмираю я в тот момент, когда раздаётся резкий звук телефонного звонка. Меня словно окатывает холодной водой, я вскакиваю, отталкивая Петра и, не глядя на него, быстро собираю документы со стола и просто вылетаю из кабинета.

Петровского я видела только краем глаза. Он молча стоял и наблюдал за мной, не делая попыток удержать меня или взять в руки телефон, который продолжал наигрывать бодрую мелодию.

Пришла в себя я только в приемной. Села на своё место и попыталась осознать, что случилось. Петровский уже второй раз меня целует. Старается соблазнить? Но это не самый главный вопрос, мне важно понять, что чувствую я. И меня пугает ответ, очень.

Вчера с Василием я провела целый вечер и не испытала и одного процента того, что происходит со мной рядом с моим начальником. И мне уже пора честно признать, что Пётр мне нравится. Как можно одновременно злиться на человека и тут же наслаждаться его прикосновениями?

У меня горит ухо, щека и шея, а в животе порхает стая известных насекомых, некоторые из которых уже поселились и в голове, напрочь выселив здравомыслие.

Пытаюсь открыть электронную почту и понимаю, что руки трясутся. Что мне делать? Работать дальше я хочу, но вот смогу ли — это вопрос.

Часа два я спокойно делала дела, немного остыв от утренних событий. Потом зашёл отец и позвал меня пообедать вместе. Я очень обрадовалась, так как последние дни нас совсем развели в разные стороны, а мы собирались узнать друг друга, общаться.

Алёна тоже приложила руку к тому, чтобы мы с отцом не виделись, а потом моя работа и вот так и пролетела неделя за неделей. С отцом мы договорились встретиться в ресторане, который находится прямо в здании офиса, там же, кстати, и прием в выходные будет.

Как только отец ушел, открылась дверь кабинета. Петровский вышел уже с тростью и сделал пару шагов к моему столу, хмурый синий взгляд остановился на моем лице, опять вызывая волну жара, которая сразу осела на щеках в виде яркого румянца. Предательское смущение!

— Лия, после обеда едем на объект. — глухо проговорил Петровский.

— Едем? — я не сразу поняла про кого речь. — в смысле... я с вами еду?

Пётр подошёл ещё ближе и я вжалась в спинку стула, пытаюсь сохранить хоть какую-то дистанцию и не чувствовать волны, ауры, не знаю, как это назвать! Запах свежей туалетной воды, тепло тела, высокий рост, ширина плеч — все это невозможно игнорировать. Все это делает со мной что-то непонятное, но волнующее.

И такое со мной впервые. Я всегда могла собой владеть, но, вероятно, потому, что не было у меня таких вот начальников. Пётр ещё едва на меня посмотрел, а у меня мурашки. Умом понимаю, что нельзя Петру поддаваться, нельзя думать, что он способен на что-то, кроме физиологии, по крайней мере, по отношению ко мне.

— Да, Лия, мы едем вместе. — мужчина отводит взгляд, но продолжает стоять передо мной. — В два часа будьте на рабочем месте, нужно собрать необходимые документы.

А потом начальник мой тихо разворачивается и, припадая на трость, идёт в кабинет. Мне заметно, что ходьба Петровскому стоит немалых усилий, а вчерашняя поездка отразилась на лице темными кругами под глазами. Он выглядит усталым.

В этот момент я вспомнила, как стояла перед Петром в реанимации, когда он очнулся. Кажется, что все это было так давно, так много всего произошло с того времени. Тогда он меня напугал, неприятно удивил грубостью, а сейчас я вижу, как он хромает и мое мягкое женское сердце готово простить всё. Нет, так нельзя, не поддавайся, Лия!

И сама же смеюсь над собой. Поздно, Лия, поздно.

39. Пётр

Брать Лию с собой было необязательно, но я реально боялся оставлять её одну. Так и мерещилось, как Васька крадётся в приемную, чтобы продолжить то, о чем его сам и попросил. Ссориться с ним я не собирался и поэтому решил использовать другой маневр — минимизировать им возможность общения.

Я подошёл к большому окну своего кабинета, мне всегда нравилось смотреть на город сверху, я чувствовал себя сильным, уверенным в своих силах, уверенным в том, что я делаю. Ради своей работы я жертвовал многим. Жертвовал? Нет, это совсем не так.

Работа была источником жизни для меня, радость от достижений новых рубежей вселяла в меня море энергии, поэтому ни о каких жертвах не было речи.

Но всё изменилось и, не признавать это, было бы с моей стороны глупо. Авария, похоже, расколола мою жизнь на до и после. Я всегда был здоров, сил было без меры, казалось, что мне всё по плечу и достижение любой цели — только вопрос времени.

Физическая немощь, надо признать, очень отразилась на моем психическом состоянии. Я стал более злым и раздражительным, хотя меня можно назвать счастливчиком, так как восстанавливался быстро. Сейчас уже хожу сам, хоть и с палкой, но мог ведь и совсем инвалидом остаться.

Но мой вынужденный больничный отпуск предоставил мне много времени для раздумий. Лежал я и представлял, что если на этом всё? Не будет прежнего Петровского? Кому будет до меня дело, кроме матери и отца? Чего я буду стоить, как мужчина? Смогу ли иметь хоть какую личную жизнь?

Слава Богу, что врачи меня практически вернули в прежнее состояние, но червячок сомнения остался. Купить я могу что угодно, но это перестало меня греть, словно деньги стали не такими заманчивыми, хотя их важность для меня неизменна.

Трясу головой, пытаюсь вернуться в нормальное рабочее состояние и сажусь за стол, включаю монитор, до двух часов у меня есть чем заняться. Но палец сам тянется, чтобы нажать на просмотр камер приемной. Лия собирается уходить на обед. Я прилагаю усилие для того, чтобы не пуститься следом за помощницей и узнать, куда она пошла. Но сдерживаю себя, я итак уже ощущаю себя каким-то недоманьяком, который следит за собственной сотрудницей. Всё, хватит, Петя, успокойся и работай.

Время пролетело быстро и меня отвлек от работы стук в дверь.

— Да, войдите! — отвечаю на стук.

На пороге Лия и я смотрю на часы. Надо же, час пролетел!

— Петр Андреевич, что нужно брать с собой, кроме обычного набора документов? Они готовы. — не помощница, а само смирение.

Я встаю и, опираясь на трость, выползаю из-за стола.

— Возьми эти две папки, — указываю на свой стол, — и планшет. Там есть все, что нужно. Это удобнее — меньше таскать бумаг с собой.

Наблюдаю, как Лия тут же исполняет указание. Голову склонила, но я видел, как она губу закусил, когда я с тростью у стола ковырялся. Жалостливая моя. Это хорошо, я запомню. Замечаю, что теперь, когда я могу передвигаться в полный рост, Лию смущает, когда нахожусь слишком близко к ней.

Собрав документы, двигаемся в сторону лифта. На полпути нам встречается Катерина,

сотрудница отдела кадров.

— Петр Андреевич, вы уезжаете? — девушка хмурится.

— Да. Что случилось?

— Пока ничего, но мне нужно с вами поговорить. Когда можно? — нетерпеливо говорит Катя.

— Если ничего не случилось, значит жду тебя завтра с утра. — спокойно иду дальше, тем более, процесс ходьбы теперь требует немало внимания.

Стоим с Лией у лифта, она смотрит перед собой, в мою сторону ни взгляда. А я наглым образом рассматриваю тонкий профиль девушки и наслаждаюсь процессом дыхания Лии — грудь поднимается и опускается, поднимается и опускается. Звонок лифта выводит меня из транса и я отрываю взгляд от помощницы и делаю шаг к подъехавшей кабине. Лия идёт следом и мы оказываемся в замкнутом пространстве.

Теперь мы оба смотрим на табло, где меняются цифры, отмеряя этажи. Нас, как обычно, плавно несёт к земле, но вдруг лифт словно натывается на груды камней и сначала раздаётся жуткий скрежет, а в следующую секунду гаснет свет.

Я успеваю лишь инстинктивно согнуть ноги в коленях и ухватится рукой за поручни, а Лия от удара отшатывается в мою сторону и, фактически, врезается в меня, после чего мы в обнимку приземляемся на пол.

Сегодня время спрессовано, словно минуты стали короче. И такое происходит, когда рядом Петровский, я заметила это. Когда он в отъезде время хоть и бежит, но нет ощущения, что я не успеваю чего-то. Понимаю теперь, почему его сотрудники так эффективно работают под таким руководством.

На обед спустилась в ресторан на первом этаже, где меня ждал отец. Отметила для себя, что сейчас я почти не чувствовала былого напряжения, как раньше, когда общалась с Андреем Николаевичем.

Эта неделя потребовала от меня столько сил и энергии, что вопрос о том, как я чувствую себя в роли дочери Андрея Петровского просто не поднимался в моей перегруженной голове.

— Привет, дочь! — раздалось за спиной.

Резко разворачиваюсь и вижу рядом отца, который стоит засунув руки в карманы брюк и заговорщицки подмигивает мне.

— Ну, что? Наедемся чего-нибудь вредоносного? — вопрошает.

Я вдруг ощущаю такую лёгкость, даже эйфорию, от того, что этот красивый мужчина — мой отец. От его добрых глаз и озорной улыбки, от мальчишеской позы с этими оттопыренными карманами. И все случается само собой, без подготовки.

— Привет, пап. — мне кажется, что улыбаются не только мои губы, но и сердце. Бьётся в груди и весело хихикает, глядя как округляются глаза мужчины напротив, а потом вспыхивают радостью.

— На десерт хочу пончик! — заявляю я.

— Хоть десять! — щедро соглашается отец и ведёт меня к столику в углу зала.

Обед пролетает в одно мгновение, по крайней мере, мне так показалось. Мы поговорили о приеме в выходные, об Алёне, о планах насчёт мамы, но всё очень поверхностно, словно намечая основные моменты.

Отец явно испытывал такое же воодушевление, как и я. Расстались мы довольные и сытые, договорившись, что вечером домой едем вместе. Потом я почти бегом влетела в приемную и приготовилась к поездке на объект, а затем постучала к Петровскому.

Он сегодня хмурый и я старалась быть собранной и деловой, чтобы не давать повода для замечаний.

Пока ждём лифт, стоя в холле, мне приходится делать вид, что я не чувствую, как Пётр рассматривает меня, прожигая взглядом горячие линии на щеке, шее, груди. Внутри лифта легче не становится.

Мы в четыре глаза наблюдаем, как уменьшаются цифры отсчёта этажей, когда, неожиданно, кабина налетает на какое-то препятствие, оглушая нас металлическим скрежетом.

Меня толкает вперёд и я оказываюсь откинутой в сторону Петра. Он на мгновение задерживает моё падение, стараясь сохранить равновесие, но из этого ничего не выходит — мы, вцепившись друг в друга, падаем на пол.

На секунду мне кажется, что мы оказались в кромешной тьме, но затем вспыхивает один из светильников, слабо освещая кабину. Все произошло так быстро, что испуг приходит с задержкой, словно частями.

Некоторое время мы с Петровским просто лежим на полу, пребывая в шоке от неожиданности. Но потом я слышу взволнованный шепот у самого уха.

— Лия, ты как?

Я тихонько шевелю ногами, потом руками и понимаю, что вроде цела.

— Нормально, наверное. — отвечаю тихо. — Что произошло, что с лифтом?! — спрашиваю уже громче.

— Мне бы тоже хотелось знать, — все также мне на ухо шепчет мой начальник.

Первый шок проходит и приходит очень сильное желание выйти из этого лифта, который явно завис где-то между этажами. Несмотря на такое сильное желание покинуть этот железный мешок, я как-то очень вяло ковыряюсь на полу, пытаюсь приподняться.

— Встать можешь? — Пётр пробует сесть и одновременно приподнять меня. — Болит где-нибудь?

— Голова болит, — говорю я, когда, наконец-то, сажусь облокотившись на стенку кабины, — и кружится... — мне реально нехорошо.

Пётр наклоняется ко мне и охватывает мою голову ладонями, приподнимая. С тревогой смотрит в глаза.

— Посмотри на меня, Лия! — слышу взволнованный голос начальника, который практически прилип ко мне, пытаюсь поймать мой взгляд. — Старайся не закрывать глаза, хорошо? Мне нужно сообщить, что мы здесь и я к тебе вернусь. Слышишь меня? Лия? — Пётр слегка трясет меня.

Я пытаюсь сфокусироваться на фигуре Петра, что мне с трудом, но удается, а потом просто киваю в ответ.

— Слышу, — добавляю к кивку слово.

На несколько минут мужчина исчезает из поля моего зрения, но мне слышно, как он пытается общаться с дежурным через связь из лифта, но связь работает только в одну сторону — слышно только работников техслужбы.

Пётр пытается кричать, чтобы привлечь внимание людей на этажах. Мы где-то между третьим и четвертым висим, хотя может только так кажется, я плохо соображаю.

Петровский сильно стучит в двери лифта, матерится и снова долбит. Я сквозь пелену перед глазами замечаю, что он сам едва стоит на ногах и держится рукой за ногу, которая пострадала в аварии.

Что же это такое?! Где все? Где помощь?! Мне кажется, будто уже прошло много времени с момента, как лифт застрял. Смотрю на часы — мы здесь только десять минут.

Наконец, слышу мужские голоса почти рядом и Пётр тут же пытается поговорить с теми, кто нам слышен.

Ловлю смысл разговора, стараясь не провалиться в беспмятство. Нам говорят, чтобы мы ждали, там, снаружи, ищут способы нас выволить из ловушки.

Пётр громко выдыхает и медленно опускается на пол рядом со мной, мне видно, что нога у него сильно болит, но он морщится и прижимает меня к своему боку.

Я дрожу, не знаю от чего — от холода или это последствия травмы головы. А она у меня явно есть, меня тошнит, периодически двоится в глазах. Петровский обнимает меня, старается согреть.

— Лия, не молчи! — говорит он мне в висок, потом слегка целует и снова зовёт меня. — Лия?!

— Здесь я, Пётр Андреевич, — пытаюсь шутить.

— Это прекрасно, что ты здесь. — руки мужчины опутали меня, я словно в коконе. — Оставайся со мной, ладно? Не спи, говори мне что-нибудь. Лия?

А мне так стало хорошо, что единственное желание осталось — расслабиться и дремать, прижавшись лицом к груди начальника. Что я и делаю, но вдруг меня выталкивает из сна ощущение, что мой рот кто-то хочет съесть. Ощущаю горячие губы, язык и их напор лишает меня остатков дрёмы.

41. Пётр

Вид Лии, теряющей сознание, заставляет меня в одно мгновение принять меры, чтобы девушка пришла в себя, хотя бы ненадолго.

И врать не буду — я наконец-то получил возможность безнаказанно целовать ту, что в последние недели не покидала моих снов. Снов эротических.

И теперь, несмотря на боль в ноге, меня жгла только одна мысль — Лия должна быть в сознании, должна бодрствовать.

Удар головой был довольно сильным и, что там конкретно произошло, кроме очевидного сотрясения мозга, неизвестно. Страх, липкий холодный страх охватил меня, словно ледяные пальца сжались вокруг моего сердца, заставляя его замирать при малейших признаках ухудшения самочувствия Лии.

И поэтому поцелуй получился таким безудержным, диким, отчаянным. Сначала Лия почти не реагировала, но потом я ощутил, как она напряглась, но не оттолкнула. Я углубил вторжение, едва ли осознавая, что сам могу спровоцировать обморок у девушки, если не дам ей возможности дышать.

— Лия, не спи, — зашептал я прямо в губы, едва ли на миллиметр отрываясь от них, — не спи, не спи... — бормотал еле слышно и вновь целовал, практически поглощая эту невозможно сладкую девчонку.

Мои руки держали Лию нежно, но очень крепко, как-будто это могло помочь спасти ей жизнь, здоровье. Она дрожала и я пытался прижать девушку к себе, не переставая целовать ее, обнимать, согревая её руками и губами.

Это невероятно, но я больше не чувствовал боли в ноге. Как только я прикоснулся губами к Лие, боль исчезла, уступая перед желанием. Теперь у меня появилась еще одна причина не прерывать поцелуй. Боль уходила, когда в моих руках была эта маленькая, хрупкая девушка.

И мне нужно было сохранить её в сознании до приезда медиков, до момента когда нас, наконец-то, вытащат из лифта.

— Лия, посмотри на меня, — держу её лицо в ладонях и ловлю взгляд, — ты меня видишь?

Глаза напротив скользят по моему лицу и останавливаются, когда ловят мой встревоженный взгляд.

— Вижу, — и улыбается.

— Тошнит, голова кружится? — продолжаю строить из себя врача, но мне важно говорить с Лией, и неважно о чём.

— Немножко, — шепчет она, и сама обнимает меня за шею, прижимаясь ближе ко мне и устраивая голову на моём плече. Кожей ощущаю теплое дыхание и от него, мне кажется, у меня просто весь волосяной покров становится вертикально. И не только он.

Обнимаю Лию и шепчу на ухо один вопрос за другим.

— Тебе холодно?

— Нет.

— Пить хочешь?

— Нет.

— А чего тебе хочется?

Лия слегка копошится в моих руках, пытаясь немного отодвинуться.

— Целоваться. — говорит мне прямо в ухо. — Можно?

Боже мой, дай мне сил не проглотить эту мелкую пигалицу! Вместо ответа перемещаю свои губы по мягкой щеке в поисках сладкого рта, просящего поцелуев.

Дыхание переливается от меня к Лие и обратно, мы не целуемся, а просто срастаемся. Одна моя рука уже пробралась под блузку девушки и гладит горячую кожу поясницы, спины, охватывает талию и потом кружит по грудию.

Мои губы ловят слабый, но стон! Да, я все же идиот! Отстраняюсь от лица Лии и тяжело дышу, опустив голову и закрыв глаза.

У человека сотрясение мозга, а я ей давление поднимаю, хотя собирался всего лишь не дать ей потерять сознание!. Нечего сказать, молодец.

— Что случилось? — маленькая ладошка ложится на мою щеку и глаза сами поднимаются вверх, чтобы увидеть ту, которая теперь, похоже, имеет надо мной абсолютную власть.

И тут слышу грохот снаружи лифта и замечаю, как его двери начинают очень медленно открываться. Очень вовремя. Ещё немного и спасатели могли застать очень интересную картину.

— Лия, мне нужно встать и посмотреть, что там с дверями лифта. Похоже нас скоро вытащат. — твердо говорю я и пытаюсь встать с пола, что дается мне очень нелегко. — А ты сиди спокойно, хорошо? Лия?

— Да слышу я, — бормочет моя вредина, поправляя блузку, которую я, оказывается, практически расстегнул.

Бросаю ещё один хмурый взгляд на Лию, прежде чем попытаться выяснить у людей снаружи, когда нас освободят. И такое странное ощущение возникает, словно мне жаль покидать этот железный ящик, который едва нас не убил, а потом...

— Вы как там? — перед моим носом появляется лицо спасателя. Через слегка раздвинутую дверь мне видно только это. Значит мы явно висим между этажами и вытащить нас на верхний этаж невозможно — тут только кошка пролезет, никак не взрослый человек.

— У девушки признаки сотрясения мозга! Нужно как можно быстрее её отсюда забрать! — хрипло кричу я.

— Она в сознании? Обращенную речь понимает? — спрашивают.

— В сознании, разговаривает, но очень кружится голова и тошнит. — становлюсь вплотную к дверям, пробуя разглядеть в отверстие, что происходит снаружи. — Что с лифтом, почему мы застряли? — громко кричу наружу.

Мне видно только ноги, но в следующее мгновение перед моим носом появляется мужчина в белом халате. Ура, наконец-то медики.

— Девушка в сознании и говорит, значит всё не так страшно. Вот, возьмите бутылки с водой. — протягивает мне воду. — Попейте сами и дайте вашей девушке.

Забираю бутылки и вновь обращаюсь к спасателям, которые суеются снаружи.

— Что с лифтом, чёрт возьми? Почему вы до сих пор не перетянули нас на нижний или верхний этаж?! — тишина в ответ меня просто приводит в ярость.

Возле моего носа останавливаются ботинки, а потом появляется лицо мужчины в каске, который оказывается одним из инженеров фирмы отца.

— Не нужно волноваться, Петр Андреевич. Мы пытаемся вас обезопасить, прежде, чем тянуть лифт. И на это нужно время, иначе никак.

— Что случилось с лифтом? — повторяю я вопрос.

— Тут вернее задать вопрос не что, а кто.

— Кто? — я выпучиваю глаза. — Лифт повредил человек?

— Андрей Петрович, давайте вы вернетесь к девушке, а мы здесь сделаем всё возможное, что бы минут через тридцать вы уже попали в руки медиков. Не будем терять время. Хорошо?

— Хорошо, — выдыхаю я, понимая, что своими расспросами действительно трачу драгоценные минуты.

Отхожу от дверей и снова опускаюсь на пол рядом с Лией. Она весь разговор сидела тихо и мне показалось, что она спит, но как только я сел рядом она посмотрела на меня вполне ясным взглядом.

— Ничего не поделать, придется ждать. — проговорила, глядя на меня.

Я протянул Лие одну бутылку с водой, предварительно открыв её.

— Попей немного.

Лия делает несколько глотков и отставляет бутылку от себя.

— Расскажи мне что-нибудь, — просто говорит моя напарница по несчастью.

Я удивленно смотрю на Лию.

— Сказку? — усмехаюсь я.

— Нет, что-то о себе.

Я веду себя очень странно, но списываю это на удар головой. Так проще, а то совсем уж страшно становится от того, как я висла на шее у Петра и просила поцелуев. Может он тоже это на сотрясение отнесет? Ударилась девочка, вот и творит невесть что.

Чтобы не наговорить или не наделать такого, о чём потом буду жалеть, я прошу Петровского что-нибудь рассказать о себе. Это безопаснее. По крайней мере, мне так кажется.

— О себе? — мужчина хмурится. — Мне скоро тридцать пять лет, пол мужской...

Смеяться мне не даёт моя раненая голова, болит, когда пытаюсь хихикать, слушая столь содержательный рассказ.

— Про пол можно на рассказывать, — великодушно разрешаю я, пряча улыбку.

— Это почему это? — деланно сердится мой невозможный начальник. — Что не так с полом? — прищурив один глаз, смотрит на меня.

— Ну... с ним итак все понятно, — бормочу.

Прекрасно, я пыталась перевести наше общение в нечто нейтральное, простое, а опять попала на чужую территорию, где флирт и подколы, которые заставляют меня то смущаться, то сердиться.

Сейчас мы с Петровским находимся в ситуации экстремальной и поэтому сблизилась, пытаюсь элементарно пережить острый момент, когда жизнь подвергается опасности.

Пётр сейчас ведёт себя, как защитник. Вероятно, у большинства мужчин срабатывает какой-то древний механизм, заставляющий спасать и заботиться, когда происходит нечто страшное, разрушающее.

Я поднимаю глаза на мужчину рядом — сидит тихонько рядом, глаза закрыл, бледный, хотя я вижу только профиль. Он сам едва оклемался после аварии и опять попал в передрыгу.

И, по странному стечению обстоятельств, я вновь оказалась рядом с ним. Сейчас Петр такой близкий и родной кажется, словно и не он рычит на совещаниях, ругается, грубит, ведёт себя, как бесчувственный чурбан, злится.

Стоит нам покинуть этот железный короб и он вновь станет обычным Петровским. Петровским, который готов только браниться и соблазнять.

Продолжаю смотреть на Петра и он чувствует это, поворачивает голову и замирает.

— Больно? — почти шепотом спрашиваю я.

— Что? — непонимающе.

— Нога болит? — уточняю, покрываясь мурашками от того, какие сейчас теплые голубые льдинки напротив.

Пётр поворачивается ко мне и, улыбаясь, ласково проводит рукой по моей щеке.

— Нога нормально. — отвечает рассеянно и медленно наклоняется ко мне, неотрывно глядя на мой рот...

Я чувствую теплое дыхание, ловлю его, приоткрывая губы и... лифт дёргается и медленно, со скрежетом, ползет вниз.

Дальше все происходит быстро, шумно, неминуемо. Как только открывается лифт, я вижу целую толпу людей, среди которых тут же замечаю своего отца, он с тревогой смотрит на меня и пытается обойти спасателей и помочь мне подняться.

Но шансов у него, конечно, нет. Меня уже подхватывают и укладывают на каталку,

быстро увозя по коридору. Отец спешит за мной и успевает только сказать, что едет за мной, вернее за скорой помощью, которая увозит меня в больницу.

Пока я еду к машине, успеваю заметить, что следом увозят и Петровского. Он лежит на каталке, прикрыв глаза рукой.

Мы, как ветераны военных действий, не очень понимаем теперь, что здесь, вне лифта, происходит и как на это реагировать. Смешно, конечно, но за эти пару часов мы успели создать какой-то свой мир и в нем было очень приятно, несмотря на плохое самочувствие и страх погибнуть в этом железном плену.

От поездки на каталке у меня начинает кружиться голова и я пытаюсь сосредоточиться на своих ощущениях в теле, чтобы не потерять сознание.

Пока мы были в лифте, позвонить мы никуда не могли, как и нам тоже. Связь совершенно отсутствовала. А теперь мой телефон ожил и начал вибрировать и петь в кармане пиджака.

Взять телефон в руки не могу и так и слушаю бодрую мелодию, пока меня грузят в скорую.

Время до больницы занято осмотром и опросом о том, как себя чувствую и где у меня болит. Минут через пятнадцать я уже оказываюсь в частной клинике, это сразу понятно, как только меня завезли в приемный покой.

Потом меня обследуют на всевозможных аппаратах и, наконец-то, почти через час, привозят в палату.

А там уже ждёт отец. Петровский Андрей Николаевич сидит на стуле у окна и, едва открывается дверь, вскакивает мне навстречу.

— Лия, как ты? — встревоженно спрашивает.

Я улыбаюсь, как могу и пытаюсь сесть на кровати, кстати, очень удобной кровати.

— Нормально, пап, не переживай. Обычное сотрясение мозга. — говорю, а сама копаюсь в вещах, которые принесли следом за мной. Телефон жужжит в пиджаке.

Нажимаю на кнопку приёма и последующие десять минут успокаиваю встревоженную новостями маму, а потом прощаюсь с ней до вечера, обещая позвонить сразу после ужина.

Мельком смотрю в список смс о звонках, когда была в лифте. Почти сорок от отца, столько же от мамы. Родители мои тревожились не на шутку, очень надеюсь, что на их здоровье это не повлияет.

Меня волнует вопрос о самочувствии Петра. От него нет ничего — ни смс ни звонка. Понимаю, что он, скорее всего, в больнице и, как и я, подвергается осмотру, который не за пять минут делают.

Но сердце не слушает разум и хочет видеть хоть словечко о том, как он там, что с его ногой и подобные вопросы ко мне. Но от Петровского ни слова.

— Лия, тебя оставляют в больнице дня на три. Нужно посмотреть твоё состояние. — отец присаживается на краю кровати и берёт мою руку в свои ладони. — Я очень испугался, Лия. — отец смотрит взволнованно, но уже без той жуткой тревоги, которое я увидела из открытых дверей лифта.

— Все хорошо, у меня даже голова не болит, правда! — пытаюсь успокоить.

— Ладно, я не буду тебя мучить, тебе отдыхать нужно, — мужчина поднимается и указывает на сумку рядом с кроватью, — там одежда, зарядка для телефона и ещё по мелочи, что вспомнил, то попросил собрать и привезти. Если нужно что, то сразу пиши мне или звони. Я утром приеду. Хорошо, дочь?

— Спасибо, на пару дней много не нужно, думаю, что хватит и одной сумки, — улыбаясь, подмигиваю отцу, после чего он явно расслабляется, — а ты сам отдохни сегодня, ладно?

Отец уходит и я опять смотрю в телефон, словно он должен именно сейчас сообщить мне о Петре. Ни звонка, ни смс нет.

Отец про Петра сказал только, что его увезли в больницу, где ему операцию делали до этого. О его состоянии информации нет пока.

Понимаю, что нужно время, сейчас звонить смысла нет. Наверняка его ещё обследуют.

Но сердце дрожит от мысли, что в лифте наши отношения с Петром изменились. И я хочу убедиться, что с ним все в порядке, хочу услышать его голос.

Но ни сегодня, ни в ближайшие дни мне никто не звонит, кроме родителей, Люды и Василия.

Отец приходил ежедневно и сообщил, что Пётр покинул больницу, чувствует себя нормально и уже работает. Просил мне передать, что его помощница вышла с больничного и теперь я могу спокойно лечиться, не переживая о работе. Вот так просто.

Люда права, когда называла меня доверчивой и наивной. С этим я согласна, но что теперь делать с тем, что я влюбилась?

43. Лия

— Пап, ты не должен этого делать, — говорю твёрдо, — я работаю и вполне могу снять нам с мамой жильё.

— Лия, это не обсуждается, квартира куплена и оформлена на твоё имя. — отец вздыхает. — Дочь, мне порядком надоело постоянно спорить с тобой. Не нужно тратить на это время. Лучше слушайся своего отца и всё будет хорошо. — подходит ко мне и ласково чмокает в щеку.

Такие разговоры стали регулярными, хотя и не частыми. По крупным, так сказать, вопросам. Я работаю у отца уже три месяца и получаю очень даже неплохую зарплату, поэтому вопрос с жильём могла решить самостоятельно.

Отец же считал, что все, что крупнее заколки для волос, он должен мне обеспечивать сам. А меня волновало, что Алена продолжает устраивать скандалы, выражая недовольство по поводу моего нахождения в доме и трат на меня и маму.

Конечно, меня это расстраивало, особенно в начале, но сейчас я уже меньше реагирую. Другие переживания заставляют меньше обращать внимание на Алёну и её дурное настроение.

Сегодня я должна успеть много всего по работе, а потом с мамой съездить к врачу на профилактический осмотр. Мама живёт в съёмной квартире, но отец настоял на переезде в более удобную и уже лично мою.

Я же существую на два дома, то с мамой, то в доме отца. Но моя мачеха все чаще устраивает так, чтобы мы с отцом ни на минуту не могли остаться наедине и пообщаться. Благо, что работаем вместе, и поэтому есть возможность просто поговорить, вместе пообедать. Этого достаточно, чтобы быть в курсе дел друг друга.

И ещё в моей жизни теперь есть Василий. С момента, как я была в больнице, он почти ежедневно присутствует во всех делах, которые происходят вокруг меня. Сегодня мы встречаемся после работы и у меня есть, что ему сказать.

Это важно для нас обоих, я давала себе время обдумать, что и как происходит между нами. Вася стал важной частью моей жизни, этого отрицать не могу.

А Петра я за время, прошедшее с аварии лифта, видела два раза. Первый раз это произошло через неделю после выписки из больницы, когда нас вызвал следователь.

Кроме скупого приветствия Пётр не сказал мне ни слова, избегая даже смотреть на меня. А мне казалось тогда, что грохот сердца в моей груди слышен и следователю, и причине этого стука, Петру. Но волнение, похоже, испытывала я одна.

По версии следствия, нас с Петром пытались убить, повредив лифт. Я была шокирована такой информацией, совершенно не понимала, кто мог это сделать.

А Пётр, похоже, знал. Меня опросили и отпустили, а мой бывший начальник остался давать показания дальше.

Позже я узнала, что не обошлось без обиженной женщины. Сотрудница фирмы Петровского, пыталась отомстить за безразличие к себе. Подробности мне неизвестны, но девушка явно была очень оскорблена и сердита, если решилась на убийство.

Не знаю, были ли отношения между Петром и этой дамой, но не удивлюсь, что были. Пётр умеет обдаться безразличием, когда человек ему больше не интересен. Это я испытала на себе.

А второй раз я столкнулась с Петровским в доме знакомых отца, куда нас пригласили на день рождения. Пётр тоже был среди гостей. И он пришел не один. Под руку с ним была стройная высокая блондинка, надо признать, очень приятная на вид.

Она весь вечер скромно молчала и только изредка что-то негромко говорила Петру, который выглядел так, словно у него трёхдневный запор. Взгляд хмурый, губы сжаты, сам весь напряжен.

Как назло, я сидела за столом прямо напротив моего бывшего начальника, который делал вид, что я пустое место. Именно в тот момент я поняла, что значит выражение «сердце разбито».

Ни слова мне, ни вопроса о моем самочувствии, ни простого приветствия, удостоилась просто кивка головой и всё. А мне хотелось провалиться от стыда за свои щеки, горящие огнём, за невозможность нормально вздохнуть из-за присутствия рядом этого невыносимо притягательного мужчины, который никогда не был моим, но моё сердце считает иначе.

После той встречи я и сама стала избегать общества Петра, предпочитая страдать в отдалении. Просто ждала, когда внутри исчезнет саднящая рана и смогу жить как раньше, до того момента, когда в первый раз увидела синее небо в глазах мужчины, лежащего на больничной кровати.

— Лия, привет! Идём? — передо мной стоял Вася. Он не любит ждать меня в машине и всегда приходил за мной прямо в офис.

Я взглянула на Чурова и улыбнулась, вставая со стула и беря в руки пальто. Мы едем сегодня в новый ресторан и Васе не терпится забрать меня с работы. Высокий, красивый, сильный мужчина рядом со мной вызывал восхищенные взгляды девушек и женщин постарше, но это совершенно не рождало у меня мыслей о ревности.

— Лия, у меня к тебе сегодня будет серьезный разговор, — сообщил Вася, вырываясь со стоянки и вливаясь в плотный поток машин.

Я как-то судорожно вздыхаю и выдавливаю улыбку, волнуюсь немного.

— Какое совпадение! У меня тоже. — отвечаю.

Вася сегодня какой-то торжественный что-ли, явно на подъёме, активный, задорный. Музыка в машине включил веселенькую и мне улыбается так, что аж глаза слепит.

И чем он радостнее, тем меньше мне хочется в ресторан. Но отступить некуда, теперь будет просто свинством с моей стороны, если я скажу, что не хочу никуда идти.

Я итак не один раз отменяла наши встречи, чувствуя себя несчастной и совсем неспособной общаться. Но Вася был настойчив, он очень по доброму отнесся ко мне после инцидента с лифтом, принимая мое кислое настроение за состояние после стресса.

Мы встречались не совсем как пара, даже не целовались, хотя Вася проявлял инициативу. Много разговаривали, обсуждали разные темы, часто смеялись. Я чувствовала, что ко мне интерес у мужчины однозначный, но сама сохраняла нейтралитет. Да и не могла я пока с Васей романы крутить. Из-за одного его друга и не могла.

Время шло и я пыталась смотреть на Чурова, не как на друга для похода поужинать и поболтать. Очень пыталась. И мои попытки дали результат, о котором я и хотела поговорить с Васей сегодня.

— Где тебе удобнее? — спросил мой галантный кавалер у столика в ресторане.

Я села спиной к общему залу, чтобы не замечать лишних взглядов.

Вася быстро сделал заказ и за себя и за меня, хотя предварительно спросил не изменился ли мой набор блюд. Он знал уже мои вкусы и всегда подшучивал, что из меня

выгодная жена получится — ем немного и недорого. Меня это даже веселило.

— Лия, а у меня есть к тебе предложение. — Вася хитро улыбается и лезет в карман пиджака.

В шоке смотрю, как передо мной появляется маленькая красная коробочка. И вот я уставилась на мужчину напротив и не могу поверить в то, что происходит. Что он делает?

У меня слова застряли где-то внутри, только открываю рот и закрываю, и ни звука не вылетает. А потом мне приходит мысль — что если там не кольцо? А то я сразу про него подумала, а там, например, серьги или билет в кино? Нервно хихикаю, протягивая дрожащую руку к коробочке. Щелк!

Держу перед собой открытую коробочку, а в глазах туман, сквозь который сверкает бриллиантами золотое колечко. В голове неестественный гул, словно самолёт на взлет идет. Перегрузка моего организма по всем параметрам, вот и сдают приборы навигации.

И вот она, вишенка на торте — среди этого самолетного гула слышу знакомый ехидный голос.

— Ну что, вас можно поздравить?

Отрываюсь от кольца и понимаю, что рядом с нашим столиком высится фигура. Высокая, мужская. Петровский Пётр Андреевич, собственной персоной.

44. Пётр

Я едва зубы не смолотил в порошок, пока наблюдал, как Лия с Васькой в ресторан заходили, как за столик усаживались и заказ делали. Они меня не заметили, а мне было прекрасно видно, что Вася светится весь, явно чувствуя себя довольным.

Лия села ко мне спиной, но я успел заметить, что она напряжена, хотя и улыбалась своему спутнику. Что б его...!

Эти месяцы, что прошли после аварии лифта, можно смело записывать в мой личный ад. Сам его сделал, сам в нем горел. Ждал, когда все сгорит, и я успокоюсь, однако, из этой прекрасной идеи ничего не вышло.

Работал, конечно, как умалишенный. Других загнал просто до едва живого состояния, но в результате заключили несколько невероятно выгодных контрактов, которые обеспечат фирму работой на два года вперёд.

А огромные премии сняли напряжение в коллективе, сотрудники выдохнули немного. Только я не испытал никакого удовлетворения от многомиллионных прибылей. Такое со мной впервые.

Метался я, как тигр в клетке, в ожидании, когда меня отпустит и перестану думать об одной мелкой пигалице, которую увидел, едва открыв глаза в больничной палате. Приворожила она меня что-ли?! Выжигает меня изнутри, как горшок в печи, сил терпеть все меньше.

Видел Лию пару раз после аварии, замечал, что смотрит на меня, а в глазах недоумение и боль. И сам себя все жёстче накручивал — Лия корыстная провинциалка, она причина того, что погибла Света и разрушилась семья родителей, эта девчонка ищет кого побогаче, с Васькой вон встречается без зазрения совести!

А до этого моих поцелуев просила, в глаза проникновенно смотрела, а теперь кольцо Чурова разглядывает. Это ли не доказательство, что все женщины продажны?!

И на этой волне злости я ринулся к их столику. Васька молодец, ни один мускул не дрогнул, когда меня увидел, а вот Лия шока скрыть не смогла. Так и замерла с кольцом в руке, глядя на меня так, словно я того света вернулся. Да, Лия, так и есть, я к вам прямиком из ада явился.

— Ну что, вас можно поздравить? — вместо приветствия поинтересовался я.

Васька вальяжно откинулся на спинку кресла и улыбнулся с явным торжеством в глазах.

— Можно, конечно, — Чуров сощурился, — мы будем рады, правда, Лия?

Я перевел взгляд на девушку.

— Ты уже дала ответ? Или пока просчитываешь выгоду? — зло поинтересовался я, явно провоцируя, но меня несло так, как никогда в жизни. Так, наверное, себя самоубийцы ведут. А я им и был сейчас.

Кулак у Васьки крепкий, я уже с ним знаком был, но с тех пор силы у моего друга прибавилось — я отлетел так, словно во мне не под сотню килограмм, а только пару кило. Испытал странное удовольствие, когда поднимался с пола, я улыбался, занося руку для своего ответа кулаком.

Мы бились всерьез и от каждого удара мне становилось легче. Молотились в полную силу. Кровь во рту, глаз один явно заплаыл, а мне легчало. Наконец-то!

Мне казалось, что это никогда не кончится. Охрана прыгала вокруг этих двух идиотов, которые пытались сделать друг из друга отбивные. Я сначала завизжала, как любая порядочная девушка в такой ситуации, а потом поняла, если не сделаю что-то, то Пётр и Василий убьют друг друга.

Лихорадочно оглядываюсь и замечаю ведёрки со льдом, быстро сливаю с нескольких воду в одно, потом наполняю второе. Люди за столиками так увлечены дракой, что и не замечают, как я лишаю их льда для бутылок.

Вода ледяная, она даже с кусочками подтаявших ледышек. А я вся горю, поэтому холод меня слегка успокаивает, отрезвляет адреналин в крови. Когда подлетаю к своему столику, то вижу Василия сидящего верхом на Петре. Одной рукой он держит друга за рубашку, а другой лупит по лицу.

Не теряя ни минуты, опрокидываю сначала одно, а потом и другое ведро прямо на голову Чурова. Ледяная вода делает своё дело — Вася замирает. И в этот момент охрана, наконец-то, начинает действовать и скручивает обоих драчунов.

Петра тоже, поскольку он вновь пытается запрыгнуть на Васю, хотя сам выглядит ужасно.

Когда я слышу вой сирены полиции и скорой, то выдыхаю, все же эти два амбала не успели убить друг друга и теперь медики и полицейские пусть с ними разбираются.

Дальше все кружится каруселью, люди что-то спрашивают у меня, я отвечаю, а сама ищу глазами Петровского, который опять припадает на одну ногу, когда его ведут к скорой.

А затем я делаю то, о чем, скорее всего, потом пожалею, но мне все равно. Хватаю сумочку, пальто и лечу следом за моим бывшим начальником и в последний момент забираюсь в открытую дверь машины скорой помощи.

Сажусь рядом с уже лежащим на носилках Петром и замираю. Медик грозно смотрит на меня, но почему-то не выгоняет. Дверь закрывается и мы мчим в больницу.

Самое смешное, что Петровский, похоже, даже не видит меня. Я сижу за каким-то выступом, а человеку, лежащему на носилках видно только потолок и медика рядом.

Рассматриваю ранения этого неугомонного — глаза заплыли, особенно один, щека стесана, как и костяшки пальцев на руках. Смотрю на все это безобразие и не замечаю, как начинаю плакать.

Слезы жгут глаза, явно растворяя краску на ресницах. Я же сегодня при параде, в ресторан собралась. Сходила называется, провела приятно время.

Смахиваю слезы и заставляю себя не плакать, хватит сырости. Смотрю на Петра и сердце вновь сжимается, хочется за руку его взять, чтобы почувствовать, что он живой, теплый.

Медработник скорой измерила давление и больше никаких манипуляций я не заметила. Пётр был в сознании, но ничего не говорил.

Я решила молча ждать прибытия в больницу, хотя не знала даже, куда конкретно нас везут. Спрашивать не решалась, боясь вызвать гнев медиков и пациента, кстати, тоже. И медики, я думаю, проиграют в силе негодования, Пётр в этой дисциплине чемпион.

Минут через пятнадцать мы прибыли в больницу и я первая выскочила из скорой, как только открыли дверь. В приемный покой я зашла вместе с каталкой, на которой везли

Петра. Глаза он закрыл, вернее один глаз, другой он открыть не мог, все заплыло.

При ярком свете у меня все сжалось, когда я увидела, что Петровский реально сильно пострадал. И я просто возненавидела Чурова. Как можно так бить человека, друга? Это выше моего понимания. Да, Пётр оскорбил меня, но не инвалида же из него за это делать.

Дежурный врач оказался седым дядечкой лет шестидесяти, неспешным и доброжелательным. Петра осмотрел быстро, дал указания отвезти а рентген, а потом обработать раны, если не будет надобности в операции.

Я успела рассказать, что у Петровского была недавно операция после аварии.

— Вы кем приходитесь этому бойцу без правил? — услышала я закономерный вопрос.

Я замерла, пытаюсь сформулировать своё место в жизни бывшего начальника. Врачу нужно понимать, кем я прихожусь пациенту, чтобы решать обычные больничные вопросы, поэтому сказать, что я дочь отца Петровского, но не его сестра, значит ввести врача в сомнения о моем адекватном состоянии. А поэтому, словно разрубая, туго сплетенный узел, уверенно сказала.

— Я его невеста.

Потолок не рухнул и стекла из окон со звоном не выпали от моего вранья. Только раздался удивленный женский возглас за моей спиной, очень, кстати, мне знакомый. Я медленно поворачиваюсь и натываюсь на взгляды двух женщин. Один ошеломленный, а второй злобный.

— Здравствуйте, Мария Сергеевна. — веду глазами левее. — Здравствуйте и вам.

Я стою замерев, словно в игре «Море волнуется раз». И фигура у меня не веселая и не морская, а самая что ни на есть испуганная. Фигура «Олень и фары».

Что мне делать, я не знаю, поэтому просто отмираю и начинаю улыбаться. Улыбаться можно в любой ситуации, лишним никогда не будет.

— Здравствуй, Лия, — Мария Сергеевна спешно подходит ближе ко мне, — ты сказала, что невеста Петра? Но как? Когда...

Мария Сергеевна растерянно хлопает, странно заблестевшими глазами, как-то сразу растеряв пыл.

— О чем ты вообще говоришь? — ко мне обращается девушка, которая вошла вместе с матерью Петра. Я узнала её сразу. Это Соня, как я понимаю, уже бывшая девушка Петровского.

— Какая невеста? — громко восклицает она. — Ты временная секретарша! Мария Сергеевна, не слушайте эту сумасшедшую!

Я делаю глубокий вдох, а то как-то воздуха мне стало маловато от этих разговоров. А Соня тем временем делает несколько шагов вперёд, довольно грубо отталкивая меня в сторону. Она смотрит за мою спину и я тоже оборачиваюсь. Вот куда она направилась — к кабинету в кресле ввезли Петра.

Он выглядит, конечно, так, как матери лучше бы не показывать, но теперь уже ничего не поделаешь. Мария Сергеевна с причитаниями подлетает к сыну. Соня тоже пытается пристроиться к нему сбоку от кресла-каталки, воркуя о том, как она волновалась

Мне хорошо видно лицо Петра, он просто в шоке от суеты вокруг себя, но взгляд его прикован ко мне. Вернее полувзгляд, так как видит он только одним глазом. Второй скрыт отеком и синяком. Жуть! Меня просто передергивает от того, что сотворил Вася с лицом этого идиота напротив меня.

Но я, всё же, замечаю, что Петр чувствует себя не настолько плохо, как мне казалось в скорой. Крепкий он мужик, ничего не скажешь. Только дурак. Ну как можно до такого себя доводить? Ведь сам нарывался на драку.

— Что тут за группа поддержки? — наконец подаёт голос Пётр. — Вы чего тут собрались — то?

Мария Сергеевна перестает причитать.

— Петь, ты решил окончательно инвалидом стать, да? Аварии и лифта мало? И почему ты не сказал, что женишься? — громко выпаливает женщина, уперев руки в бока, что совсем не вяжется с её очень интеллигентным видом.

Нужно видеть лицо Петра в этот момент. Шок и сомнение во вменяемости матери.

— На ком? — хрипит почему-то Петровский.

— А ты не помнишь, на ком собрался жениться? — визгливо спрашивает Соня, взглянув на меня с торжеством.

— Лия, объясни, что происходит? — Пётр явно все бодрее с каждой минутой.

Мне становится не по себе, силы как-то покинули меня, едва я поняла, что с Петром все более менее нормально. А перекрестный допрос требовал энергии, поэтому я просто молчала.

И все вопросы так и остались неотвеченными, так как пришёл врач и сообщил

результаты обследования Петровского. Ничего не сломано, сильные ушибы, вероятно сотрясение мозга, глаз пока под вопросом, но критичного ничего нет — консультацию окулиста назначили на завтра, а сегодня можно домой, если будет кому присмотреть за больным.

Новости вызвали очередной виток воркования Марии Сергеевны и неадекватный восторг Сони, которая явно была готова осуществить самый тщательный уход за больным.

— Мам, я прекрасно справлюсь сам, поэтому еду к себе. — Пётр отбивался от матери, которая испуганно смотрела, как он встал с каталки. — Я могу ходить, могу видеть, так что прекрати волноваться. Поезжай домой, хорошо?

А Соня уже подлетела к Петровскому и пыталась поддержать его, но он вырвал руку и самостоятельно пошёл к выходу, одновременно тыча пальцем в телефон. Глупое сердце рвануло за Петром, а следом и ноги. В дверях я поравнялись с ним.

— Ты куда? — насупился мужчина.

— К тебе домой. — открываю дверь и жду, когда Пётр переползет через порог. — Ты же хотел объяснений? Вот и я хочу! Дома и поговорим спокойно.

Сама мне знаю, что творю, но пути назад нет, мне порядком надоело жить в неизвестности. То флиртует, целует, соблазняет, то бегаёт, как от чумы. А потом драку устраивает, явно из-за ревности.

И что мне, неискушенной неопытной девушке, делать прикажите? Правильно — нужно поговорить с этим драчуном и все выяснить. Для того язык людям и дан, чтобы не страдать в неизвестности.

А то Пётр, похоже, опять хотел в туман свалить. Ну уж нет! У меня нет сил больше чтобы страдать по этому идиоту, мне нужно уже выяснить — мой это идиот или мне показалось?

Такси стоит у входа в приемное отделение и я бодро усаживаюсь в него следом за Петровским. Меня слегка потряхивает от адреналина, очень уж я смело себя веду, мой организм от такого в шоке.

Петровский же хмурит свое побитое лицо и молча смотрит вперёд, словно в такси один едет, но я замечаю, что Пётр нервно сжимает кулаки, потом поправляет разорванный карман пиджака. Раз пять уже поправил. Волнуется? Прекрасно! Мне сразу легче стало.

47. Пётр

Едем ко мне домой. И хотя у меня саднит лицо, руки и болит голова, я чувствую какой-то подъём, воодушевление. А Лия сидит, как мышка, но я не смотрю на неё, иначе совсем меня сплющит. И так сердце колотится где-то в горле, а не в груди.

И как это всё назвать, чёрт возьми? Помутнение рассудка? Вроде подошел к столику просто поздороваться, но когда кольцо увидел меня словно горячей волной накрыло. Я же знал, что Васька всерьез взялся за Лию, сам я исчез из её жизни. Хотя, меня так корежило, что ещё немного, и я бы не выдержал. Не видеть её оказалось самым трудным, что было со мной.

Пусть не моя, но я этого не вижу — это я себе внушал. Но только увидел их вдвоем, и крышу снесло. А ведь пытался замутил с одной неплохой девицей, умницей, красавицей, но у нас даже до секса не дошло. И Лия меня видела с этой блондинкой. Я заметил, как напряглась моя дорогая пигалица, как губы сжала.

Ревнует? Не знаю. Я сам не знаю, как назвать то, что со мной происходит. А знать надо, ведь сейчас меня об этом Лия и спросит.

В квартиру идём тоже молча, хотя напряжение слегка спало, мне даже не так больно уже. Только голова немного гудит. Заходим в мою берлогу и, не сговариваясь, направляемся в гостиную.

— Эта была плохая идея про невесту. — тихо проговорила Лия. — Но я боялась, что меня выгонят, а у тебя что-то серьезное, и мне не скажут, и я не смогу помочь. — торопливо поясняла моя гостья, глядя в пол.

— Да уж, это стало традицией. — облегченно выдыхаю. — Ты, я и больница. — криво усмехаюсь и смотрю на Лию. — Что мне делать с тобой, милое моё пугало?

Лия резко поднимает на меня глазищи, полные возмущения.

— Пугало — это ты! — Лия ткнула меня пальцем в грудь. — Страшно смотреть... Ну как так можно, а? Взрослые мужчины, а в драку кинулись, как первоклашки!

— У нас с Васькой это не впервые. Интересно, как он там? — чешу затылок, потупив взгляд.

— Не знаю. Его другая машина увезла, а телефон он, похоже, разбил, звонки не проходят. — Лия отошла от меня и устало опустилась на диван.

— Слушай, давай я в душ и переоденусь? Ладно? И потом найду возможность связаться с Васькой. А ты тут хозяйничай — в холодильнике полно еды, соков, минералки, кофемашина тоже есть. — тараторю я, что мне совершенно не свойственно.

Потом торопливо разворачиваюсь и ухожу. Нужно с себя стащить лохмотья и отмыться от крови, а то ощущение, что я с корриды, и был на ней быком. Иду в душ и ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Выхожу из ванной комнаты, напялив на себя домашние штаны и белую футболку, я решил не мудрить и не натягивать на себя джинсы с рубашкой. В гостиной Лии нет и я шагаю на кухню, где и нахожу мою дорогую гостью.

Она стоит у окна и смотрит на уличные огни. Когда позади девушки, в отражении, появляюсь я, она ловит мой взгляд. Ничего не говоря, подхожу ближе и притягиваю Лию к себе, обнимая её крепко, твердо, зарываясь носом в волосы, потом опуская голову к шее, где я ощущаю бешеный пульс. И это не страх, уж я то точно знаю.

Несколько минут я просто держу Лию в руках, прижимая к себе, но потом она поворачивается лицом и мы начинаем целоваться, как одержимые. Спасибо доктору, который впаял мне столько обезболивающего — я не чувствую никакого дискомфорта, несмотря на разбитое лицо и ушибы по всему телу, только сладость и жар, только цветные вспышки перед глазами.

В какой-то момент я уже пытаюсь взять Лию на руки и унести с кухни, меня тянет в спальню так, что это заметила и моя напарница по этому внезапному чемпионату по поцелуям. Я настолько сильно прижимал к себе девушку, что мои тонкие трусики выдали меня в одну секунду.

Лия начинает меня отталкивать и я тут же ее отпускаю, мне тяжело дышать и голова слегка кружится, но это так здорово, когда ты можешь быть рядом с тем, о ком мечтал несколько месяцев. Этот опыт для меня совсем новый, но я от него явно нахожусь в эйфории. И даже неудобство в штанах не мешает этому.

— Нет, так нельзя! — задыхаясь, как и я, быстро проговаривает Лия. И отходит от меня к столу с кофемашиной.

— Почему?

Лия складывает руки на груди и пытается смотреть на меня строго, хотя ее глаза горят пожаром, не меньшим, чем мой.

— Ты обещал позвонить Васе, это во-первых, — Лия переводит дыхание, — а во-вторых, у меня есть вопросы!

— Василий и вопросы? — беру телефон в руки и звоню. — Согласен идти по пунктам. — подмигиваю девушке одним здоровым глазом.

Вася недоступен, вероятно, телефон действительно разбит. Звоню в ресторан, там сказали, куда отвезли Чурова. Звоню в больницу, с трудом уговариваю сказать мне, что с Васькой.

Все это время Лия сидит у стойки на барном стуле и внимательно слушает мои беседы по телефону.

— Вася тоже дома, у него состояние ещё лучше моего. — Лия встревоженно смотрит на меня. — В смысле, что он мне навалял сильнее. Прижгли зелёной паре царапин и отпустили домой. — со стуком кладу телефон обратно на стол.

Стою на месте и просто смотрю в глаза Лии, меня затапливает волна жара, словно в ванну горячую сел. Лия у меня дома, а ещё вчера мне казалось, что я все испортил, лишил себя последней надежды.

— Что это было, а? — хмуря брови говорит моя бывшая помощница.

Я понимаю, о чем вопрос, но все равно отвечаю на него вопросом.

— Когда?

— После лифта, после моей работы у тебя. — Лия смотрит на меня в упор.

Я молчу, опустив голову.

Лия выпрямляется на стуле.

— Видимо молчание, твой любимый способ общения. — встаёт и подходит ближе ко мне. — Но я так не умею.

А потом поворачивается и явно направляется на выход. Догоняю ее в гостиной и сгребаю в охапку, целую, куда достаю, так как эта мелкая сладкая пигалица вертится, как уж, пытаюсь вырваться.

— Лия, Лия, Лия... — шепчу как заведённый.

— Что? Что? Что? — слышу в ответ, замечая в голосе слёзы.

— Не уходи! — выдыхаю прямо в губы.

Лия замирает и просто смотрит на меня.

— Не молчи, Петровский! Это невыносимо!

— Согласен. Невыносимо без тебя! — киваю я для верности.

Лия снова отодвигается от меня.

— Тебе так плохо было, что быстро нашел замену Соне? — в глазах напротив плещется обида.

А я решаю сменить дислокацию и подхватываю Лию на руки. Пару шагов и устраиваю нас обоих на диване, утопив в мягких подушках. Лия, естественно, на моих коленях.

Смотрим друг на друга.

— Это была попытка. — объясняю я.

— Какая?

— Доказать себе, что могу забытья.

— Забылся?

— Ни разу!

— Ни одного?! — Лия смешно поднимает брови, однозначно выражая и удивление и недоверие моим словам.

Я качаю головой и глажу мою девочку по щеке, по волосам, убирая их назад, пропуская сквозь пальцы. Смотрю в глаза напротив и криво, из-за разбитой губы, улыбаюсь. Криво, но очень счастливо.

— Почему? — продолжает допрос мой личный следователь.

Я нежно прикасаюсь губами к губам Лии, потом к обеим щекам, обцеловываю все лицо и, напоследок, чмокаю ее в нос.

— Поэтому. — смотрю на девушку в моих руках.

Лия розовеет, улыбается, а потом сама обнимает меня за шею, кладет голову на плечо и шепчет прямо мне в ухо.

— А поподробнее?

Стискаю эту, вдруг такую ласковую девчонку.

— Ах ты мелкая вредина!

— Сам вредина! И очень крупная!

— Спасибо за комплимент. — говорю я, сильнее прижимая к себе Лию.

Лия вспыхивает, опять попав в словесной баталии на поле соперника. Обожаю, как эта девушка реагирует на мои провокации.

— Все, заканчиваем с разговорами на сегодня. — Лия сползает с меня и становится у дивана, поправляет одежду. — Ты бледный, как мел. Тебе врач сказал лежать, а ты меня таскаешь по квартире.

— Я могу не только таскать... — игриво шевелю бровями, глядя снизу вверх на совершенно пунцовую девушку.

Лия закатывает глаза.

— В спальню!

— Как скажешь. — покорно встаю и иду в обозначенную комнату.

— И в спальне ты будешь отдыхать, ясно? — раздаётся очень грозное предупреждение за моей спиной.

Но едва я лёг на кровать, то сразу почувствовал, как я страшно устал. А ещё вступили в

полную силу лекарства, которыми накачали меня врачи.

Лия села в кресло у кровати, а я попытался продолжить, хотя бы разговор, но совершенно позорно вырубился через пару минут.

Я сижу рядом с Петром и наблюдаю, как он дышит, как слегка ворочается, ищет более удобную позу и снова проваливается в глубокий сон. Замечаю, что увеличивается отек на лице.

Да уж, завтра проснется красавчик! Надеюсь, что ничего серьезного, кроме ушиба у Петра нет, хотя он выглядит очень нехорошо. Но врачи смотрели, и, значит, паниковать пока не буду.

Надо же, рассуждаю о нем, как будто забочусь, как о своём. О своем мужчине. Поживём и тогда увидим, что этот двухметровый драчун сможет мне предложить в доказательство своих чувств.

Если они есть, ведь все эти поцелуи и обнимашки могут значить только влечение. Пока всё очень зыбко. И в тоже время есть ощущение счастья, лёгкости. Я наивная, но не жалею об этом.

Мне было так плохо эти месяцы, что теперь, как путник в пустыне, пропала к источнику живительной влаги, и не могу перестать ощущать счастье, радость, облегчение.

Прикасаюсь нежно к руке мужчины, хотя очень хочется поцеловать в щёку, но я не рискую тревожить спящего, пусть отдыхает.

В прихожей одеваюсь и тихонько захопываю дверь, покидая квартиру Петровского. Пока еду в лифте, обнаруживаю пару пропущенных от Люды. И мне именно сейчас радостно, что я могу поговорить с подругой.

Люда всегда хорошо влияет на моё смятение чувств и, так сказать, общий настрой жизни. Её трезвый ум и юмор — просто находка.

— Живая ты там, девочка? — слышу в трубке вместо приветствия.

— Привет, Люда!

— Привет, привет! Ну и как там твой Отелло? Жив? Кости целы? — спрашивает подруга.

— Ты откуда знаешь? — удивляюсь я.

— Тебе не дозвонилась, маме твоей набрала, а она мне рассказала, что ты с Петром в больнице.

— Да, опять он там оказался. — вяло соглашаюсь.

— У вас это традиция, — хихикает Люда, — почти семейная.

— Плюха, лучше скажи, как сама поживаешь? — пытаюсь изменить направление разговора.

— Ладно, сделаю вид, что не заметила, как ты с темы ушла. А я нормально. Квартиру вашу стерегу, как и обещала. И звонила тебе, кстати, именно по поводу неё. Вы, как я поняла, уже вряд ли вернётесь, поэтому квартирантов нашла. Ну, чего она простаивает? — как-то непривычно смущённо частит словами подруга.

— Квартирантов? Каких? — я не до конца понимаю, что происходит.

— Меня и Лёшу.

— Люда, вы вместе?! — кричу в трубку.

— Ты меня оглушила, Лийка! — бухтит Люда. — Прямо обидно как-то.

— Да ты что, я только рада, если ты будешь счастлива! — восклицаю торопливо.

— Мы заявление подали вчера. — Люда театрально вздыхает. — Решила дать шанс

этому парню. В конце концов, он прошел все испытания и заслужил главный приз. — уже смеётся.

— Плюха, я тебя люблю!

— Лия, а я, от всех этих любовей, похудела на десять кило, поэтому уже не совсем Плюха, скорее сосиска в тексте.

Смеёмся обе в голос. Потом ещё болтаем, опять смеёмся. В квартире я, естественно, Люде жить разрешила, и без всякой оплаты.

Добираюсь домой затемно, мама встречает меня встревоженно, но я быстренько ее успокаиваю. Потом мы болтаем обо всем на свете и идём спать.

Закрываю глаза и вижу Петра, всю ночь вижу только его. Такие вот дела.

49. Пётр

Проснулся поздно и сразу понял — я чувствую сегодня все, что мне вчера заглушили обезболивающие.

На столе в кухне лежала пачка лекарств, назначенных врачами.

— Слава фармацевтической промышленности! — с этими словами выпил несколько таблеток, которые нужно употребить до еды.

В зеркале — рожа, по ощущениям — меня через мясорубку пропустили, но беру в руки загудевший телефон и открываю сообщение. Лия. Улыбаюсь изо всех сил, так мне хорошо стало.

«Как самочувствие?»

«Было бы прекрасным, если бы ты рядом была»

Пауза, а потом приходит смущенный смайлик. Сердце ликует. Девчонка, такая девчонка.

«Приди, спаси меня!»

Летит из моей головы фраза романтика побитого жизнью, вернее Васькой.

«Спешу на помощь!»

«Я вызвал такси к твоему дому»

В ответ смайлик с сердечками вместо глаз, а я лыблюсь, как идиот, как самый счастливый одноглазый идиот.

Бреду готовить завтрак, очень большой завтрак. Мне не до ужина было вчера и теперь я был голоден, как стая волков.

Яичница, бутерброды с мясом и сыром, кофе, сок, каша, творог. Я все это готовил в надежде накормить и Лию.

Она приехала через полчаса. Открываю дверь и не верю, что она здесь. Молча шагаем навстречу друг другу, целуемся, как сумасшедшие. Стоим в коридоре, даже не закрыв дверь в квартиру.

Первая, как всегда, приходит в себя Лия.

— Я не завтракала, — шепчет мне в грудь.

— У меня есть завтраки, — тоже почему-то шепчу.

— Он не один? — улыбается девчонка.

— Их много, пошли скорее, — тяну Лию на кухню.

Едим мы с аппетитом, особенно я. Яйца, мясо и сыр исчезли во мне, часть каши и фрукты в Лие, а творог пополам разделили.

Пока едим, мой личный доктор расспрашивает меня о самочувствии, требуя ответа во всех подробностях. Потом успела осмотреть мои ссадины и ушибы и расспросить о приеме лекарств.

После завтрака переползаем на диван в гостиную.

Самое удивительное, что я не вспоминаю о работе, пока не звонит Лена, моя помощница. Пару вопросов решаем по телефону, а остальное я отдаю на откуп заместителям.

Лия сидела рядом со мной, голову откинула на спинку дивана, глаза закрыла.

Я закончил разговор и наклонился к девушке. Она распахнула глаза — секунда, вторая и мы снова находим губы друг друга. Это, вероятно, десерт.

Загашив Лию на колени, я явно собираюсь съесть ее на второй завтрак. Зацеловать, заобнимать, впитать ее, как воздух, пустить ее внутри себя по венам вместо крови и никогда не отпускать.

Я уже попробовал жить без нее, оказалось, что я не могу, никак не могу.

Когда это случилось? Когда я стал принадлежать этой маленькой пигалице? Скорее всего, когда открыл глаза в той замшелой больнице и увидел эту невероятную девчонку.

Невозможно мне существовать без нее, невозможно думать, что она далеко и с кем-то другим. Сердце словно остановилось, когда я кольцо увидел. Пелена красная перед глазами стала, дальше я уже ничего не соображал, здравый смысл улетучился в одно мгновение.

Сам, идиот, Ваську позвал, сам себе яму вырыл, но сейчас я понимаю, что никакие мои подозрения на счёт Лии не имеют значения, я готов теперь простить ей что угодно, лишь бы она была рядом.

Смотрю на нее, ощущаю ее и мне кажется, что я и не жил до этого, а просто ждал, когда появится эта девушка. Весь мой прагматизм размыло одним единственным чувством. Женщины были всегда и я был даже к некоторым привязан, но с ними и близко такого не испытывал, что сейчас происходит внутри меня.

Боюсь, что моя порывистость и энергия могут напугать Лию, мне иногда сложно контролировать свои эмоции, действия.

Привык я особо не заморачиваться при обращении с людьми, не подстраиваться ни к кому, а сейчас чувствую себя так, будто весь смысл моего существования сузился до одного желания — сделать счастливой Лию. Не свою радость и удовольствие я впервые поставил на первое место, а счастье другого человека.

Что-то необратимо изменилось во мне с тех пор, а Лия оказалась рядом со мной, изменился взгляд на свою жизнь. Работа, моя фирма, новые контакты перестали быть самым важным для меня.

А ведь буквально несколько месяцев назад я бы высмеял любого, кто бы мне сказал, что так будет.

Обнимаю эту хрупкую девочку и понимаю, что фактически она меня держит в своих руках, это она имеет надо мной такую власть, что способна одним словом, взглядом сделать меня самым несчастным или самым счастливым.

И вот мы с Лией совсем разомлели, целуя друг друга, потом просто обнимаясь, замирая, прижавшись друг к другу. И такой идеальный момент не мог длиться долго.

В дверь позвонили. Привычный звук прозвучал набатом, аж в ушах щёлкнуло.

С трудом отрываюсь от Лии и иду открывать.

На пороге стоит мой друг. Василий.

Звонок прозвенел очень вовремя. Иначе все пошло бы слишком быстро, а я ещё не готова, вернее я не знаю к чему готова. С Петром, как на карусели, то вверх, то вниз, еле успеваю дыхание перевести.

Сейчас Петр ушёл открывать дверь и у меня как раз есть время снабдить мозг кислородом. Продышавшись, понимаю, что как-то долго Пётр дверь открывает.

Слезаю с дивана, иду в прихожую и замираю. Пётр стоит ко мне спиной, а напротив него хмурит брови его друг. Вася. В первый момент я пугаюсь, что опять начнется мордобой, но потом осознаю, что эти двое уже несколько минут тут находятся и ещё не сцепились.

Выходит, что они разговаривали. А это очень хорошо, меня беспокоило, что их дружбе может наступить конец.

И поэтому вчера я хотела сделать нашу встречу с Васей последней, объяснить ему, что я не могу ответить на его чувства. Но все пошло не по плану, как только на арене появится Пётр, увидел кольцо и устроил бои без правил.

Но сейчас они довольно мирно стоят и не заметно, что они собираются добавить друг другу синяков.

— Может быть вам удобнее будет не на пороге общаться? — подаю я голос.

Пётр резко поворачивается, он явно не ожидал, что я рядом стою. Василий поднимает взгляд на меня и я замечаю синяки на скуле и ссадины над бровью. В остальном, конечно, он выглядит гораздо лучше Петра.

— Привет, — тихо произносит Вася.

Пётр хмурится, но все же зовёт друга в квартиру.

— Вась, заходи уже. Чего на пороге торчать.

Вася ухмыльнулся, зыркнув ещё раз в мою сторону, и прошел в гостиную. Огляделся и сел на маленький диванчик. Мы с Петром расположились напротив.

Молчание затягивалось, но я решила не начинать разговор. Меня ещё сердило то, что произошло вчера и хотелось, чтобы эти двое диалог сами наладили.

— Вась, думаю ты и без слов всё понимаешь. — Пётр в упор смотрит на друга. — Пр нас с Лией.

Вася растягивает губы в улыбке, но глаза остаются холодными.

— И что я должен понять? — переводит взгляд с Петра на меня. — Лия, ты вчера так и не успела ответить на моё предложение.

Вася достает из кармана знакомую коробочку.

Мне становится не по себе. Понимаю, что формально Вася прав — ответа я не дала. И только мне известно, что я шла на свидание, чтобы разорвать отношения. Даже не отношения, а просто встречи.

Но Вася считал, что всё идёт вперёд в нашем общении, а мое нежелание сближаться, оправдывал моей скромностью. И предложение он сделал всерьез, с намерением связать наши жизни вместе.

До меня только сейчас дошло, какой удар нанесло по гордости мужчины то, что Вася нашел меня в квартире Петра. В этой ситуации я выгляжу не лучшим образом, прямо скажем, гадко.

И это при том, что Пётр ни слова мне не сказал о своих чувствах ко мне. Даже не знаю,

как он видит всю эту ситуацию, что планирует, и планирует ли вообще!

Я будто трезвею, в одночасье, увидев всю нашу пьесу со стороны. Меня слегка затошнило от всей этой картины, в которой я выгляжу, как вертихвостка без сердца, без ума, без жалости.

Вася настоящий мужчина, терпеливый и понимающий, с чувством собственного достоинства, но он пришел с этой коробочкой к другу в квартиру, чтобы прояснить всё. С надеждой пришел, что не встретит меня здесь?

Или именно здесь и надеялся меня встретить? Голова кругом и ни одного разумного ответа на вопросы. А перед глазами опять сверкает кольцо.

— Лия, предлагаю тебе свою руку, сердце и все, что у меня есть. — Вася серьезно смотрит на меня. — Предлагаю прожить жизнь вместе, как муж и жена.

Вася обладает невероятным чувством юмора, любит шутки, любит шутить, в его глазах я почти всегда видела задорные смешинки, он всегда казался веселым балагуром.

И вот сейчас передо мной другой Василий Чуров. От его острого взгляда бегут мурашки по коже, и я понимаю, что моя неопытность опять сыграла злую шутку со мной.

Я думала, что наше общение с Васей сродни легкой дружбе, но не учла мужской точки зрения на все это. Не почувствовала, не заметила такого важного, что произошло с Васей. Глупая, я глупая!

Пялюсь на кольцо и чувствую, как горячая волна стыда, сожаления, страха поднимается к горлу, затем к лицу. Я закрываю и ладонями лицо и наклоняюсь вперед, чтобы хоть так сосредоточиться и понять, как мне быть теперь.

Естественно, ни о каком замужестве я не думаю, но как сказать об этом Васе, не знаю.

— Лия, не терзай себя, если ответа нет сейчас или ты просто не хочешь его говорить. Моё предложение серьезно. И ответить ты можешь, когда будешь готова, — ровным тоном произносит Вася.

Я убираю руки от лица и растерянно оглядываю мужчин. Кожей ощущаю растущее напряжение между ними. Вася смотрит на меня, а Пётр сверлит взглядом Васю.

— Я думаю, гость сделал всё, что собирался. — Петр встаёт с дивана и следом поднимается Чуров. — Пора и честь знать, правда Вась?

— Правда? — внезапно громко восклицает Василий. — Ты, Петя, про честь и правду лучше помолчи. Не стоит их марать своим языком.

— А ты из полиции нравов, Вась? Давно там служишь? — Пётр смеётся очень нехорошим смехом и приближается к Чурову.

Я вскакиваю с дивана и пытаюсь встать между этими гигантами, у которых, похоже, вместо мозга один тестостерон.

— Хватит уже! — кричу я и пытаюсь растолкать в разные стороны эти две глыбы мускулов.

А мужчины словно и не замечают моих попыток, напирают, злобно глядя друг на друга. Мне предотвратить вторую драку, я не вынесу очередного кровопролития.

Не было в моей жизни таких мужчин и хорошо, это ж никаких сил не хватит разруливать такое!

Я уже на грани истерики, но начинать ее смысла нет, моих слёз и криков не услышат. Пётр и Василий полностью поглощены друг другом.

Пока эти двое переругиваются, я лихорадочно оглядываю комнату. Ура, нашла! На журнальном столике стоит довольно большая каменная штука, похожая на мыльницу. Явно

предмет современного искусства.

Хватаю «мыльницу» и со всей силы швыряю в стеклянные двери гостиной. В окно бросать нельзя — там люди.

Звон раздается феерически оглушительный, стекла летят, как брызги по всей комнате, но следом раздается треск и снова звон стекла.

«Мыльница» вылетела из гостиной и долетела до изящного стеклянного стеллажа в прихожей.

Немая сцена. Оба смотрят на меня, заметили всё же, это хорошо.

— Следующий удар будет по голове одного из вас! — хрипло говорю я, расталкиваю мужчин подальше друг от друга, проходя между ними, и иду в коридор за предметом искусства разрушительной силы.

— Кому первому? — спрашиваю ошарашенных мужчин, держа в руках каменную «мыльницу».

— Лия, прости! — первым опомнился Вася, что меня и обрадовало и огорчило одновременно.

Пётр молчит, кося на Чурова единственным целым глазом.

— Ты права, мы ведём себя по-свински, — продолжает Вася.

— Говори за себя! — гневно басит Пётр.

Василий едва заметно дернулся в сторону Петровского, явно не с целью примирения.

— За себя? — подозрительно спокойно говорит Вася. — Хорошо, скажу за себя.

Вася поворачивается ко мне, запуская пятерню себе в волосы, проводя ею, как расчёской и устраивая на голове нервный беспорядок. Словно решается на что-то.

— Лия, не ради себя, а ради тебя, скажу, — смотрит серьезно. — Я не случайно появился в офисе в тот день, когда ты едва не упала в дверях.

— Прекрати, Чуров. Не будь скотиной, — как-то обречённо говорит Пётр.

Вася не обращает внимание на него и продолжает.

— Петя всегда затейником был и в этот раз тоже выдумал кое-что интересное. — делает паузу. — Он попросил меня выступить в роли шпиона.

— Что это значит? — спрашиваю я удивлению.

Краем глаза вижу, как Пётр засовывает руки в карманы своих спортивных брюк и отходит к окну, становясь спиной к нам.

— Это значит, что мне была поручена роль галантного кавалера, который должен очаровать тебя настолько, чтобы ты поделилась своими мыслями насчет своего внезапно обретенного отца. Мне следовало узнать насколько ты корыстна, насколько... — пауза, — доступна.

Я сидела молча, поражённая тем, что услышала.

— Петр боялся, что ты используешь положение дочери богатого человека для возможности вести ранее недоступный образ жизни, полный пьяной клубной жизни и неумного шопинга или чего похуже — Вася замолчал, глядя в пол, усыпанный битым стеклом.

— Лия, я надеялся, что ты узнаешь всё это не от меня. — Вася выпрямляется и идёт к выходу, но в дверях останавливается. — Но друг мой оказался не в силах быть честным, поэтому мой долг ему помочь. А теперь мне действительно пора уходить.

51. Пётр

Прошло два дня после того, как Лия ушла из моей квартиры. Ни звонков, ни сообщений от неё не было. Я звонил, писал, но кроме тишины в ответ — ничего.

Лия не кричала, не возмущалась после того, как ушёл Вася. Она несколько минут смотрела на меня, ожидая объяснений. Я молчал. А потом Лия глубоко вздохнула, собралась и ушла.

А я всё также молча смотрел, как захлопнулась входная дверь. Так и стоял среди разбитого стекла. Полквартиры было усыпано мелкими блестящими кусочками, острыми и скрипучими, когда переступаешь по ним.

Знал же, что Лия узнает о договоре с Васей. Знал, но сам молчал, надеялся, что всё можно рассказать позже, когда отношения с Лией окрепнут, а её доверие ко мне станет сильнее. Дождался.

Ваську не виню, он честно меня предупреждал, что будет всерьёз за Лией ухаживать. Он жениться собрался, что удивительно вдвойне. Чуров пережил такой развод несколько лет назад, после которого про повторный брак и думать страшно, а он...

А я? А я еду на работу. Она в моей жизни женщина постоянная и всё прощающая. С ней всё понятно и чётко. Я ей уделяю всё внимание, а она дарит мне... Что?

Деньги? Но уже я могу не работать до конца жизни, а денег мне на это хватит и без работы.

Общение? Совещания и разнос подчиненных трудно назвать приятным общением.

Радость? От контрактов и прибыли я остаюсь очень довольным, но не более.

Смотрю на дорогу, серой лентой улетающую под колёса. Всё летит и летит, а я словно на одном месте. Один.

Красный сигнал светофора останавливает поток машин. Глаз замечает цветочный магазин в одном из домов у дороги. На зелёный выворачиваю в проулок и бегу к витрине с букетами.

Дзинькает колокольчик на двери крохотного помещения, сплошь забитого цветами. Аромат стоит густой, летний, счастливый.

У меня вдруг поднимается настроение, вновь возникает желание действовать, добиваться и достигать. Не для работы, а для Лии, для себя.

Рассматриваю многоцветье вокруг и замечаю ярко-синюю охапку цветов, напоминающих васильки. Потом на глаза попадают нежные мелкие ромашки у кассы. Они незаметны, пока не подойдешь поближе. Мне хочется их забрать отсюда для Лии.

Выхожу из магазинчика с двумя вёдрами цветов и совершенно счастливой улыбкой. Волоку цветы, как орден за боевые заслуги — с гордостью. Всегда дарил цветы, как ритуал, а сейчас они, как спасение, как повод, как выражение чувств. По-настоящему.

Звоню отцу в машине, он сразу берёт трубку.

— Отец привет!

— Привет Пётр!.

— Скажи, а Лия с тобой сейчас?

— Нет, Петь, не со мной...

— А где она? Дома? — настойчиво выпытываю информацию.

— Петь, она уехала.

Билет купил сразу, взял минимум вещей и вот я уже выхожу из такси. Погода не радует совсем, после теплого салона автомобиля ветер пробирает до костей.

Меня начинает потрясывать и я почти забегая в холл простенькой провинциальной гостиницы. Оформился и, бросив вещи, отправляюсь поесть, иначе не доберусь до цели моего путешествия, я не ел нормально со вчерашнего вечера. А сейчас уже почти ночь, а кроме кофе ничем не подкреплялся весь день.

Адрес Лии мне дал Игнатов, юрист отца. Но перед этим мне пришлось встретиться с Петровским. И разговор был не из лёгких.

Я привык называть его отцом, хотя давно известно об отсутствии кровного родства между нами. Но Петровский вырастил меня, все мои детские и юношеские воспоминания о нем, как об отце. И пусть между нами было немало боли, мы смогли остаться в нормальных отношениях, хотя я и вел себя иногда просто непростительно.

Петровский был мудрее и многое мне прощал, понимал. Я только с годами стал осознавать, как много мне дал этот человек, как сильно повлиял и влияет на мою жизнь.

Я пришёл к Петровскому сразу после звонка из машины, так и приехал к нему с цветами. Отец удивлённо приподнял бровь, увидев меня с васильками в одной руке и с ромашками в другой.

— Пётр, ты меня балуешь, — спокойно произнес Петровский. — Но мне приятно, спасибо, — уже улыбаясь.

— Цветы Лие. — пояснил я коротко.

Отец хмыкнул.

— Какое разочарование. Я думал, что это мне.

— Где Лия? — начал я сразу.

— Проходи, Пётр. Сначала мои вопросы, а потом, может быть, и на твои ответы найдутся.

Мы в кабинете отца. Петровский расположился в кресле, а я в другом, напротив.

У меня было очень странное ощущение, будто мне лет семнадцать и сейчас отец станет учить меня жизни после очередной моей выходки.

Такое бывало в юности, но теперь это дежавю меня напрягло.

И вид у Петровского не очень-то доброжелательный, хотя внешне он, как обычно, чувств и эмоций выражает мало.

— Мне нужно увидеть Лию, — наконец-то я нарушаю молчание, сопровождающееся острым взглядом Петровского в мою сторону. — Где она?

Отец качнул головой и наклонился вперед, глядя на меня исподлобья.

— Тебе нужно, — не моргая смотрит. — А ей нужно?

Изучаю мужчину напротив. Понимаю, что теперь беседа пойдёт по его правилам. Лия его дочь и, вероятно, она рассказала ему всё, что произошло в последнее время.

Насколько мне известно, их отношения стали действительно родственными, близкими. А зная Лию, можно представить, как счастлив Петровский иметь такую дочь. Как он счастлив и как готов защищать её.

До меня, индюка, наконец-то доходит, что передо мной отец девушки, которую я люблю и которую я очень обидел.

Это не мой отец сидит напротив, а мужчина, который явно имеет намерение надрать мне задницу, ограждая своего ребёнка от неприятностей.

И сейчас, по мнению Петровского, главная неприятность для Лии — это я.

— Пётр, вилять не буду — я знаю всю вашу ситуацию. — Петровский сел в кресле поудобнее. — Лия мне рассказала то, что я не знал. А в общих чертах я был осведомлен о ваших отношениях с первых дней. Я сам мужчина и замечал напряжение между вами, а твои взгляды в сторону Лии были очень красноречивы, хотя ты частенько и рычал, как злобная гиена.

Меня передёрнуло от сравнения.

Меня накрывает одновременно и раздражение, и злость, и растерянность. Редкое сочетание для моих чувств. Растерянность явно лишняя, я к ней не привык.

Делаю глубокий вдох и пытаюсь сформулировать что-то веское, умное, важное, после чего отец меня поймет и скажет, где Лия.

— Я люблю её. — выдыхаю слова и сам им удивляюсь.

Не это собирался сказать, у меня был целый рой мыслей и фраз, которые убедили бы Петровского в том, что мне можно сказать, где его дочь, но вместо них вышло из меня всего три слова. И теперь я сам окончательно осознал, что эти слова самые правдивые.

— Петь, ты любишь Лию? — отец слегка нахмурился, но скорее растерянно, чем сердито.

Я встаю с кресла и делаю пару шагов вдоль стены кабинета, останавливаюсь напротив отца. Он смотрит на меня снизу вверх и ждёт ответа.

— Да, люблю, отец. — нервно провожу рукой по волосам. — И я обидел её. И ни один раз. Знаю, что я идиот, но у меня опыта такого не было. Все было просто раньше, а теперь оказалось совсем по другому. Что мне делать, а?

Отец встаёт с кресла.

— А что хочется сделать?

— По голове себе настучать. — горько усмехаюсь.

— Это хорошая мысль. — отец подходит ближе ко мне. — Но лучше сохранить голову целой. Она тебе ещё пригодится. — смотрит на меня в упор. — Петь, я знаю тебя очень хорошо, горжусь тобой, но это не значит, что я горжусь всем, что ты делал или делаешь. Многие твои решения раньше не касались меня лично, а теперь касаются и поэтому, не обессуди, я тебя в порошок сотру без зазрения совести, если ты вновь расстроишь Лию.

Отец отошёл к столу и вновь повернулся ко мне. Было заметно, что он сдерживает себя, пытается говорить со мной без угроз и нервов.

— Лия моя единственная дочь. Её счастье — это теперь цель моего существования. — отец говорил все громче. — И я не позволю ее обижать, понимаешь?

Я прямо смотрел в глаза Петровскому и не отводил взгляд ни на секунду.

— Понимаю. И тоже не позволю никому обижать Лию. Себе в первую очередь.

Я вновь шагнул ближе к Петровскому.

— Отец, это звучит странно, но я... — перевожу дыхание, — прошу руки твоей дочери.

Петровский хмыкнул, но улыбки скрыть не смог. Положил руку мне на плечо.

— Пётр, вот ты к тридцати пяти годам окончательно и повзрослел. Поздравляю! — отец вновь посерьёзней. — Адрес тебе скажет Игнатов, благословение своё даю, но решать всё только Лие, понятно?

— Еще как понятно. — говорю твёрдо.

— Вот и прекрасно. Бери адрес и не теряй времени — поезжай к ней... — подытожил разговор отец.

Родной город казался очень тихим после столицы, хотя раньше он был для меня загруженным машинами и людьми. Все познается в сравнении, на контрасте.

А сейчас мой городок напоминал мне маленького ленивца, который просто существовал, и этого действия для него было вполне достаточно.

Несколько месяцев назад, когда я уезжала к отцу, была полна разных чувств. И все они были не радостными. Я испытывала страх, неопределенность, тревогу, сомнения.

А сейчас ощущаю больное сердце. Именно так, в груди всерьез болело, ломило и жгло. Хотелось дышать глубже, а в следующее мгновение хотелось и вовсе перестать пользоваться кислородом.

Замереть в надежде, что сейчас станет легче и перестанет накатывать невыносимая тоска, от которой можно избавиться только если долго поплакать. Но и слез уже нет.

Влюбилась ты, Лия, влюбилась в мистера Хама. Не лучший выбор для обычной девушки с обычными потребностями. А потребности эти невелики. Всего-то нужно, чтобы меня тоже любили. Так просто и так невозможно.

Пётр, вероятно, что-то испытывает ко мне, но мне этого мало. Он привык быть главным, важным, привык брать то, что хочется. Меня тоже хотел и я его. Я пыталась понять и принять его отношение, но не смогла.

Слишком все жёстко, без мысли о боли, которую можно принести другому человеку. Я так не могу и не хочу. Переболею, отвлекусь и всё забудется. Наверное...

Пётр Петровский. Камень. Это прозвище закрепилось за ним в компании практически сразу. Так рассказывали девчонки из отдела кадров, когда поняли, что я не доносчица. Полагаю, Петровский знал о своем прозвище и, есть вероятность, что даже гордился им.

Ещё рассказывали, что он ни с кем из сотрудниц романов не крутил, хотя некоторые были бы только за. Пётр шикарный мужик во всех основных смыслах — внешность, деньги, авторитет.

Небольшой недостаток в виде булыжника в груди никого не смущал, только если Соню, но и она тоже так и не смогла размочить этот камень. А ведь была рядом с Петром не один год.

Мое сердце совершенно не справлялось с чувствами, билось как сумасшедшее, едва я вспоминала поцелуи и объятия Петровского. Неужели с его стороны это было всего лишь влечение? Он просто хотел меня, как мужчина хочет, например, совершенно незнакомую женщину?

Невозможно влезть в голову другого человека, но Пётр ни разу не сказал о своих чувствах ко мне. А его некоторые поступки меня просто пугали. Пётр с Васей пытались повернуть какую-то дикость, проверку меня, сбор информации.

Сначала я в шоке была, а потом подумала и пришла к выводу, что для людей, имеющих дело с огромными деньгами, такое простительно.

Они мыслят другими категориями, но мне они не подходят, поэтому нужно уйти с этой орбиты и быть самой собой. Если я мужчине такая нужна буду — прекрасно, а нет — идите лесом. Проживем без мистера Совершенство с каменным сердцем.

Я вздыхаю и активнее тру тряпкой стекло. Мы готовимся к свадьбе и все должно быть чисто и красиво. Ведь жених невесту обычно забирает оттуда, где сама невеста проживает, и

поэтому мы с Людой приводим нашу квартиру в идеальный порядок.

Свадьба — дело ответственное, в ней мелочей не бывает. Мысли мои прервал настойчивый звонок в дверь.

54. Пётр

Утром отправляюсь по адресу, который мне дал Игнатов. Выхожу из такси и с интересом осматриваю двор, он выглядит так, словно время здесь остановилось лет тридцать назад.

Тихо, пустынно, скрипят старые качели, на скамейке сидят закутанные в платки бабушки.

Нахожу нужный подъезд, дверь без электронного замка и поэтому я свободно захожу внутрь и быстро поднимаюсь по лестнице.

У квартиры на несколько минут останавливаюсь и только потом жму на кнопку звонка. Перекладываю букет из одной руки в другую, сам над собой от волнения посмеиваюсь.

Никто не спешит открывать, я вновь оглядываю цветы и снова звоню.

Трель старого звонка резко пререзает тишину ещё раз. В какой-то момент мне даже кажется, что в квартире никого нет, но через пару секунд дверь всё же распахнулась.

Стою и радостно улыбаюсь, ожидая, наконец-то, увидеть Лию, но в дверном проеме появился молодой парень.

Я удивлённо на него уставился и, более чем резко, спросил.

— Что ты здесь делаешь?

Мне было удобнее думать, что Лия дома одна и переживает из-за того, что между нами произошло. Я летел сюда с мыслью спасти себя и Лию от страданий и переживаний, а тут... молодой мужик в квартире. Да, я — самоуверенный балбес!

— Что ты делаешь в этой квартире? — повторно задаю вопрос.

Парень заметно подобрался и шагнул мне навстречу.

— Мы к свадьбы готовимся. — всмотрелся в меня, потом увидел букет. — А ты кто такой вообще? Родственник что-ли?

— И давно вы жениться надумали? — спокойно поинтересовался я, хотя внутри все словно оборвалось.

— А вам какое дело? — парень окончательно пришел в себя и уже в открытую пер меня. — Чего тебе здесь надо?!

Я тряхнул головой и, пряча ярость за улыбкой, снова попытался начать разговор.

— Как звать тебя, жених?

— Я Алексей, а ты кто? Ты чего за допрос устроил? — парень оказался с гонором, хотя ростом был едва ли мне по грудь.

— Отменяется свадьба, Алеша. — отодвигаю его в сторону и прохожу в квартиру.

Как только я увидел Лию, у меня будто горячка началась, накрыло жаром от макушки до пяток. Смотрю на неё, стоящую у окна с тряпкой в руках, и в прямом смысле горю.

Лия выглядит так по домашнему, что у меня сердце дёргается от мысли, что она в этой квартире с Алексеем живёт и к свадьбе готовится.

Это заклятье какое-то? Лия все время пытается выйти замуж за каких-то левых мужиков, а я не успеваю даже предложение сделать!

Либо я просто слишком медленно рулю ситуацию, либо, не имея опыта женитьбы, делаю всё неправильно. Присутствие Лии действует на меня так, что я просто теряю ориентацию в пространстве, и поэтому не сразу реагирую на то, что Алексей хватает меня за руку, пытаюсь то ли скрутить меня, то ли повалить на пол.

Алексей явно переоценил свои силы, дергая меня за рукав — я просто стряхнул его и он кубарем полетел к дивану.

— Свадьба отменяется, так как ваша невеста уже не ваша! — поясняю бестолковому Алексею.

Надо отдать должное парню — он боец, быстро встаёт на ноги и вновь наскокивает на меня и кричит.

— Люда моя невеста! Моя! — кричит Леша, пытаюсь ударить, целясь кулаком в челюсть.

Я замираю и парню удается меня слегка приложить, но я моментально обезвреживаю его, схватив за обе руки и развернув к себе спиной.

— Люда? Какая Люда? — спрашиваю, говоря прямо в ухо.

— Моя Люда! — вопит Алексей, трепыхаясь в моих руках.

— Что тут за шум? — громко спрашивает девушка, входящая в комнату.

Лёша пользуется моей заминкой и выскользывает из рук. Подскакивает к девушке и требовательно спрашивает.

— Людмила, это что за мужик?

Люда, не моргнув глазом, спокойно отвечает ему.

— Понятия не имею.

— Он сказал, что отменяет свадьбу! Что у тебя с ним?! Признавайся! — трясет девушку, как грушу, а потом с разбега вновь кидается на меня.

Инстинктивно выставляю локоть вперёд и Леша точно налетает на него носом, разбивая его в кровь. Нос.

Все происходит так быстро, что я не успеваю реагировать на новую информацию. Я понял, что ошибся, и не Лия невеста этого драчуна Алексея, а девушка Людмила, которая зашла в комнату. Все понял, но не успел и слова сказать, как парень кинулся на меня.

И вот Люда и Лия метнулись к лежащему на полу Лёше и стонущему так, словно у него сквозное ранение, а не разбитый нос. И я стою над всем этим с букетом цветов в руках. Приехал, называется, прощения у любимой просить.

В следующий момент Лия вскакивает с пола и подходит ко мне.

— Что ты за человек, Петровский?! — гневно вопрошает она. — Без мордобоя и двух слов связать не можешь? Я решила, что ты приехал поговорить нормально, а ты... вот что... — указывает на Люду с Лёшей.

— Лия, пойми, я ведь подумал, что это у тебя с ним свадьба готовится. — пытаюсь оправдаться, но Лия уже бежит на кухню, но почти сразу возвращается с пачкой замороженных пельменей, обернутой полотенцем.

Лия присаживается на корточки и прикладывает пельмени к носу Алексея. Потом Люда забирает самодельный холодный компресс и сама начинает ворковать над будущим мужем.

— Лия, ты же видела, я его не бил, он сам напоролся на локоть. — снова я сам себе адвокат.

А в голове только одна мысль, только одно желание — схватить девушку в охапку и унести отсюда куда-нибудь, где сможем спокойно поговорить, где я смогу объяснить Лие всё, что произошло с Васей, попросить прощения и, наконец-то, рассказать о своих чувствах.

А вместо этого я снова накосячил.

Я его ждала и не ждала, злилась и любила так, что готова была уже и простить его, и убить в один и тот же момент.

Внутри все узлом сворачивается, когда смотрю на него, паразита, тело реагирует однозначно — оно выбрало Петра сразу и абсолютно не согласно с моими доводами о том, что выбор ошибочен.

Стоит передо мной сейчас, весь такой красивый, серьёзный, сердитый. С Лёшей переругивается, но о чем, я толком понять не могу.

Взгляд Петра делал со мной что-то странное, притянул меня к себе, как магнит железную гайку.

Я так соскучилась, так хотела быть в объятиях этого вредного Петровского, что явно теряла последние капли гордости и почти уже кинулась навстречу гостю.

И в этот момент Алексей налетел на Петра и оказался с разбитым носом. Вид крови меня отрезвил от любовного дурмана. Сама не знаю, что меня больше разозлило. То ли глупая идея Лёши подраться с Петровским, который больше парня раза в два. Или то, что Пётр стал причиной драки.

Что же это за любовь такая, которая через драки и скандалы выражается. Где романтика? Где нежность? Где признания в чувствах?

Пётр держал в руках букет очень красивых роз, но так и не подарил их мне. А когда Лёша упал, заливая кровью ковер, мне уже было не до цветов, я метнулась на кухню за заморозкой для холодного компресса.

Люда хлопочет над Лёшей, а Пётр пытается оправдаться.

— Лия, ты же видела, я его не бил, он сам напоролся на локоть.

Мужчина сейчас так близко ко мне, что ощущаю свежий запах туалетной воды, тепло, исходящее от этого невозможного двухметрового драчуна. Синий взгляд умоляет простить и понять. Шаг, ещё шаг и я в его руках. Пётр одним движением откидывает букет в сторону и другим сразу подхватывает меня на руки.

Пётр со мной на руках оборачивается к Лёше и Люде.

— Помощь нужна?

Люда окидывает нас взглядом доброй мамочки.

— Вы уже сделали всё, что могли. Так что уноси её отсюда, — Люда кивает в мою сторону, — и без даты свадьбы не возвращайтесь!

— Люда, что ты говоришь?! — возмущенно пыхчу я в руках Петра.

— Правду и ничего кроме правды. Идите уже, пока Лёша опять не напоролся на какую-нибудь вашу конечность. — торопит Люда Петра, параллельно поправляя пельмени на носу будущего супруга.

И Пётр меня выносит из комнаты.

— Мы...куда? — шепчу прямо в ухо мужчине.

— Туда, где нет никого! — с придыханием отвечает Петровский и быстро шагает по лестнице вниз.

Между первым и вторым этажом сажает меня на подоконник и, не переставая прижимать к себе, окутывает своим пальто, как одеялом.

— Посиди тихонько, мне нужно позвонить. — просит.

А я совершенно ошалела от тепла, от запаха Петра. Послушно сижу, прижавшись к горячей груди, и слушаю, как бухает сердце мужчины, мужчины который приехал ко мне, нашёл.

Одна часть меня ощущает просто эйфорию от счастья. «Он здесь!» кричит эта часть. А потом озноб бежит по спине и слышу жёсткий голос разума: «Ему верить нельзя!».

И именно этот холодный разум нашептывает мне дальше, что Петр не моего поля ягода, что он не привык к отказам и поэтому за мной приехал.

Самооценка мгновенно падает в район моих пяток и тихо поскуливает оттуда о том, что я не подхожу Петровскому, что он слишком богатый и красивый, слишком избалованный вниманием женщин, что он не для такой, как я.

И в этот момент я остро ощущаю свой неряшливый вид — старая футболка, лосинки и волосы в растрёпанном хвосте.

А Петровский — он с иголки одет, уверен в себе и неотразим, елки — палки, ни в одной луже. В следующую секунду сама себя одёргиваю — это я должна ещё посмотреть, подходит ли мне этот товарищ синеглазый! А то явился ко мне, но пока ничего внятного про причины приезда не сказал.

У меня требования к нему просты — любить, уважать, быть верным. Вероятность первого условия больше всего, ведь недаром же он на самолёте летел за мной? Хотя любовь и желание получить недоступное могло перепутаться в башке этого гиганта большого бизнеса.

Про уважение понятно мало, точнее вообще ничего конкретного. А уж третье условие и вовсе из раздела «фантастика» городской библиотеки. Девочки из отдела кадров просветили меня про его «послужной» список.

Но они ведь и соврать могли? От злости, что не с ними парное катание на рабочем столе оттачивал. Боже, что у меня в голове?! Я как с Людой долго пообщаюсь, так сразу всё мне смешки да шуточки.

— Да, машину сейчас. Адрес вы знаете. Жду. — слышу чёткие команды Петра и выплываю из своих размышлений.

Дорогие читатели!

История Лии и Петра близится к завершению. Очень хочется узнать — понравилось ли вам? А может что-то не понравилось?

Буду очень благодарна за обратную связь:)

Пытаюсь отстраниться слегка, отлепить себя от горячего тела, чтобы мозг заработал на кислороде, а не на розовых мечтах девочки Лии.

— Ну уж нет, радость моя! — проговорил мужчина мне прямо в макушку. — Я тебя теперь тебя и на сантиметр от себя не отпущу, пока не смогу сказать всё, что должен. — Пётр плотнее закутал меня в своё пальто и заставил обнять ногами за талию.

Меня вновь подняли и понесли. И я решила не спорить, мне было так хорошо сейчас, что голос разума я заткнула розовыми цветочками, в данный момент летящими прямо из моего сердца. Мозг уже был полон розовых лепестков, посыпанных сахарной пудрой. Он уже не мог мыслить реалистично.

Мы вышли на улицу и соседки бабушки просто онемели от небывалой картины переноса меня мужчиной на руках прямо к шикарной чёрной машине. Теперь разговоров на год хватит.

На воздухе мой розово-цветочный туман слегка рассеялся и я вспомнила, что со мной

нет ни телефона, ни одежды.

— У меня телефон в квартире остался, — говорю Петру, пока он меня грузит на заднее сиденье, — и я не одета. Петь, ты слышишь меня?.

— Слышу, Лия, — усаживая меня на заднее сиденье говорит мой похититель, — это всё решаемо. Позвонишь сегодня с моего телефона, а потом купим и вещи, и новый телефон.

Следом за мной рядом уселся Петровский и тут же перетащил меня к себе под бок, обнимая. Уткнулся носом в шею и выдохнул.

— Лия, подожди немножко, хорошо? Не хочу говорить самые важные слова в машине, понимаешь? — спрашивает проводя носом по моей щеке.

— Ну, если важные, то конечно лучше подождать. — нервно хихикаю я в ответ, сразу забыв обо всех требованиях к Петру в виде любви, уважения и верности. Всё потом. Сначала важные слова послушать надо.

Машина плавно вырывается со двора и я вновь расслабляюсь, мне сейчас так хорошо. И ещё есть подозрение, что после слов, которые мне скажет Пётр, я просто лопну от переизбытка счастья. Разорвусь на маленькие розовые цветочки и засыплю ими полмира.

И сверху сахарной пудрой.

Она сидит на моих коленях и тихонько дышит мне в шею. А я млею, как мальчишка, греясь в ауре этой невозможно родной девочки.

Машина петляет по незнакомым мне переулкам, мы с Лией молчим, как я и попросил. Не хочу говорить наспех, шепотом и не видя глаз той, которая важнее всех.

Именно поэтому нам и нужно быть наедине, распоряжаться временем и словами так, как захотим, без вечно мешающих нам людей.

Наконец-то мы у гостиницы. Заношу Лию в холл на руках и спокойно поднимаюсь в номер. Спиной ощущаю удивлённые взгляды и тихие восклицания. Могу понять людей, мы с Лией смотримся, мягко говоря, необычно.

Высокий мужчина в пальто несёт девушку в домашней одежде и без обуви — Лия потеряла тапочки где-то по пути к машине. Что-то киношное в этом есть.

Дверь номера открылась быстро, несмотря на то, что делал я это одной рукой. Закрываю дверь просто толкнув её ногой. Свершилось — мы с Лией отрезаны от мира, от других людей, от влияния извне. Мы наедине.

— Отпусти меня. — толкнула меня в плечо Лия, едва мы зашли в номер, а я продолжал стоять, прижимая её к себе.

Тихонько расслабляю руки и опускаю драгоценную ношу на пол. Лия без обуви кажется совсем крохотной, такой трогательно домашней и на вид ей сейчас лет шестнадцать, не больше.

Девушка отходит от меня на пару шагов осматривается и хмурит брови, увидев яркое красное покрывало на большой кровати. Да, дизайн номера далёк от утончённого вкуса, но я думаю, что Лию смущает именно сама кровать в паре шагов от нас, а не цвет покрывала.

— Ты голодная? Что заказать в номер? — спрашиваю гостью, снимая пальто и откидывая его на кресло.

Лия молчит, словно мы снова отделились и она опять засомневалась во мне. Похоже, что мне нужно ее с рук не спускать и тогда все хорошо будет.

Подхожу к Лие и вновь беру на руки, чем вызываю возмущение.

— Хватит меня таскать, как мешок! — копошится девчонка, пытаюсь вырваться.

Но меня не проведешь, знаю уже, что дистанцию увеличивать нельзя. Усаживаюсь в кресло и с Лией на коленях делаю по телефону заказ из ресторана.

Нужно сделать это сразу, чтобы потом не отвлекаться.

— Зачем столько всего? — с подозрением спрашивает Лия.

— Много? Я бы не сказал. Тебе следует знать, что аппетиты у меня соответствуют моим размерам. — отвечаю просто.

Лия замирает, глядя на меня расширившимися глазами, чем очень меня веселит.

— Да, дорогая, я ем довольно много. — усмехаюсь, заправляя волосы девушки за алеющее ушко. — Все соответствует росту и весу, не переживай.

Лия больше не пытается вырваться и я решаю сказать самое главное.

— Прости меня, Лия! — смотрю, не отрываясь, в глаза. — За Ваську прости. Я от собственного бессилия затеял ту проверку.

— Бессилия? — эхом спрашивает девушка.

Киваю в ответ.

— Да, я уже тогда понял, что ты становишься для меня чем-то особенным, хотя я и сопротивлялся этому. Воспоминания о потере жгли меня. Ты же знаешь про Свету?

Лия замирает.

— Знаю. — смотрит с сочувствием.

— Это не оправдывает меня, но я всерьез злился, что всё так случилось тогда. И тут ты, как живое напоминание о том моменте, когда вся жизнь нашей семьи рухнула. — на секунду прикрываю глаза. — Инерция штука серьезная, и в физике и в жизни, так просто ее поменять не получается, через ошибки учусь, понимаешь? Привык все контролировать, это качество сделало меня тем, кто я есть, как дышать для меня, так и это, по силе зависимости одинаково.

Лия слушает слегка наклонив голову вбок, рассматривая меня, ощупывая глазами, то и дело взгляд замирает на губах. Намек понимаю и тут же склоняюсь в поисках поцелуя.

Какая же она податливая сейчас, мягкая, теплая, нежная. Накрывает меня по полной, контроль летит ко всем чертям. Стискиваю крепче в руках мою красавицу, стаскиваю резинку с волос, лезу горячими руками под футболку.

Но, вдруг, Лия резко напряглась и попыталась отстраниться. Я недоумению слегка отодвигаю ее и заглядываю в глаза.

— Что такое? — спрашиваю.

Лия тяжело дышит, крепко вцепившись в мои предплечья, глаза огромные. Я слегка передвигаю ее на своих коленях и Лия напряглась ещё больше. Все понятно — девушка ощутила, что я в полной боевой готовности.

— Извиняться не буду. — тихо говорю, глядя в глаза. — Сочтешь за комплимент? — улыбаюсь.

Надо знать Лию, она за словом в карман не полезет.

— Это довольно серьезный комплемент. — на секунду прячет глаза. — Не мне одной он говорится, так ведь?

Смеюсь в голос, чем вызываю возмущение. Лия ощутимо стукнула меня по плечу.

— Что смешного, Петровский? — сердится.

Вмиг становлюсь серьезным.

— Как ушла Соня, я таких комплиментов никому не делал.

Лия аж рот приоткрыла.

— Несколько месяцев?! — девочка в шоке.

Беру голову Лии в руки, нежно провожу большими пальцами по щекам, наслаждаюсь возможностью прикоснуться, трогать так, как хочется.

— Я люблю, — выдыхаю в губы, — тебя люблю. Очень сильно.

Целуемся долго, словно пьем воду после долгих дней в пустыне. Я брожу руками по Лие, прижимаю ладони к спине, зажимаю в кольцо талию, веду ниже, стискивая ягодицы и притягиваю бедра девушки ближе к своему паху.

Это происходит совершенно инстинктивно, тело реагирует и действует само, без единой мысли в голове. В каждой клетке звенит только один клич — сделать своей, слиться, стать одной плотью.

Силой выдергиваю себя из водоворота ощущений, а это непросто, меня унесло в такую эйфорию, что оторваться практически невозможно. Но у меня не сделано самое важное, ради этого стоило сейчас остановиться.

В одно мгновение снимаю с колен Лию и усаживаю ее на кресло. Хватаю пальто и

вытаскиваю из кармана коробочку. И сразу же становлюсь на одно колено. Улыбаюсь я, вероятно, как идиот, но никакими силами губы вернуть в обычное положение невозможно, меня распирает от радости. Хотя Лия и отказать может? Может. Но попыток может быть и несколько!

— Лия, предлагаю тебе свою руку, сердце, весь мой аппетит и все царство в придачу! — говорю на одном дыхании.

Лия сидит в полном изумлении, смотрит то на меня, то на кольцо. Потом глаза вспыхивают.

— Ну и момент ты выбрал! Я одета, как уборщица и без обуви. — Лия пытается хмурится, но я вижу смешинки в глазах. — Прямо Золушка. — уже смеётся в голос.

— Да или нет, Лия?! — грозно смотрю на хохотушку. — Да или нет?

Лия перестает смеяться.

— Я же требовательная жена буду и меня дома не запрешь. Согласен на это? Да или нет? — зеркалит мою интонацию.

— Согласен! — рапортую, как в армии.

— Я хочу троих детей!

— Согласен!

— Я ревновать буду!

— Я тоже!

Лия замирает и молчит.

— Да или нет? — повторяю опять.

— Да...давай попробуем. — шутки шутит девчонка.

Решаю действовать и вынимаю кольцо из коробочки сам. Беру Лию за руку и надеваю колечко. Точно впору.

— Пробовать не будем, не надейся. Состариться со мной придется, понятно? — шепчу уже в губы, а потом закрепляю сделку всей моей жизни сладким поцелуем.

Дальше всё идёт прекрасно. Большая кровать очень пригодилась. На ней сначала медленно, а потом все быстрее мы стаскиваем одежду друг с друга.

Только оказавшись совершенно обнаженными, я понимаю насколько хрупкая у меня любимая. Светлая кожа практически не прячет венки, особенно заметные на полной груди.

Зацеловываю каждую из тех, что ведут к соску, а потом накрываю ртом поочередно то один, то другой розовый кружок, заставляя охать и выгибаться их владелицу. Посасываю, облизываю, смакую кожу на животе, пытаюсь спуститься ниже, но Лия хватает меня за волосы.

— Постой! — сипит, пытаюсь выровнять дыхание. — Я так не могу!

— Как? — не понимаю я, но послушно возвращаюсь к губам Лии.

— Так быстро. Это быстро, Петь. — шепчет мне в щёку. — Мне страшно.

Страшно? Меня словно ледяной водой окатило.

— Лия, ты боишься? Меня?

Лия лицо уже в мою шею уткнула и сопит.

— Не тебя, а того, что происходит. И очень быстро происходит. — слышу ответ.

— Согласен, что сегодня быстро. Но в рамках нашего знакомства, вполне себе можно уже поторопиться. Как считаешь? — пытаюсь шутить, хотя мой организм уже едва способен дышать, справляясь с возбуждением.

Нависаю над Лией, пытаюсь закончить эту веселую игру в прятки. Встречаю смущённый

взгляд на пылающем лице. Смущается моя радость, это очень мило, но я уже скоро сам начну дымиться и пылать.

— Понимаю, давно этого не было, да? — спрашиваю, а сам целую в губы, опускаюсь к шее, плечу.

Ощущаю странную вибрацию под губами и приподнимаю голову.

— Тебе теперь смешно? — удивляюсь.

Лия смотрит на меня и хихикает, нервно, но весело так.

— Ты прав, — обнимает меня за шею и прижимается ближе, губы у самого моего уха, — очень давно это было.

Её дыхание срывается от каждой моей ласки, влажных прикосновений, нажимов. Я шепчу на ухо всё, что сделаю с ней, как стану любить, присваивать, овладевать. Стискаю бедра девушки, устремляясь к ней, делая ее теперь своей окончательно и навсегда.

Лия вздрагивает, выдыхает громко, со стоном и подтягивается ближе ко мне, горячо шепчет мне в ухо.

— Ты первый и единственный...

И вместе со словами я тут же ощущаю подтверждение им и чувствую себя так, словно весь мир стал принадлежать мне. Мой мир. Моя Лия.

— Опять породнились? — Андрей Петровский улыбается бывшей жене.

Мать Петра смотрит из-под шляпки, утирая белым платочком слезы со щек.

— У меня сегодня от счастья голова кружится, невозможное случилось, я дождалась! —

Мария Сергеевна взволнованна.

— Чего же тут невозможного? — удивляется Андрей Николаевич. — Свадьба обычное дело.

— Обычное? Это для других, а я уже надежду потеряла, что Петя хоть кого-то полюбит, кроме работы. Весь в тебя. — фыркает женщина.

— Ну да, в меня, — смеётся Петровский.

— Ты его воспитывал, он с тебя пример брал. — Мария Сергеевна непреклонна.

Андрей Николаевич сокрушенно качает головой. Спорить нет смысла. Пётр и правда в работе очень похож на него.

На дорожке к шатрам появились молодожены. Гости зааплодировали, музыка стала громче.

Лия улыбается гостям, а Пётр смотрит на жену. Он теперь с трудом отрывает взгляд от хрупкой девушки, которая сегодня стала его женой.

После примирения и возвращения домой прошло несколько месяцев, наполненных для Петра непривычными событиями — знакомство с матерью невесты, праздник по случаю помолвки, планирование свадьбы.

Пётр сказал Лие, что ни один проект не отнимал у него столько сил и энергии, как подготовка к свадьбе. Лия хотела скромную простую церемонию, но будущая свекровь чуть в обморок не упала от такого плана.

И все вылилось в большое событие, гостями которого стало множество людей. Родственники, друзья, коллеги. Все пришли разделить радость молодоженов. А в ней никто не сомневался, слишком явно счастливыми были жених и невеста, вернее уже муж и жена.

Пётр пока не получил в офисе новое прозвище, но старое уже исчезло. Каменные свойства личности очень смягчились, а прибыли у компании меньше не стало. Вот так неожиданно.

Все удивлялись, как маленькая Лия умудряется одним движением пальчика усмирять этого гиганта Петровского. До подкаблучника ему далеко, но Пётр искренне считает, что любое желание Лии первостепенно.

При этом ссорились влюбленные яростно, характеры сильные у обоих, но примирение было сладким и к свадьбе уже практически не было разногласий.

— У меня есть объявление! — воскликнула Лия когда пришло время бросать букет в группу взволнованно хихикающих девушек, пока не имеющих кольца на пальце.

Гости затихли, в числе них и мама Лии, и Люда с мужем, и Игнатов, и Василий, и даже помощница Лена, уже готовая родить в любую минуту. Все замерли.

— Есть новость, которую я получила только сегодня, — Лия зарделась, глаза подозрительно заблестели. — Петя, это тебе. — Лия протянула мужу конверт.

Пётр хоть и выглядел счастливым, но немного озадачился. Он знал план свадьбы наизусть, а сейчас происходило нечто, что не планировалось.

Пробежал глазами по словам листа, вынутого из конверта, потом ещё раз, и ещё.

— Что случилось, Петя? — заволновалась Мария Сергеевна.

Пётр побелел, но держал себя в руках. Взял в руки микрофон и четко объявил.

— Дорогие родители, поздравляем вас, вы скоро станете дедушками и бабушками. — короткая пауза. — А мы с Лией родителями. Двоих детей сразу.

Гости устроили овацию, крики «Ура!» и «Поздравляем!» были слышны, вероятно, за много километров от места свадьбы. Мама Лии и мама Петра кричали громче всех.

Больше книг на сайте - Knigoed.net